

**НАЗИРА
ВАЧНАДЗЕ**

Назира Вачнадзе родилась в 1926 году в Южной Грузии.

В ноябре 1944 г. вместе с мусульманским населением края была депортирована в Среднюю Азию. В 1956 году ей удалось со своей семьей вернуться в Грузию. С тех пор она живет в Тбилиси.

Книга является её воспоминаниями о детстве, депортации, жизни на чужбине и на родине после возвращения. Повествование Назиры пронизывает глубокая боль за трагическую судьбу депортированных месхов, до сегодняшнего дня не получивших право вернуться на родину. В книге так же приведены образцы фольклора месхов-мусульман, собранные ею, которые публикуются впервые.

"Господи милостивый, положи конец унижениям и мучениям моего несчастного народа, помоги ему, вновь приобрести родину, ведь он единственный на земле народ не имеющий её." Это слова из каждодневной молитвы Назиры...

книга **НАЗИРЫ** – депортированной месхетинки

книга **НАЗИРЫ** – депортированной месхетинки

книга НАЗИРЫ — депортированной месхетинки

НАЗИРА Вачнадзе

“Кавказский Дом”
Тбилиси
2004

Редактор – НАИРА ГЕЛАШВИЛИ
Художник – ГОГИ ЦЕРЕТЕЛИ

На обложке использована фоторабота МИХАИЛА НАДИРАШВИЛИ

Приношу сердечную благодарность моим друзьям: НАИРЕ ГЕЛАШВИЛИ, КАМИЛЛЕ КОРИНТЭЛИ, ГАМЛЕТУ ЗУКАКИШВИЛИ, МИХАИЛУ БЕРОШВИЛИ, ТАМАРЕ УДЖУХУ, НИКЕ ГЕЛАШВИЛИ, ЕЛЕНЕ ГАЛАШЕВСКОЙ, КАХЕ РЕВАЗИШВИЛИ и другим сотрудникам “Кавказского дома”, которые помогли мне создать эту книгу. Да поможет им Бог!

Назира Вачнадзе

ISBN 99928-71-62-8

О НАЗИРЕ – ДЕПОРТИРОВАННОЙ МЕСХЕТИНКЕ

С Назирой Вачнадзе я познакомилась в 1989 году, в каких обстоятельствах – не помню. У меня такое ощущение, что она была всегда со мной. Как мы познакомились, об этом помнит Назира. Вообще, она помнит все. Эта книга – именно плод ее феноменальной памяти, но об этом позже. Назира помнит, что нас познакомил друг с другом Кирман Двалидзе, друг ее детства, который часто приезжал в Тбилиси из Узбекистана, где он, как и Назира, оказался в результате депортации мусульманского населения из Южной Грузии в Среднюю Азию и Казахстан. Хотя самого Кирмана не выселяли, потому что его просто не было дома. Он, как и все боеспособные мужчины и юноши Месхети был на фронте и воевал против фашизма. А когда вернулся на родину, то увидел опустошенные деревни и запечатанные двери своего дома. И Кирман, как и все, вернувшиеся в пустые дома, голодные, смертельно уставшие или раненые месхи-мусульмане, поехал искать своих и нашел их в Узбекистане, нашел там и Назиру вместе с ее близкими. Но по велению судьбы, семье Назиры удалось вернуться в Тбилиси еще в 1954 году, за два года до снятия комендантского надзора. Это был единственный такой случай, так как даже после смерти Сталина месхам запрещалось возвращаться в Грузию. Она то вернулась, но все родственники ведь остались там, на чужбине: тети, дяди, двоюродные братья и сестры, их дети... Это такая невыносимая боль для месхов, для которых родственные связи имеют огромное значение, так же как и кладбище на родной земле. А теперь и живые, и мертвые рассеяны и разбросаны на огромной территории Средней Азии и Казахстана, на Северном Кавказе и в Азербайджане. Они умирают так, что родственники узнают об этом очень поздно, и

оплакивают своих усопших издалека, зная, что никогда не смогут посетить их могилы. А что все это означает для кавказских народов, об этом знают только они сами...

Но я должна вернуться в 1989 год, потому что мне запомнился он навсегда не только как кошмар, но и как начало длившейся до сих пор внутренней эмиграции части грузинского общества, к которой принадлежу и я.

Конечно, это был кошмар – карательная операция 9 апреля, когда советские солдаты зверски расправились с участниками мирного митинга, отравляющими химическими веществами и саперными лопатами, в результате чего 20 девочек и женщин были убиты на месте, а сотни людей заболели навсегда, и продолжают умирать по сей день! Но настоящим кошмаром для малой части общества "9 апреля" стало то что, когда первая волна всеобщего горя и чувства собственного достоинства, то есть катарсиса, быстро прошла, и остались раздражение и нетерпимость, рутина правительства и демагогия "новых сил", любыми средствами стремящихся к власти. "9 апреля" тоже было таким "средством", принесшим Звиаду Гамсахурдиа и его соратникам нужную популярность в борьбе против коммунистов. И вот эта незнакомая доселе в Грузии ксенофобия с особой силой обрушилась именно на депортированный народ, что заставило председателя "Лиги защиты прав месхов-мусульман" Зураба Мамаладзе сказать: "Грузинский фашизм прошел апробацию на месхах-мусульманах".

Произошло это так: буквально через 2 месяца после "9 апреля", началась ферганская катастрофа: погромы проживающих там депортированных месхов, продлившиеся 17 дней, во время которых жгли заживо людей и их дома, скот и сады, пытали, насиловали детей и женщин перед глазами отцов и мужей... И народ, уже почти полвека находящийся в изгнании, народ не принадлежавший никому, протягивал руки к родине своей, Грузии...

А здесь "рулевыми" были уже Звиад Гамсахурдиа и его

соратники. В 60-х годах З. Гамсахурдиа пропагандировал христианский оккультизм в лице антропософии доктора Р. Штейнера. Он часто подчеркивал глубинное значение самого понятия "антропософия" – человеколюбие. Он считал, что именно акцент на любовь к человеку был самым актуальным, ибо только любовь могла спасти этот мир, который становился все более жестоким и агрессивным.

В 70-х годах З. Гамсахурдиа, М. Костава и др. стали диссидентами-правозащитниками. Одним из самых важных приоритетов своей программы они объявили защиту прав депортированных месхов-мусульман, в первую очередь, их права на репатриацию. Тем самым они продолжили уже существующую в Грузии нравственную традицию: сразу же после высылки месхов пять крупнейших грузинских ученых письменно обратились к Сталину с просьбой вернуть на родину несправедливо наказанных месхов. А в феврале 1979 года почти все видные представители грузинской научной и творческой интеллигенции обратились к секретарю ЦК Компартии Грузии Э. Шеварднадзе с настоятельной просьбой: "восстановить справедливость в отношении так тяжело пострадавшей части грузинского народа". И Э. Шеварднадзе выполнил эту просьбу: за период его правления в Грузии репатрировалось 300 семей месхов-мусульман.

Еще в июне 1989 года в газете "Тбилиси" З. Гамсахурдиа уточнил отдельные пункты программы политического объединения "Круглый стол" – свободная Грузия", возглавляемого им самим. Он писал, что необходимо вернуть на родину 300 000 депортированных грузин-мусульман, а кто уже потерял грузинское самосознание и считает себя турками, с ними нужно вести просветительскую работу. Буквально через месяц после этой статьи начались погромы месхов в Фергане, и их возвращение в Грузию само собой стало на повестку дня. И тут З. Гамсахурдиа радикально меняет позицию. Его лозунгом становится "Ни одного турка на земле грузинской!". Правда,

такое перевоплощение бывшего правозащитника и диссидента (который, кстати, в 1978 году публично покаялся в своей антисоветской деятельности) произошло под влиянием представителей грузинской гуманитарной интеллигенции, которые только что вернулись со Съезда народных депутатов Советского Союза. Дело в том, что они там встретились с представителями депортированных месхов, которые объявляли себя турками, и не говорили на грузинском языке. Это и решило судьбу целого народа. "Если хотя бы один беженец-месх наступит на грузинскую землю, истории Грузии придет конец", – заявил по телевидению видный представитель грузинской интеллигенции, признанный моральным авторитетом Акакий Бакрадзе.

З. Гамсахурдиа увидел, что эта идея принесет ему больше популярности, чем призыв к репатриации уже "отуреченного" народа. В разрез с этими настроениями, окончательно отрицающими принципы права и гуманизма, Патриарх Всея Грузии Илья II сказал: "Рано или поздно эти люди должны вернуться к нам. Мы обязаны заботиться о них". И он послал в Фергану лекарства и продукты питания. Многие разделяли позицию Патриарха, заявляли о своей готовности принять несчастных людей и позаботиться о них. Но влияние З. Гамсахурдиа и А. Бакрадзе было тогда сильнее: в Грузии началась антимесхская истерия. Это ферганских погромов здесь отозвалось не возмущением против жестокости и вандализма, а погромами проживающих в стране с 70-х годов (благодаря Э. Шеварднадзе и грузинской интеллигенции) месхов-мусульман. Это привело к тому, что в 1989-91 годах сторонники З. Гамсахурдиа вторично депортировали из Грузии около 200 семей уже адаптированных месхов. Среди них оказались и семьи двух братьев Двалидзе, которых мы – часть грузинской интеллигенции – заселили в 1989 году вскоре после ферганской трагедии в Карельский район, село Брети.

Сохранить грузинские фамилии в паспорте было настоящим героизмом со стороны депортированных. Им – живущим

в комендантском режиме – предлагались любые национальности и фамилии, только должны были отказаться от грузинской. Рождение каждого ребенка Двалидзе отцу стоило отсиживания в карцере, так как они упорно хотели фиксировать свою грузинскую фамилию в свидетельстве о рождении ребенка. И вот эти люди, мужчины, старики, дети, женщины – их было тогда 62, были избиты, ограблены, оскорблены "грузинскими патриотами"... Мне пришлось приютить у себя дома молодую мать, невестку Кирмана Двалидзе, Маю, с грудным ребенком и трехлетней девочкой. До этого она, бежавшая вместе со всеми Двалидзе из Брети жила на квартире у Зураба Мамаладзе, на ул. Худадова, №41, но там им тоже устроили погром, и Зураб чудом смог спасти мать с детьми... Назира, я и Цисана Кобидзе, моя подруга, ухаживали за ними, члены "Общества Ильи Чавчавадзе" – Тамрико Чхеидзе и др. приносили продукты для детей.

На многотысячных митингах перед Домом правительства З. Гамсахурдиа призывал изгнать из Грузии всех месхов-мусульман, и называл Резо Чхеидзе, Гурама Мамулиа, Тамрико Чхеидзе, меня и других "агентами Кремля", которых нужно уничтожать. Назира, Цисана и я молили бога, чтобы и нам не устроили погрома. Молодая мать, и так дрожавшая от страха, этого не перенесла бы... Такая милая, кроткая девочка!.. Мне никогда не забыть ее глубокие, черные глаза, выражавшие безграничный страх, печаль и удивление: "Почему?" Я старалась что-то объяснить, но понять это она так и не смогла...

Позже она попыталась покончить жизнь самоубийством, ее душевное равновесие навсегда было нарушено...

А Кирман Двалидзе, который гордился, что вернул своих братьев на родину и обустроил их, больше уже никогда не приезжал в Грузию. Братья Двалидзе вместе со своими семьями – рассеялись по России.

Вот видите, хотела рассказать о Назире, а стала рассказывать о политике. Да, еще Наполеон говорил, что "судьба (или

рок) – это политика". Ведь месхи-мусульмане – жертвы политики и трех империй: Османской, Российской, Советской, а теперь уже и республики Грузия.

И у Назиры, можно сказать, нет "частной жизни" – она внутренне вся переполнена страданиями целого народа, своего народа и Грузии.

Назира часто рассказывает мне о своей жизни, о своих снах (она часто видит вещие сны), предчувствиях и снова и снова о детстве... И меня каждый раз удивляет изобилие деталей, сохранившихся в ее памяти, которую видно необычно обострил именно этот стресс – изгнание с родины. Помните все – все детали детства, депортации, всех последующих бедствий и тихих радостей – это может быть и подсознательный реванш по отношению к страшному эксперименту – лишить целый народ всего: дома, детства, родины, любимых предметов и деревьев...

Приняв в 1999 г. обязательство перед Советом Европы вернуть обратно депортированное население, Грузия постоянно уклоняется от выполнения взятого на себя обязательства. Власти постоянно (и почему-то гордо и вызывающе) объявляют, что "страна для этого не готова". Это, наверное, так и есть. К сожалению, трудно сказать, для чего она вообще готова. Но где же, если не слова, то хотя бы интонация сожаления? Где же интонация элементарного сострадания к бесконечно страдающему народу, народу без родины, хотя бы от женщин-политиков? Власть хладнокровна к депортированному народу, потому что она, по сути, хладнокровный феномен. Скрывать свое равнодушие она считает нужным только по отношению к собственному народу, понятно почему. Но ее слова, интонации и поведение заразительны. Каждое равнодушное упоминание "турок-месхетнцев" со стороны господ-депутатов (как будто речь идет о камнях) – это нож в сердце Назиры и, конечно, всех месхов-мусульман, которые это слышат. А когда с каким-то маниакальным рвением оскорбляют и без того оскорб-

ленный, беспомощный народ, клеветают на него, делая из него народ-монстр, чем постоянно занята наша масс-медиа за последние 14 лет, используя для этого такие одиозные фигуры, как например, Гурам Шарадзе, типичный представитель "красной интеллигенции" – то Назира тогда просто заболевает. Она плачет и боится, что некоторые из соседей могут стать агрессивными по отношению к ней, ее детям и другим месхам. Ведь такое происходило не раз. Назира как бы скорбящая мать всех депортированных месхов-мусульман, мать молящая за их спасение.

У Назиры очень больное сердце и такой голос, как будто он проходит через набитый осколками какой-то туннель и кровоточит. Но Назира необычно одаренная женщина. Она владеет русским, турецким, азербайджанским, узбекским, казахским, армянским языками. Она прекрасно перевела на турецкий язык адыгейский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский, карачаево-балкарский фольклор из серии "Фольклор народов Кавказа", издаваемой "Кавказским домом" на грузинском и русском языках. И она хочет, чтобы в эту серию вошел и фольклор месхов-мусульман, часть которого она сама запомнила или собрала. Назира умеет прекрасно шить, вышивать, рисовать, рассказывать, воспитывать, ухаживать за больными, детьми, животными, цветами, землей, владеет всеми нюансами парикмахерского и кулинарного искусства и молча и верно служит всем близким. И вот такой Назире помогает ее способность художественного и религиозного восприятия мира, ее способность любить. Ее вера в Бога и божественную справедливость, которую, укрепила бесконечная скорбь, – несокрушима. Она знает, что божественная справедливость – это главная тайна переполненного сострадания мира и не задает вопросы своему Богу.

Назира первая поздравляет меня с Рождеством и Воскрешением Христа. Часто мы вместе красим яйца в страстную пятницу вечером. Я тоже поздравляю ее с рамаданом. Я

даже не заметила, как она постепенно становилась моей второй матерью. И это так хорошо – иметь двух матерей – одну христианку, другую – мусульманку. Тогда ты непосредственно чувствуешь, что эти два мира действительно неотделимы друг от друга, и пребывают в тебе в такой естественной любви.

Наира Гелашвили
писатель, руководитель Центра культурных
взаимосвязей Грузии "Кавказский дом"
ноябрь, 2004 г.

Родилась я в селе Ацкури Ахалцихского уезда, первого августа 1926 года. Отец мой – Шахпандар-оглы Муаддин (Орджоникидзе) 1901 г. рождения, мать – Зати Сулейман-кызы (Вачнадзе) 1907 г. рождения.

К моему рождению в семье нашей уже была моя старшая сестра Пикрия. Ей было шесть лет. В 1929 году папу направили работать в Адингенский р-н, создавать колхозы. До 1933 года мы переезжали из села в село, постоянного места жительства у нас не было. В 1933 году меня отдали в начальную школу в с. Рабате. В 1937 году я "на отлично" закончила ее и пошла в семилетку в селе Адигени. Когда я закончила седьмой класс в райцентре Рабат открылся педагогический техникум. Семилетку я тоже закончила "на отлично" и без особых трудностей поступила на первый курс педтехникума в 1940 году.

Когда началась война и всех преподавателей забрали на фронт, нас, студентов, с первого по третий курс разбросали по школам, преподавать вместо них. Меня послали в село Горгули. Утром я преподавала в школе и по совместительству вела учет трудодней в колхозе, а вечером продолжала учиться в техникуме. В 1940 году семья пополнилась моей младшей сестрой Эммой. В 1943 году я "на отлично" закончила учебу и начала работать завучем и преподавателем физико-математических предметов в школе, в с. Лиловани. Параллельно работала бухгалтером в колхозе.

15 ноября 1944 года нас выслали в Узбекистан, где мы всей семьей прожили до 1954 года. Там же в 1946 году я вышла замуж. В 1947 году у меня родилась дочь, а в 1949 году – сын.

В ссылке я начала работать преподавателем в детском доме, потом в совхозе бухгалтером. Собирала хлопок в совхозе. Работала везде – где можно было заработать на жизнь. Цель была одна – выжить.

Благодаря заявлениям, которые писал в Москву папа, в 1954 году нам, единственной семье, разрешили вернуться в Грузию, за два года до отмены комендантского надзора. С 1954 по 1959 годы я с мужем и дочерью жила в Дманиси, сын с моими родителями и сестрой жили в Тбилиси.

В Дманиси я работала воспитательницей в детском саду, а муж в школе преподавателем физкультуры. В 1959 году я с детьми переехала к родителям в Тбилиси. В 1969 году начала работать на комбинате сувенирных изделий художником-батином. В 1983 году вышла на пенсию, но продолжала работать до 1989 года. В этот год на комбинате сократили всех негрузин. В 1990 году начала работать в "Кавказском доме" собирателем фольклора месхов. В 1997 году попала под сокращение.

С самого детства я была очень любознательной. Я рано поняла, что мы почему-то не такие как все и всегда спрашивала у взрослых – кто мы? – интересовалась историей нашего народа. Когда я осталась без работы, я решила – времени много, начну писать обо всем, что мне удалось увидеть, услышать, собрать и пережить. Но пишу я не с целью, чтобы меня пожалели, нет! Чтобы довести до людей, кто же мы такие, так называемые "турки-месхи", а в действительности – месхи-мусульмане.

Может быть, прочитав мои воспоминания, общество, я очень на это надеюсь, поменяет свое представление о нас, и нашим детям уже не придется никому ничего доказывать и объяснять начиная с Адама и Евы. А тем единичным семьям, которым чудом удалось вернуться на Родину, облегчат жизнь, которая и так нелегкая у каждого живущего на земле.

* * *

Настал 1944 год, четвертый год войны. Для нас, месхов, это был самый тяжелый год. С начала войны в Месхети редко можно было встретить мужчин, все мужское население мобилизовали на фронт. Остались те, у кого была бронь и к ним к 1944 году добавились раненные да безрукие, безногие инвалиды. Несмотря на это, работы на полях не прекращались. Люди трудились круглые сутки на строительстве железной дороги Боржоми-Вале. Дорогу эту начали строить в конце 1943 года. Поначалу прокладывали ее не торопясь. Она имела стратегическое значение, и строилась на случай, как мы знали, если война дойдет до наших мест. Вдруг ее строительство ускорили, объяснялось это тем, что хотят сдать объект к очередной годовщине Великой Октябрьской революции. По распоряжению райкома партии, председатели колхозов из колхозников стали собирать трудовые бригады. В состав этих бригад вошли все те же женщины и подростки за годы войны юноши и девушки. Разница была только в том, что работающие в колхозе ночью возвращались домой, а трудовые бригады работали день и ночь. И там и тут работали вручную, никакой техники. Периодически менялись. Уставшие на строительстве железной дороги заменялись "отдохнувшими" на полевых работах. Но страну мы не подвели. К годовщине железная дорога была завершена. Какой ценой удалось это выполнить?! Прокручивая назад в памяти кадры из прошлого, как киноленту, мысленно возвращаясь в ту далекую пору, мне сейчас кажется, что уже тогда кое-кому из наших руководителей были известны истинные причины такой быстрой сдачи объекта. Людей заставляли работать в холод полуголодными. Сколько их умерло от истощения. Ряды их редели, как на фронте, но никто ни разу не высказал свое нежелание помогать фронту, потому что понимали, что работой в тылу приближают окончание войны и помогают солдатам, сражающимся на фронте. Можно сказать, они пали смертью храбрых в тылу, а никто их и не помнит.

Каждый год комсомольцы и активисты собирали подарки бойцам и отправляли посылки на фронт. Этот год тоже не был исключением. В этот год я тоже вместе со всеми ходила по домам собирать подарки. На четвертый год войны мало у кого что оставалось, но люди делились последним и с добрыми пожеланиями и благословениями давали нам вязанные носки, перчатки, теплые свитера, портянки, выкроенные из одеял. Девушки давали вышитые носовые платки и кисеты, сшитые из лоскутков бархата. Отдавая последнее, люди говорили: "ничего, мы же дома, как-нибудь обойдемся, перебьемся. Дома и стены помогают. Лишь бы скорее закончилась война и наши мужчины живыми вернулись домой".

Все собранное мы упаковывали в ящики и отправляли, наивно указывая обратный адрес. Мы же тогда не знали, что если бы даже нам прислали письма с благодарностями, адресатов за старания выдвоят из стен, которые должны были им помогать, и отправят по ими же построенной железной дороге, проверять на них, насколько хорошо и надежно она проложена.

Видавшие виды руки стариков, неутомимые женские руки и хрупкие руки детей творили на полях чудеса. Урожай 1944 года собрали перевыполнив план. Завершили сенокосные работы. На предстоящую зиму заготовили корм для скота.

Обычно в ноябре колхозники получали аванс, а основной, полный расчет, производился к Новому году. Я так думаю, что это тоже было изменено из-за предстоящих перемен. Было приостановлено распределение урожая на трудодни, чтобы не терять на это дни, которых оставалось все меньше и меньше. Нам сказали, что надо срочно заняться вспашкой земли под озимые и засеять их, чтобы успеть до того, пока выпадет снег. Нам обещали, что по окончании этих работ колхоз с нами рассчитается. Никто и мысли не допустил, что здесь какой-то обман. Молча, как всегда, вышли всем составом на поля. Тракторов не было, пахали на быках сохой да плугом. Вспахали и засеяли урожай 1945 года, а собрать нам уже не довелось.

Такого изобилия в этих краях, как в тот год, давно не было.

Природа, как будто хотела вознаградить нас, за наш тяжелый труд. Я, за работу счетоводом в колхозе, каждый месяц получала 90 трудодней. На один трудодень приходилось 17 кг. зерновых. Молочные продукта – сыр, масло. Кроме того, начислялась еще и зарплаты деньгами. Только на мои трудодни семья могла жить ни о чем не думая, столько всего мне полагалось за год работы, но все это осталось начислено только лишь на бумаге. Никто так ничего и не получил. Кому все это досталось, у кого спросишь? Наверяд ли кто-то ответит на этот вопрос, если даже будет знать.

В тот год было не только изобилие, но поражали размеры овощей. В райцентре устроили сельхозвыставку. Люди приносили туда со своих огородов картофелины весом в 700-800 грамм, тыкву весом в 15 кг, кочаны капусты весом в 8-10 кг.

Старики с опаской говорили: "Не к добру все это". Как в воду смотрели. Опасения стариков сбылись, но почему-то беда свалилась только на головы месхов-мусульман. Оказывается, самое главное испытание на выживание нас ждало впереди. То, что нам пришлось пережить до этого, были цветочки по сравнению с тем, что нам предстояло пережить. Теперь, по прошествии времени, перебирая и восстанавливая в памяти моменты тех тяжелых дней – я начинаю сомневаться в невинности наших тогдашних руководителей. Я так думаю, может не все, но большинство знало о приговоре, вынесенном нам, месхам-мусульманам. Что мы доживаем последние дни в своих домах знали даже те, которых потом заселили в наши дома. Более того, самые предприимчивые, не дожидаясь нашего отъезда, уже ходили и выбирали себе хорошие места и красивые добротные дома. Такого цинизма и лицемерия по отношению к нам мы даже и представить не могли. Разные слухи ходили, но на свой счет эти слухи никто не принимал. Да и на самом деле, за что? Все задания партии и правительства мы выполняли четко и беспрекословно, "на отлично", и потому до последнего момента не верили никаким слухам. К сожалению, ни тогда, в те далекие годы, ни сейчас, по прошествии десяти-

летий с того дня, когда свершился над нами этот несправедливый, страшный суд, никто из нас не знает истинной причины – за что? И как долго еще будет этот вопрос висеть в воздухе, а народ продолжать страдать. Кто-то сейчас говорит о несовместимости проживания месхов-мусульман, месхов-христиан, армян, проживающих там. Непонятно, а как же мы жили веками бок о бок, дружили, любили, женились, выходили замуж. И в радости и в горе были вместе, жили душа в душу. Никогда вера и национальность не были преградой в добрососедских отношениях. Почитали религиозные праздники друг друга. Хоть и были разной веры, но в дни религиозных праздников поздравляли друг друга. Дети с детства росли полиглотами, знали три местных языка и русский – международный. В один миг все разрушили, годами сложившиеся устои в один момент рухнули. Резали по живому. Прошло 60 лет, а оставшиеся в живых родственники, родные братья не могут объединиться. Разве это справедливо, выслать народ за то, что когда-то их не смогли защитить и победители заставили насильно христиан-грузин стать мусульманами.

В один миг провели четкую линию разграничения среди народа с общими корнями. Одних оставили на месте, а других погрузили в товарняки и с глаз долой и из сердца вон! Похуже, чем суд Линча. Там хоть, перед тем как убить, объявляют – за что. А тут не назвав ни вины, ни срока дали пожизненное наказание, и по сей день приходится ходить с опущенной головой и, не будучи виноватыми, просить у всех прощения – что не умер, остался жив и не даешь покоя заснувшей совести.

Перед трудной задачей стояла местная администрация – надо было быстренько от нас избавиться, но в то же время успеть заставить переделать все дела. Кого бы сейчас смогли так безропотно заставить собрать урожай и построить железную дорогу бесплатно? Но тогда, в годы войны люди верили каждому слову "отца народов". Он обещал нам по громкоговорителю: "Будет и на нашей улице праздник". Для нас, месхов, ожидание праздника затянулось на 60 лет. Наши судьбы решают уже другие "отцы". У каждого теперь свой отец, а ему дай

бог в своих делах разобраться и исправить свои ошибки.

Если по окончании войны, когда все еще было свежо в памяти, нам не удалось добиться возвращения на свою землю, то теперь навряд ли кому удастся. Вот так мы и стали подкидышами. За деяние советской власти наш народ, однажды сорванный с родной земли ветром войны, как колочка "перекати поле" – то куда покатится, то куда... Людям, живущим на родной земле, никогда не понять нашей ностальгии, нашей боли.

И все-таки с надеждой на лучшее я продолжаю свой рассказ.

С середины октября 1944 года к нам в район стали постепенно прибывать солдаты на американских "студебеккерах". Они расположились по всему району, у каждого села по нескольку машин. Солдат было немного, на дом два солдата. В село они не заходили. Расположились на окраине, развернули свои полевые кухни и оттуда никуда не отлучались. В райцентре Рабате, на всех важных объектах выставили охрану. Народ ничего не мог понять, разные стали ходить слухи. Некоторые говорили, что ожидается начало военных действий, но в это мало кто верил, потому что солдат было очень мало для этого.

После них в центр Адигени начали прибывать люди в гражданской одежде с рюкзаками за спинами. Поползли слухи-догадки: вновь прибывшие, люди имеющие опыт партизанской войны, в случае начала военных действий, будут помогать местному истребительному батальону. Я не могу сказать, были ли такие батальоны где-нибудь еще, не знаю, но в Адигенском районе был точно. Командиром батальона был муж моей старшей сестры, а комиссаром был мой папа. Сформирован был батальон из местных ответственных работников, у которых была бронь. Тогда бронь давали мужчинам в военкомате, чтобы освободить их от мобилизации на фронт, ввиду необходимости остаться на местах. Вот из этих людей состоял истребительный батальон, а задача его была – уйти в под-

полье в случае начала военных действий и вести партизанскую войну. Все сходилось и люди решили, что это пополнение истребительного батальона.

Но, как потом выяснилось, напрасно поверили. Люди в гражданском были представителями районов, из которых в наши места должны были перевезти новых жителей. Они ходили по району и выбирали, приглядывались к домам, садам, скоту, местности. Их никто не ограничивал в движениях, в отдаленные села они не ходили, в основном передвигались вокруг райцентра.

В 1943 году я закончила педтехникум, меня направили работать в деревню Лиловани завучем, я вела в семилетней школе физико-математические предметы. Кроме работы в школе, я работала счетоводом в бухгалтерии колхоза, потому что там не хватало людей. Председатель колхоза попросил меня совместить работу в школе с работой в колхозе. Утром я работала с детьми, а вечером вела учет в колхозе. Село Лиловани находилось в 6-7 км от Рабата, где был наш дом, и я, поздно заканчивая работу, не успевала в тот же день возвращаться домой ночевать. Мне и моей коллеге, директору школы, Зубейде выделили комнату в Лиловани. Она была из Азербайджана распределена в наш район. Я в неделю раз приходила домой, оставалась один-два дня и возвращалась. Дорогу туда и обратно я проходила пешком. У меня был постоянный пропуск. На ноябрьские праздники мы с ней закрыли нашу комнату на замок, потому что все наши вещи были там, и ушли каждый по домам. Больше я туда попасть не смогла. У меня были ручные часы "Омега" – подарок папы. Я так торопилась домой на праздники, что оставила их на столе. Не смогла я уберечь папин подарок.

Когда я возвращалась из Лиловани домой, я заметила некоторые изменения вокруг, но не придавала этому значения. Дома я пробыла 3-4 дня и после праздников, ничего не подозревая, утром вышла из дома и пошла по знакомой дороге пешком на работу. Через райцентр протекала речка, наши ее называли

Коблиан-чай. Мне надо было перейти через мост на правый берег, чтобы попасть в село, где работала.

Правая сторона речки считалась пограничной зоной №1 и без пропуска туда нельзя было пройти. У меня был постоянный пропуск, для прохождения через посты охраны. Поскольку я часто ходила по этой дороге, пограничники меня знали хорошо в лицо и обычно не останавливаясь я проходила мимо них. Они многих местных жителей пропускали не проверяя, потому что давно стояли и многих уже запомнили. Но в этот день на постах стояли не пограничники, а солдаты из вновь прибывших. Они даже не стали слушать мои объяснения, что я иду на работу, что работаю на двух разных работах и не имею права опаздывать. Тогда из-за военного положения опоздание на работу рассматривалось как саботаж и за это судили. Они мне объяснили, что ввиду того, что объявлено военное положение, наказания не будет, потому что все руководители предупреждены об этом. Предложили вернуться домой, успокоив, что все это скоро закончится. Я повернула обратно. Возвращаясь домой я обратила внимание, что стоящие на важных объектах солдаты всех возвращают по домам.

В бывшем трехэтажном доме Бахшибега Мачабели, в центре Рабата были размещены администрация и райком партии Адигенского района. Это был наш местный дом правительства и соответственно все время охранялся. Часовыми были русские солдаты из вновь приехавших. Чтобы подойти к нашему дому, нужно было пройти мимо этого здания. Ребята, охранявшие этот объект, меня хорошо знали. Даже два-три раза по их просьбе я им кое-что стирала. Когда я собиралась отнестись выстиранное и поглаженное белье, мама добавляла еще что-нибудь вкусное из домашней еды. Они с удовольствием ели принесенную им еду и от души, искренне благодарили меня. Один из них как-то сказал: "Сестричка, за нами не пропадет". Тогда я не придавала значение этим словам, что могли дать мне солдаты, да я и не взяла бы. Ну, еще они могли вместе со своим объектом охранять и наш дом и покой, больше этого что можно было ждать от солдат?

Я приближаюсь в своем рассказе к описанию тех кошмарных дней, того ужаса, который начался тогда, когда настал срок привести в исполнение приговор, вынесенный нам. Чем ближе я подхожу к этой теме, тем труднее становится справиться с мыслями. Поползли слухи, что население будут эвакуировать и расселять где-нибудь поблизости для их безопасности. Кто-то детей отправил к бабушкам, кто-то сам поехал или приехал в гости, кто-то по делам уезжал, – все срочно старались собраться в своих домах. Начались беспокойные переезды и передвижения.

Наши же мужчины все были на фронте. В свободное от работы время, делами домашнего хозяйства занимались женщины, потому что старики, старухи и дети не могли бы взвалить на себя мешок с зерном, картошкой и пойти в соседний район, чтобы обменять на что-либо другое, или на мельницу, чтобы смолоть зерно. Те, кто успел до объявления строгого режима попасть на мельницу, оставались уже там, их обратно не пускали. А тех, кто только-только собрался в путь – возвращали обратно домой. Больше полукилометра от села отдаляться не разрешалось. Когда нас выселяли, те кто остался на мельнице, попали отдельно от нас. Их там же погрузили в машины и вывезли в общую колонну. Кого где задерживали, там же оставляли до выяснения – кто он или она и почему ходит так далеко от дома. Если дом был близко, возвращали назад. Запретили всякие передвижения. Стали приставать к людям с вопросами: "Почему засуетились?" Поскольку сами знали правду, решили, что через кого-то из своих просочилась информация и народ тоже уже знает о предстоящей операции. Это их настораживало.

С балкона нашего дома хорошо было видно место, где находилась районная тюрьма и здание НКВД. Оттуда мы наблюдали за всем там происходящим. За последние 3-4 дня двор тюрьмы и сама тюрьма заполнилась арестованными, или, как их называли, задержанными. Это были председатели колхо-

зов, бригадиры, председатели поселковых советов и даже инвалиды, вернувшиеся с войны, т.е. практически все мужское население. Среди задержанных был один замечательный человек – Хонали Курбан. Он был из села Хона, которое расположено на самой границе с Турцией. Каким-то образом он узнал о высылке месхов-мусульман и хотел предупредить их, чтобы помешать переселению. Говорили, что тот офицер, от которого он узнал, испугался и донес на него. А поскольку не знали, успел ли он кому-нибудь что-то сказать, на всякий случай арестовали вместе с ним и всех мужчин. Это были мужественные и смелые люди и не допустили бы беззакония. Это были люди, которые в те суровые дни с горсточкой рабочей силы выполняли невыполнимые задачи. Это были люди, которые не прятались за спинами однополчан, а смело сражались с врагом, защищая своих матерей, жен, детей, Родину. Они бы не допустили, чтобы свои же над ними поиздевались. Зная это, они не сомневались, что все как один могут встать рядом с Хонали Курбаном и сорвут операцию, оказав сопротивление. Не знаю, хорошо или плохо, что им тогда не удалось предупредить и предложить оказать сопротивление, потому что, оказывается, был дан приказ, стрелять в случае неповиновения или сопротивления. Пока нас всех не вывезли, они находились в тюрьме. Их вывезли после всех и посадили в самый последний вагон. Приблизительно их было человек 90, они все оказались оторваны от своих семей и потом долго искали их. Та же участь постигла подростков, которых после завершения строительства железной дороги оставили убирать строительный мусор. Они, кроме уборки досрочно, в короткий срок, сданного объекта, должны были доделать мелкие работы. Когда нас стали сажать на машины родители этих детей стали волноваться, но их успокоили, что оставшихся будут подбирать по ходу продвижения поезда и подсаживать в вагоны, где будут ехать их родители. И... опять же обманули. Потом, уже в ссылке, эти дети ходили по областям и спрашивали, не видел ли кто их родителей. Оказывается их и тех, которые были изолированы во дворе НКВД, привезли после того, как были укомплектова-

ны и отправлены наши вагоны. Их посадили в вагон и прицепили к последнему отъезжающему эшелону.

Бойцам истребительного батальона 14 ноября приказали собраться в здании райкома партии. Мой папа, как комиссар батальона, был тоже вызван. Как сейчас помню, как мы его провожали. Тюрьма заполнена. Никто не знает что происходит. Говорят, немцы прорвались и ожидается воздушная атака. Все смотрели на небо. А небо ясное-ясное. Огромные звезды на небе нам кажутся немецкими самолетами, мама волнуется. У страха глаза велики, кто-то, показывая на небо, утверждает, что видитдвигающийся самолет.

Папу и раньше вызывали, иногда он под утро возвращался, но в связи с арестами уже никто ни в чем не был уверен. Не исключался и тот вариант, что его тоже арестовали, но под другим предлогом вызвали из дома.

Ушел он вечером. Мама накрывала на стол, чтобы поужинали. Как сейчас помню, на ужин было приготовлено красное лобио. Мы поужинали, а папин ужин мама накрыла полотенцем и, не раздеваясь, прилегла около ребенка. Папа задерживался, когда перевалило за полночь, мама еще больше стала волноваться, потому что это означало, что он пошел на задание. В лесах Аджарии и Месхети было очень много дезертиров. Я так слышала, что когда была тотальная мобилизация из Аджарии везли колонну солдат-новобранцев. На участке, где были леса, первую машину остановили; воспользовавшись этим, многие выпрыгнули из машин и убежали в лес. Главарем у них стал аджарец – Зелимхан. Они были вооружены. Делали набег на близлежащие села и отнимали продукты. Периодически их вылавливали. Вот на такие задания вызывали иногда папу, потому мама так волновалась. Однажды, во время перестрелки с дезертирами был убит заведующий сберкассой, молодой парень Хамаек. Тяжело был ранен директор педтехникума, где я училась, Башир Алиев. Он, истекая кровью, умер. Сообщили его жене, она была немка. Все были поражены, когда она наотрез отказалась дать ему свою кровь. Она сказа-

ла: если он умирает, чего я буду давать свою кровь. Его вы можете не спасти. А я, ослабевшая после сдачи крови, могу умереть. У меня две дочери. Что будет с ними?"

Наш директор был очень хорошим человеком и все студенты его любили. Я и моя подруга, Исраф Нанишвили, дали ему по 200 грамм своей крови. Он выжил. Зная все это, мы с мамой очень волновались, когда папа до утра задерживался. Когда время перевалило за полночь, где-то после часа ночи, вдруг дверь открылась и в комнату вошел папа в сопровождении двух солдат и офицера-капитана. Мама остолбенела, она подумала, что сбылись ее самые худшие опасения, папу арестовали и привели под конвоем попрощаться с семьей. Мама, даже тогда, когда он спокойным голосом сказал ей, чтобы она не волновалась, что все в порядке, просто на некоторое время в целях безопасности нас перевозят на другое место, не могла справиться с собой. Папа сказал, что нам дали на сборы полтора часа. С собой надо взять только одну смену белья и по одной теплой вещи. Сказал, чтобы мы оделись и разбудили ребенка, не торопясь, спокойно собрали еду на дорогу. Мама не справлялась с собой, не могла найти вещи ребенка. Растерянно ходила по комнате туда-сюда. Сопровождавший папу капитан тоже ходил по комнате, заглядывая везде, стучал по стенам. Вдруг обнаружил наш зеленый сундук, где мама держала отрезы, новые вещи, полотенца, постельное белье. Открыл крышку сундука, окинул глазом содержимое и как закричит на маму: "Почему у вас все собрано, вы что-то знали, да? Откуда вы узнали? Кто вам сказал?" Мама говорит: "У меня всегда все там лежало. Кто что мог сказать. Я ничего не знаю".

Папу к нам уже не пускают, солдаты стоят перед ним. Они молча стоят и наблюдают за всем происходящим. Капитан носится по комнате и кричит на маму: "Где ваше золото?" Начал копаться в сундуке, все перевернул и разбросал. Вдруг замолк. В уголке сундука обнаружил маленький ящичек. Открыв его, он там нашел три пятидесятирублевки, т.е. 150 рублей. Деньги по тем временам небольшие. На эти деньги можно было купить 10-15 килограмм муки, больше ничего. С но-

вой силой он стал копаться, но больше не нашел ничего. Да и не мог найти! Седьмого ноября, все население перечислило деньги в фонд обороны, кто сколько мог. Мы тоже перечислили, а дома оставили на расходы только 150 рублей. А после того, как нижнее белье и шерстяные вязанные носки папины отдали собирающим подарки, там и вообще осталось всего ничего! Вдруг зоркие его глаза заметили на столе нож с перламутровой ручкой. Кто-то его подарил папе, красивый был нож. Он как бы мимоходом засунул его в голенище сапога. Мама понемногу приходила в себя. Она уже одела сестру, собрала кое-какие вещи и теперь искала, во что бы это все сложить. Сумки, чемоданы не разрешали брать. Она вышла в кладовку, где хранились запасы на зиму. Там у нас хранилась бастурма, суджух, лобио, картошка, лук. Ничего нужного не найдя она высыпала красное лобио на пол кладовки, чем привела в ярость капитана, он на маму снова стал кричать: "Вы что, специально высыпали на пол, фашистам оставляете?" Мама совсем растерялась и говорит: "А во что я должна все это положить?" И положила собранные вещи в мешок. Все сидим, ждем, когда пройдут отведенные нам полтора часа. Капитан все еще продолжает ходить и искать что-то. Потом, вдруг что-то решив про себя, он стал торопливо нас выводить. Папа завернул ребенка в свою телогрейку, взял на руки. Мама взяла мешок с вещами, и мы в сопровождении охраны вышли из комнаты. Капитан запечатал нашу дверь, и мы спустились вниз. Около нашего дома проходила шоссейная дорога. Там уже колонной стояли те "студебеккеры", которые раньше стояли на окраинах. Нас подвели к первой машине, и папе сказали: "Тихо, молча посади свою семью в машину, чтобы остальные последовали твоему примеру". Пусть простят меня за сравнение, мой папа должен был играть роль козла перед стадом баранов, которых ведут на убой. Мы сели в первую машину. Как и предполагали отдавшие такое распоряжение, люди, увидев как мы спокойно уселись в машину, тоже стали тихо садиться в свои машины. В первую, нашу машину посадили четыре семьи месхов-мусульман и одну семью финнов. Не помню как они попа-

ли в наши края. Это была мать с двумя дочерьми – Эльзой и Хельгой. У Эльзы был двенадцатилетний сын. Во вторую машину посадили три семьи месхов-мусульман и посадили к ним двух сестер – крымских татарок. С трех часов машины тихо заполнялись. Мы до пяти часов еще сидели и мерзли в кузове машины, ожидая пока всех соберут. В нашем райцентре было семь семей месхов-мусульман. Были и смешанные браки. Когда забирали их, у них спрашивали, хотят ли муж или жена другой национальности ехать вместе с семьей, или предпочитают остаться. Многие отказались от своих семей и остались. Уже после высылки они приехали туда, но мужья их не приняли. Только один Чхеидзе Али принял свою жену. Она была русская и вышла замуж за него, когда он стал вдовцом. У него было своих детей трое, а у нее двое. Она своих детей взяла и осталась, а потом приехала вслед за ними, искала, нашла и семья снова объединилась. Остальные приехавшие искать своих мужей вернулись обратно домой ни с чем.

После того, как наши машины заполнились, мы еще до восьми часов сидели и мерзли, пока подъезжали машины из отдаленных сел. Нам в райцентре дали хотя бы полтора часа на сборы, а вот в деревнях – врвались в дома, поднимали сонных, ничего не понимающих людей. Не давая опомниться и собраться, гнали их к машинам. Кто что успевал прихватить мимоходом, то и взял. Кто мешок картошки, кто фрукты. Одна машина целиком была завалена грушами, на которые так и уселись.

Каждой семье в райцентре давали на дорогу мешок с зерном. Наш мешок положил в свою машину председатель райисполкома Али Аббас-оглы, должен был нам дать, когда будем сходить с машин. Потом мы потеряли друг друга. Они попали в Казахстан, мы – в Узбекистан.

Когда мы уже сидели в машинах и ждали, сами не зная чего, ночью к машине подошли ребята-солдаты, которым я стирала и носила еду. Они позвали меня и спросили, есть ли дру-

гой вход в дом, кроме опечатанной двери. Вход такой был. Сзади дома был маленький садик. Из этого садика можно было дотянуться до окна и откинуть крючок. Они помогли мне спуститься с машины и мы вместе пошли к нашему дому. Меня подсадили, и со мной вместе один из ребят тоже влез в окно. Другой остался снаружи. Мы с ним ходили по комнатам, он все спрашивал у меня, где что лежит, скорее, собирай и давай мне. Я и сейчас не особенно храбрая, а тогда от страха все на свете забыла. Оттого что боялась что нас обнаружат, совсем растерялась, стою на одном месте, не могу собраться с мыслями, а время идет. Тогда он сам стал собирать кое-какие необходимые вещи. Помню, в шерстяной носок он засунул серебряные ножи, вилки и ложки. Дал мне в руки чайник с водой, сказал, что в дороге пригодится, если сестренка захочет попить и для нее же – стеганое шерстяное одеяло, чтобы укутать, если будет холодно. Меня спустили с окна и послали к машине. Я залезла в кузов, вся тряусь от страха. Вдруг мы увидели, что они тащат вдвоем что-то тяжелое к машине. Кругом темно, ничего не видно, папа разглядел их и догадался, что они это все смогли вытащить из дома. У нас папа был очень строгий, истинный коммунист. Он не мог себе позволить такое, да и боялся за ребят. Он хотел остановить их, говорил им, что если кто узнает об этом или обнаружит, их накажут. Но ребята не слушали его и забрасывали принесенное в машину. А принесли они немало. Головку от ножной машинки "Зингер" не испугались отвинтить, хотя времени было в обрез. Два ковра – мамино приданое (они вернулись с нами в Тбилиси), два паласа, самовар со своим набором (чайник для заварки, поднос и полоскательница), пивную кружку и утюг. Вот столько чего они нам подарили, иначе это не назовешь. Вот тогда я вспомнила их слова, что придет время, и мы сможем тебя отблагодарить за твое добро, "за нами не пропадет". Хорошие, смелые были ребята, дай бог им здоровья, если они живы.

Стало постепенно светать. В восемь часов утра колонна тронулась в сторону железной дороги. Когда мы выезжали из

нашего района, наша машина ехала первой в колонне, но по ходу пути, когда нас уже догнали другие машины, мы оказались посередине колонны.

Проехав четыре километра мы оказались около села "Фатонджи-Джеври". У одного из сельчан был фаэтон и он развозил людей в Ахалцихе, в Абастумани. Село называлось Чорчан, оно прославилось благодаря этому человеку – "чорчанли-фатонджи-Джеври". Село это расположено на совершенно ровном месте. Я это так подчеркиваю, потому что, когда мы проезжали мимо села, на ровном месте перевернулась машина, которая ехала впереди нас. Произошло все в один миг. Мы едем полусонные, уставшие. Впереди шла машина полная груш. Люди сидят прямо на грушах. Два мальчика 12-13 лет вкусно кушают груши. Моя трехлетняя сестренка увидела это и тоже захотела грушу. Мама окликнула сидящих в той машине и попросила несколько груш бросить в нашу машину. Они бросали, мама ловила. И вдруг машину как будто кто-то поднял и перевернул. Машина посреди дороги лежит, под ней люди кричат, просят о помощи, а колеса, которые торчат вверх, пока продолжают крутиться. В этой машине ехало несколько семей. Солдаты, сопровождавшие колонну и водители нашли какие-то палки, лом у жителей села и пытались перевернуть ее на колеса. Мой папа тоже слез с машины и помогал им. Все машины, которые ехали впереди них, продолжали ехать, не останавливаясь. Зато сзади нас образовалась длинная очередь из подъезжающих машин. Когда удалось перевернуть машину на колеса, оказалось, что кроме двоих мальчиков никто не пострадал, а их придавило бортом машины, потому что они сидели по краям. Их мать от горя обезумела. Муж и старший сын ее ехали в этой же машине. Один был безрукий, другой безногий, месяц назад вернувшийся с фронта. Несчастную женщину мой папа еле удержал, когда она, подняв с земли большой камень, хотела сзади ударить сопровождавшего офицера по голове. Под ее душераздирающие крики мальчиков погрузили в "полуполторку" и сказали, что везут в Ахалцих в больницу. Пока мы доедем, им окажут помощь и она сможет их оттуда взять. Через 8

лет, уже в ссылке мама встретила этих детей. Она повезла зерно на мельницу. Дети работали в совхозе на этой мельнице. Они узнали ее. Сами подошли к ней и напомнили о себе. Про родителей они ничего не знали и всех, кого встречали, расспрашивали, не видел ли кто их. Сами они разыскивали их 6 лет и уже потеряли надежду когда-нибудь найти.

Машину поставили на колеса и мы продолжили путь. Не доезжая до Боржоми, на станции Зорети колонна остановилась вдоль полотна железной дороги. На путях стояли длинные составы товарняков. В некоторых уже сидели люди. Ожидая пока подъедут остальные машины, все стали делиться новостями и впечатлениями о дороге. Там нам рассказали, что машина ехавшая из села Лиловани перевернулась, переезжая через мост. В кузове сидели семь молодых невесток, детей у них пока не было, потому что их мужей забрали на фронт сразу после свадьбы. Как получилось, что они собрались все в одну машину, никто не мог объяснить. Все семеро погибли. Оставшихся в живых распределили по другим машинам, а трупы повезли в Адигени, чтобы похоронить.

Продолжение этой истории я уже узнала в 1989 году. Мой зять повез меня, мою младшую сестру и дочку на экскурсию по родным местам. Там я встретила нашу старую соседку, грузинку-католичку Нину, и от нее узнала, что в поле у дороги выкопали одну большую яму и, сняв с молодых женщин их красивые бархатные платья, в одном нижнем белье бросили в эту яму и засыпали землей. Она же рассказала, что потом уже, одна семья не зная этого, построила на том месте дом. У этой семьи было четверо сыновей. И все они трагически погибли молодыми.

Так в первый и, наверное, в последний раз, я побывала несколько часов после высылки, в родных краях. В Ацкури я взяла камень из крепости и горсть земли для папиной могилы. А в Хертвиси горсть земли для маминой могилы. Последнюю их просьбу я выполнила, каждому на могилу принесла горсть родной земли.

Благодаря ребятам-солдатам, которые рискуя жизнью,

забросили тогда к нам в машину наши вещи, мы смогли выжить в ссылке и, хоть, правда, не в родных краях родители лежат в земле, но все же в Грузии, а не в Средней Азии.

Самовар папа поменял на 30 кг риса, и одно время это нас выручало.

А стеганое шерстяное одеяло моя умелая мама распоролла. Из шерсти я по ночам после работы вместе с ней пряла нитки, а днем она из этих ниток вязала кружевные тонкие женские головные платки, и раз в неделю меняла или продавала их на базаре. Многие умерли от истощения и болезней, нас бы постигла та же участь, если бы не солдаты.

До вечера мы сидели на путях, ожидая, когда подъедут остальные машины. Кто-то узнавал своих односельчан, кто-то глазами искал потерявшихся во время посадки на машины своих, спрашивали кто кого и когда, где видел. Многие, уже собравшись вместе, сидели и делились впечатлениями о переезде. Подъехала очередная машина из Уткусубани (Адигенский район). Сидевшие в машине помогали женщине взвалить на спину раненого мужчину. Позднее мы узнали, что это был ее муж, который совсем недавно был привезен на носилках из госпиталя двумя медсестрами. У него было ранение в позвоночник. Кроме нее некому было его носить. Родители мужа – пожилые люди, а шестеро детей – один меньше другого. Их так вытащили из дома, что они вообще ничего не смогли с собой захватить. Вся семья держалась на ней, все ждали, что она принесет им покусать. На нее без боли в сердце невозможно было смотреть. Каждый из нас, сидящих рядом поделился с ней съестным, чтобы они хоть чем-то утолили голод. Наконец машины подъехали и началась посадка по вагонам. Как в концлагере немцы по спискам читая и считая отправляли людей в крематорий или в газовую камеру, так и нас, посчитав до 45-50, сажали в вагоны и запирали их на засовы. Эта женщина со своей многочисленной семьей попала в наш вагон. Взвалив мужа на спину, она влезла в вагон и, устроив его и семью в углу вагона, затихла. Всю дорогу, пока нас не корми-

ли, весь вагон подкармливал их. Когда мы уже обосновались на новом месте в Узбекистане, я иногда встречала ее по дороге. Так же с мужем на спине она ходила по инстанциям и просила помощи. Некоторые дети умерли от голода, оставшихся она сама сдала в детдом, в надежде, что там они выживут. Про мужа и стариков ничего не могу сказать, потому что на некоторое время потеряла ее из виду. Последняя встреча с ней была ужасной. До сих пор эта страшная картина стоит у меня перед глазами. Она лежит в канаве на краю дороги в грязных лохмотьях. Проходя мимо, я подумала, что это какая-то нищенка, которых тогда было много, споткнувшись, упала. Я нагнулась, чтобы помочь ей встать. Когда она повернула ко мне голову, я узнала ее. Она вся была искутана собаками, в ранах от укусов уже завелись черви и дурно пахло. С помощью прохожих мы подняли ее и отвезли в больницу. О дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю.

Первыми в составы посадили Адигенский район. Когда засов на нашем вагоне задвинули, мы оказались в темноте. Потом, когда глаза уже привыкли к темноте, мы увидели, что по краям вагона есть нары, узкие длинные лавочки, усыпанные сеном. По полу тоже была разбросана солома. Детей и стариков разместили на этих "постелях", а сами улеглись на полу. Уставшие, мы, наконец, получив возможность полежать, каждый со своими мыслями, под впечатлением увиденного лежали на полу вагона и ждали, когда тронется поезд, чтобы в душный забитый вагон из дыр и форточек без стекол поступил свежий воздух. Кто-то заснул, кто-то переговаривался, не могу сказать сколько времени прошло, на дворе уже была ночь, когда состав тронулся. Ехали очень медленно. Только на вторые сутки доехали до Тбилиси.

Ранним утром мы въехали в город. Всем было интересно – где мы? Папа, разглядывая место стоянки, узнал Навтлугскую станцию. Двое суток мы были в дороге без воды. Люди умирали от жажды и искали глазами кран. Шум вытекающей из крана воды доходил до нас. Из щелей мы видели, как вода

течет по земле вдоль состава. Облизывая пересохшие губы, люди с тоской смотрели вниз на эту воду. Но что толку, про нас как будто забыли. Ни души у вагонов. Вдруг послышался шум бегущих людей. Кто-то открывал засовы на дверях, и люди со всех ног бросились к воде. Это надо было видеть. Кто-то пил, кто-то набирал воду, кто-то умывался. Все торопились успеть, ведь никто не знал сколько будем стоять. Вдруг на шум и беготню на станции из здания выбежала охрана. Солдаты и офицеры с испуганными, растерянными лицами стали метаться по станции и загонять людей по вагонам. Не успевшие напиться, просили разрешить им остаться. Солдаты из автоматов открыли стрельбу в воздух. Звуки выстрелов сразу привели в себя "пассажиров". Нас удачно загнали в вагоны. По встревоженным и недоумевающим лицам охраны и по разговорам между собой, мы поняли, что засовы на дверях вагонов не они открыли. Долго еще они ходили и допытывались, кто же это сделал. А сделал это мальчик 12 лет. Они жили в Джавахетии, Богдановский район, они были курды. Круглый год он вместе с отцом плел сито, а потом они вдвоем ходили по деревням и продавали их. Когда нас сажали в машины их сгребли вместе со всеми. Они попали в наш состав. Мальчик был щупленьким и ему удалось пролезть через щель в вагоне. Вот он и открывал вагонные засовы, чтобы люди смогли напиться. Никто его не выдал. На вопрос офицера все отвечали: "Не знаем, открылись двери, все думали о воде, спешили успеть напиться. Мы думали, что это вы и открыли". Поняв, что до правды им не докопаться, прекратили допытываться, и приняли меры предосторожности, чтобы такое "ЧП" больше не повторилось. В каждом вагоне назначили, из сидящих в вагонах месхов-мужчин старосту, чтобы было с кого спрашивать в случае беспорядка. После этого случая нас на больших станциях уже не останавливали, а двери на остановках охранялись конвоем из двух солдат, они же и открывали и выпускали нас из вагонов. А открывались двери только на глухих разъездах, в тупиках, вдоль пустырей и полей. Составы подолгу стояли на путях. Людей по счету выпускали справить нужду. Пока одна группа людей не

вернется в вагон, другую не выпускали. В нашем вагоне старостой назначили единственного здорового мужчину моего папу. С самого начала пути, чтобы не потерять счет времени он на стенке вагона кончиком перочинного ножа делал пометки — царапины. Дней пять мы ехали. Не зная куда идет состав, высовывались из форточек, осматривали местность, пытаюсь хоть по каким-то надписям определить, где мы находимся. Ехали очень медленно. На пятый день нам удалось проезжая мимо станции прочесть — "Билиджар". Значит, мы приехали в Азербайджан, потому что эта станция находится около Баку. Состав, до этого ехавший медленно, от этой станции стал буквально ползти. Немного проедем, долго стоим, снова немного едем. Три дня мы так ползли. Еда, взятая из дома уже давно закончилась. Иногда удавалось застаться водой. По папиному "календарю" настал восьмой день. Полуголодные люди, уставшие, измученные, уже мечтали о том месте, куда нас везли, и на каждой остановке думали, что наконец добрались. Мы еще не знали, что проехали только четверть пути, когда состав остановился в Дербенте. Сквозь форточки были видны люди, которые ходили вдоль вагонов и что-то продавали. Из всех щелей мы стали звать продающих. У кого были деньги — покупали, у кого их не было — менялись. Я помню, как одна женщина высыпала из дырки в вагоне оставшуюся у нее картошку прямо на землю. Взамен на полмешка картошки она из той же дырки получила банку желтой соли и долго ее рассматривала. Кто-то менял фрукты, кто-то вещи, а кто-то голодными глазами, только смотрел на проносимую мимо еду. На этой станции всех старост собрали и куда-то повели. Оказывается на этой станции нас решили покормить. Вскоре папа вернулся с цинковым грязным ведром и не более чистой алюминиевой кружкой. В ведре был перловый суп и плавала одна единственная ливерная колбаса. Каждый из нас должен был выпить из этой кружки свою долю супа и откусить маленький кусочек от колбасы. Одним из ехавших в вагоне был молла Абдул, из села Горгули. Увидев колбасу в ведре он отошел в сторону. Начали кормить детей, потом подошли пожилые. Он стоял-стоял, по-

том подошел к ведру и говорит папе: "Когда закончится эта колбаса, оставь мне кружку супа". Когда папа его позвал, он закрыв глаза выпил кружку супа. Голод страшная штука. Люди соскучились по жидкой еде, и рады были, что о них наконец вспомнили. Но радость их была не долгой. После Дербента мы уже до самой Средней Азии даже того супа не видели. Кое-где на стоянках нам забрасывали сухой ржаной хлеб. Если не удавалось набрать воду на остановках, жажду утоляли снегом. Его же набирали в посуду. Состав медленно двигался вперед. Куда мы едем, нам конечно же никто не говорил. На одном из разъездов конвой предупредил сидевших в вагоне, что скоро поезд будет проходить через очень длинный мост над Волгой: "Головы из форточек не высовывать. Вдоль моста проходят высоковольтные провода". После такого сообщения только самоубийца бы высунул голову, а таких у нас не было. Поезд тронулся и в скором времени мы почувствовали, что едем по мосту. Действительно переезд был очень длинным. Когда мы по стуку колес догадались, что едем уже по земле, стали выглядывать из отверстия в вагоне и пытались угадать, что за место мы проезжаем. В тех краях снег был очень глубокий, вдоль дороги стояли большие сугробы. Когда состав остановился и открылись двери, выходившие попадали прямо в сугробы. Это было глухое, безлюдное место. Снег никем не сгребался, и выходившие в первой группе прокладывали тропинку сами, своими, обутыми в легкую обувь, ногами. Возвращались в вагоны уже с мокрыми ногами. Многие тогда простудились. Когда состав тронулся из всех дыр подуло холодом, ноги и руки, мокрые от снега начали мерзнуть. Собрали у кого что было лишнее и как-то удалось заткнуть форточки и щели. Ничего не помогало. Поезд шел в сторону холода и мороза, на Урал. Вода в посуде замерзала, да и пить в такой холод не очень-то хотелось, разве что детям. Первая это обнаружила моя трехлетняя сестра. Она присосалась, как обычно, к носику чайника и вдруг расплакалась. Папа заглянул внутрь и увидел лед. Что не сделаешь ради ребенка: он сжег бумажки, которые держал в кармане для самокруток и так растопил носик

чайника. После этого случая воду укутывали, чтобы не замерзала. После моста редко мы проезжали через места, где были поселения. Обычно вдоль дороги на многие километры, сколько мог охватить глаз, не видно было даже маленького поселения, только иногда на переездах стояли одинокие будки и рядом с ними дежурный стрелочник с флажком в руках. Подъезжая к очередной такой будке, мы обратили внимание на женщину, которая махала поднятыми вверх руками и что-то кричала проходившему мимо нее составу. Подъехав ближе, мы по ее одежде догадались, что она "из наших". На ней было бархатное платье. По низу и на груди платье было обшито так, как это обшивалось в наших краях. И на голове у нее был "наш платок". Нам стало интересно, кто она и что кричит. Когда наш вагон поравнялся с ней мы услышали: "Кто вы, из какой деревни, куда едете? Я из Адигени, из села Цире. Я невестка Хуршуд-аги, Чичек". И это она кричала, повторяя снова и снова каждому проходящему мимо нее составу. Просила, если кто-то едет из ее села, передать родным, что ее тут видели. Она долго бежала мимо состава, умоляюще кричала, чтобы перекричать стук колес и довести до проезжающих мимо месхов — кто она и о чем просит.

За год до нашей высылки из наших мест выселяли семьи дезертиров и попавших в плен к фашистам на фронте. Ее муж попал в плен. Она была единственная дочь у родителей. Вышла замуж незадолго до войны за односельчанина и жила с родителями мужа. У нее был ребенок, который только-только начал ходить. Сидя в вагоне люди вспоминали, как ее обезумевшая от горя мать пыталась броситься под колеса "полуторатки", на которую посадили дочь с ребенком. Она руками била себя по голове и просила посадить ее вместе с дочерью в машину или не мешать броситься под колеса. Ее слезы и мольбы никого не тронули. Дочь с ребенком на руках билась, рыдая и крича в кузове уезжающей машины, а мать после неудачной попытки броситься под колеса, валялась на земле и плакала. Тогда никому не говорили куда везут эти семьи. Об

этом не знали ни уезжающие, ни остающиеся. Когда, вероятно, эта молодая женщина, каким-то образом узнала или догадалась, что в составах везут месхов, она таким образом попыталась дать о себе знать родным и близким, чтобы они знали, где ее искать.

Поезд, чем дальше ехали, тем все медленнее и медленнее полз, или нам, уставшим от дороги так казалось. В одном месте первый раз за всю дорогу составы остановились не друг за другом, а рядом друг с другом. Это была какая-то узловая станция. Обычно с обеих сторон вагона на остановках мы видели безлюдные места. А тут и с одной стороны, и с другой можно было видеть лица, высунутые в форточки, дырки в вагоне. Люди начали узнавать и звать друг друга. Кто-то искал своих и спрашивал, не сидят ли они в их вагонах, кто-то, узнав своих, переговаривался. Шум стоял невероятный. Каждый пытался перекричать остальных, чтобы докричаться до своих. Двери, конечно же, не открывали. Из своего вагона мы наблюдали такую картину: парень 17-18 лет из окна своего вагона звал: "баба, баба!" Оказывается, он увидел в вагоне, который был за нами высунутое в форточку лицо своего отца, который тоже в свою очередь рассматривал вагоны. Отец был бойцом истребительного батальона и 14 ноября был вызван на заседание, как и мой папа. Больше он домой не попал и во время высылки они потеряли друг друга. Зоркие глаза сына нашли его и он просил отца перейти к ним в вагон. Это разрешалось делать, надо было сделать отметку у конвоя в списке, что из этого вагона такой-то убавился и в такой-то добавился. Отец отсюда отвечал сыну: "Не могу, я староста этого вагона!" Сын оттуда настаивал, просил, говорил, что "мама и остальные дети все здесь, переходи к нам!" А отец повторял одно и то же, что "он староста и не может оставить доверенный ему пост". Эти переговоры продолжались, пока составы стояли друг против друга. Звали этого человека Чечлали Абдултаи. Потом уже в Узбекистане он, полгода проходив пешком от кишлака к кишлаку всю область, нашел их в Пскенте Ташкентской области.

Когда он пришел в наш колхоз в поисках семьи, люди привели его в наш дом. Мой папа, слышавший тогда, как звал его сын, стал укорять его за то, что он там же не перешел к ним. Но он и после долгих поисков семьи отвечал тоже самое: "А как я мог оставить вагон, ведь я был назначен старостой!" В тот же вечер, рассказав нам, где, кого, когда встретил в поисках семьи, он ушел в Пскент, это было недалеко от нашего колхоза. А ночью того же дня было сильное землетрясение и очевидцы после рассказывали, что вся семья, соединившаяся после разлуки была завалена разрушившимся домом.

Мы уже больше полумесяца в пути. Не умыться, не почиститься. В начале пути в вагоне и туалета не было. После "ЧП" с водой состав по полторы-двое суток ехал не останавливаясь. Положение было безвыходное, но нам удалось своими силами и подручными средствами решить эту проблему. На одной из стоянок папа нашел железку, похожую на лом и прихватив камень, вместо молотка пробил в вагоне дырку в полу, а чтобы умыться или выкупаться, невозможно было ничего придумать, даже вдоволь воду не во что было набрать. Так мы и ехали – грязные, нечесанные, небритые, в грязном вонючем вагоне, лежа на затоптанной соломе.

Когда моя младшая сестра начала чесаться, никому и в голову не пришла бы мысль поискать вшей. Мама подумала, что ребенок расчесал ранку и, стала осматривать тело, чтобы найти эту ранку. Что было с ней и с папой, когда на внутренней стороне жилетки они увидели вшей, живым движущимся пластом покрывшем изнанку жилетки. Мой брезгливый папа, осторожно снял с нее жилетку и держа кончиками пальцев высунул ее в форточку. Ветер выхватил жилетку из рук и унес вместе со вшами. После этого случая, таким образом избавляться от вшей никто не пытался, одежды и так не хватало. Мы сели на полу вагона и чистили друг друга, как обезьяны в зоопарке, в клетках.

Болезни начались с наступлением морозов, а вши разнесли эти болезни по всему составу. Мороз не мешал им размно-

жаться. Первыми от болезней начали умирать дети и старики. Многие больные, лежа без движения, замерзали. Вот тут то и началась самая страшная беда, которая добила самых терпеливых и стойких. Я сама была свидетелем того, как умерших выносили из вагонов под крики близких и складывали в сугробы вдоль дороги. Это делалось в безлюдных местах. Может быть для этих целей нас останавливали на пустырях? Невозможно было без боли в сердце смотреть, как под крики матерей у них вырывали из рук замерзших детей и бросали в сугробы. Вдоль состава, по всей длине его в 90 вагонов, оставались наши мертвые на растерзание диким собакам, волкам и воронам. Сколько таких свалок мертвых месхов мы оставили позади... Слава Богу, нашу семью эта беда миновала, но в соседнем вагоне такое случилось. У раненного солдата умер отец. Он как мог прятал тело, чтобы доехав до места похоронить, но зоркие глаза проверяющих в углу под соломой обнаружили умершего и стали вытаскивать. Солдат просил, чтобы не бросали на снег, а дали возможность ему самому выкопать яму и хоть немножко засыпать землей, пытался преградить им дорогу. Его оттолкнули в сторону и выволокли труп отца. Этот мужчина, потерявший всякую надежду отбить у них отца, вдруг заплакал и запричитал, как женщина: "Я сражался за Родину, за Отечество. Родину у меня отняли, а отца не даете даже похоронить, что же мне делать?!" А делать все равно никто ничего не смог бы. Нам надо было, правда, не знаю за какие грехи, пережить все эти несчастья. Человек так устроен, что и к хорошему быстро привыкает, и к плохому приспосабливается. Так и мы, приспособились к своему такому положению и хоть душа разрывалась от жалости к тем, у кого умирали близкие, смирившись, ехали и молили Бога, чтобы эта нескончаемая дорога когда-нибудь закончилась. Видимо Бог услышал наши молитвы, иначе это не назовешь. Это мы узнали уже потом, почему мы были оставлены в Узбекистане, а не отправлены на север Казахстана, куда, как позже мы узнали, нас везли.

Тогдашний первый секретарь республики Узбекистан – Рашидов попросил Сталина несколько эшелонов разрешить оставить у него. Причина была веская – не хватало рабочих рук для выполнения плана по выращиванию и уборке хлопка – и Сталин согласился. Но для перестраховки, чтобы вновь прибывшие не смогли что-либо предпринять и использовать для этих целей местное население, им сказали, что "из Кавказа выслали людоедов". А нам сказали держаться подальше от местных, потому что они людоеды. Несколько эшелонов с мешками, в каждом по 80-90 вагонов были оставлены в Узбекистане, а остальные продолжили путь по другим республикам Средней Азии, кроме Туркменистана.

Уже, когда мы обжились и стали общаться с местным населением, мы узнали, что в феврале через Узбекистан проехали составы с чеченцами и ингушами, в мае – с крымскими татарами. Всех их повезли в Казахстан и ими пополнились опустевшие во время войны рабочие места. Узбекистан тоже потерял своих сыновей на фронте и за счет месхов руководство рассчитывало пополнить ряды хлопкоробов. Этого всего мы еще тогда не знали.

В начале декабря наш состав остановился на товарной станции Кушлук, под Ташкентом. Обычно нас выпускали по группам, а тут высадили всех сразу. Нас разделили на мужчин и женщин. Оказывается, нас ввели в баню. Это купание мы надолго запомнили. Нам дали возможность помыться под горячей водой, а потом облили какой-то жидкостью, как объяснили, для дезинфекции. Вся кожа начала нестерпимо гореть, но зато мы избавились от вшей. Там же рядом под навесом готовилась еда. Оказывается, председатели колхозов, которые нас должны были расселить в своих селах, привезли с собой продукты и на всех прибывших приготовили "лагман" из конины. Я там в первый и последний раз поела конину. Мы были такие голодные и уставшие, что ели не обращая внимания на сладковатый привкус мяса. А что, у нас был выбор? А потом мы узнали, что лагман из конины готовят самым уважаемым и

почетным гостям. К нам они обращались со словами "йенгимехман" – новые гости. После кормления каждый председатель, кто сколько мог забрать, по несколько семей повезли нас кто на бричках, кто на верблюдах в свои колхозы.

Мы попали в Ташкентскую область, в Букинский район, в райцентр, в колхоз имени В.И. Ленина. Он находился в 90 километрах от Ташкента. Когда проезжали через Буку, нас расселили по семьям. В первую очередь, расселились те у кого были больные и многодетные. Так получилось, что когда мы попали в баню, там случайно встретились несколько женщин, которые в Адигени жили по соседству. Встретившись снова, мы уже держались друг друга, чтобы на новом месте тоже поселиться рядом. Когда доехали до конца района, оставалось шесть семей не расселенных. Для пяти семей дома нашлись, а шестая, наша семья, осталась без жилья. Нам предложили поселиться во дворе мечети, в медресе, в помещении, где живут моллы. Это были две комнаты напротив друг друга с общим коридором, куда выходили двери – отверстия, потому что двери, как таковой, не было. В одной комнате жили моллы, а другую дали нам. В комнате земляной пол покрытый соломой, а в стене маленькое отверстие – окно. Мама завесила это отверстие телогрейкой, а дверь завесила ковром, чтобы комната согревалась. На солому постелила палас. Потом в мечети выпросила у моллы длинную высокую лавку, похожую на наш стол, накрыла ее ковром и папа с сестрой спали там, а я с мамой на полу, на паласе. Кожа после обработки очень горела и маму не покидала мысль как-нибудь нас выкупать. За несколько дней она осмотрела все вокруг и поняла, что искупать нас она сможет. Когда-то во дворе мечети из глины делали кирпичи, после этого осталась глубокая яма, откуда доставали глину, старая лоханка и два ведра. Недалеко от мечети были плантации тутовника-шелкопряда. Папа выпросил у моллы топор, выкорчевал и разрубил коряги-пеньки от тутовника. Мама отмыла лоханку и ведра. Растопила самовар прямо в комнате, чтобы было теплее и начала нас купать. Мама купалась последней и потому закрыла дверь коридора на крючок. Выкупав-

шись она себя неважно почувствовала и уже не смогла слить воду и открыть дверь. Папа сказал, что он тоже как будто в тумане и сил нет встать. Решили заснуть и утром убрать комнату. Оказывается мы угорели от самовара. Древесина туовника при горении выделяет такой газ, какой выделяет каменный уголь. На наше счастье пришла соседка одолжить у мамы ложечку повидла из сливы-чанчури для больного. Мы уже теряли сознание и мама, очнувшись крикнула: "Мы валяемся, как мертвые, если сможешь выбей дверь". С несколькими соседями они смогли откинуть крючок и нас всех уложили в декабре месяце, только что выкупавшихся на топчан, во дворе мечети. У узбеков в каждом дворе стоит топчан – это их гостевая. На нем они расстилают ватные одеяла, подушки и сидят с гостями – разговаривают, кушают, пьют чай. Вот так мы едва приехав чуть всей семьей не умерли. Из угарного состояния нас выводили маминым повидлом разбавленным водой.

Расселив нас по домам, тут же поставили всех на учет в комендатуре. Предупредили, чтобы дальше 3 км без разрешения коменданта не отдалялись от Буки. А 15 и 30 числа каждого месяца должны были отмечаться в комендатуре. За нарушение этих правил грозила ссылка на каторгу, в Сибирь на 25 лет. Еще свежи были воспоминания от дороги и мы уже поняли на своем горьком опыте, что приказ мог быть легко приведен в исполнение. Поэтому никто установленных правил не нарушал. Каждая семья приспособилась как могла, чтобы выжить на новом месте. Но немногим это удавалось. Заболевшие в дороге уже на месте умирали. Врача домой не приведешь, лекарства трудно достаются, денег нет, запасы прихваченные наскоро в дорогу закончились. Узбеки долгое время держались от нас на расстоянии. Мы не знали их языка, они не знали наш. Каждый день в какой-нибудь семье кто-то умирал. Узбеки знаками показали, где их хоронить. Недалеко от нас по соседству жила женщина с детьми. Уже в дороге она заболела, а когда расселились ей становилось все хуже и хуже, наконец, болезнь свалила ее с ног. За ней смотрела дочь моего

возраста. Часто она обращалась к моей маме с просьбой дать что-нибудь поесть больной и детям. Мама помогала как могла, ведь и у нас тоже немного было. Одна соседка узбечка, Турсун-апа, иногда приносила нам из жалости к ребенку немного творога, лепешку, сыр. Наверное, девушка знала это или увидела, когда она несла и попросила для больной мамы кусочек сыра, потому что уже несколько дней она ничего не ест, может это откроет аппетит. Мама поделилась, хотя никто из нас даже не пробовал этот сыр, берегли для сестры. Ничто не помогло этой несчастной. Наутро она умерла, а вечером того же дня умер один из детей. Как было жалко эту девушку. Похоронив мать и брата она остальных сдала в детдом. Смерть женщины в семье была самым большим несчастьем – умирала кормилица и добытчица. После этого семья распалась и в буквальном смысле стиралась с лица земли.

Моя умная и трудолюбивая мама, несмотря на молодость, была очень сообразительная и практичная. Если бы она не была такая, мы вряд ли выжили бы и нас бы постигла участь тех несчастных, которые остались навсегда лежать в той земле, не имея даже дощечки у изголовья. Сколько таких безымянных могил остались в Буке!

В первые дни по прибытии нам колхоз выдал на душу по одному литру хлопкового масла и по килограмму зерна. Дальше мы должны были зарабатывать сами. В начале января папа заболел. Мама не могла оставить ребенка на больного папу и выйти на работу, а жить было надо.

Однажды на базаре мы увидели русскую женщину, которая держала в руках вязанный ажурный платок. Мама сразу сообразила, чем еще можно пополнить семейный бюджет. Когда мы вернулись домой, она попросила у соседки, Турсун-апа, ватное одеяло, а наше шерстяное распоролла. По ночам после работы я вместе с ней пряла нитки из этой шерсти и пока днем я была на работе, она вязала такие платки. В воскресенье мы ходили на базар продавать их, иногда меняли на продукты.

Болезнь папы с каждым днем осложнялась. Я пошла в райком партии. Рассказала им, что я дочь коммуниста, сама комсомолка, в семье тяжелое положение и прошу найти мне работу. Сказала, что закончила педтехникум, но документ, подтверждающий это, т.е. аттестат остался в Адигени. Они выслушали меня и предложили работу воспитателя в детдоме. Я, конечно же, согласилась, потому что выбора не было, а работы в колхозе пока не начинались. Детдом от Буки находился в семи километрах, в Карамойли. Раньше, до нашего приезда, там был интернат. По дороге, пока нас везли много детей стали сиротами, потеряв матерей, дедушек, бабушек. Да и на месте добавилось сирот. Тогда решили этот интернат переделать в детдом. Семь километров до работы я должна была идти пешком, проходя через заросли камыша. Это было самое страшное место для меня, потому что спрятавшиеся там шакалы нападали на людей и раздирали их на куски. Зная это, моя мама каждый вечер стояла на дороге и ждала со страхом, в каком состоянии я вернусь. По натуре я трусиха, потому что отрезок пути я не пробегала, а пролетала. Три месяца я проработала в детдоме. Работающие там могли три раза в день питаться с детьми. Это нас очень устраивало. Ужин и завтрак я приносила домой, а "шурпу" (суп) в обед съедала сама. Как и везде во время войны хлеб продавался по норме – на душу сколько-то грамм. Я познакомилась с девушкой-узбечкой, которая работала в пекарне и каждый раз, возвращаясь после работы, брала буханку хлеба, которую она для меня оставляла. Хлеб она продавала мне по своей цене. И среди них, как впрочем среди всех, были и такие, которые наживались на несчастье другого, и такие, которые бескорыстно помогали из сострадания к твоему горю. Иногда, когда мама меня ждала, она сидела на камне возле мечети, вместе с сестренкой. Однажды, когда я вернулась, сестра мне рассказала: "Соседский мальчик Адиль (из наших) подошел ко мне, а в руке держит большой кусок лепешки. Я на него не смотрела, он сам подошел и начал говорить: "А вот у меня что есть, знаешь какой вкусный хлеб" Я отвернулась и сказала: Ну и что же, моя се-

стра придет, я ей скажу, она купит муку и моя мама тоже испечет мне такой хлеб и даже лучше": Она хоть была маленькая, никогда не показывала, что нам чего-то не хватает, и никогда ни у кого ничего не кланчила. Сказав это, она гордо отвернулась, а когда рассказала мне спросила: "Ты же сможешь купить муку?" Я ее, конечно же, успокоила. В воскресный день я отпросилась на работе, взяла 250 сум и пошла на базар. Тогда на эти деньги можно было купить килограмм муки. Как назло, обошла весь базар, нигде никто не продавал муку. Еще и еще проходя по базару в поисках муки, я обратила внимание на очень красивый чайный сервиз, который пожилой мужчина разложил на земле. Разговорившись с ним, я взяла одну чашечку и стала ее разглядывать. Эта чашка из очень тонкого белого фарфора была легкая-легкая. Продавец согласился продавать поштучно. Чашку с блюдцем он отдавал за 250 сум. По кантику чашки и блюдца шла золотая полоска, а на одной стороне чашки и блюдца был как будто положен розовый дубовый листок. Я про себя думаю: "купить или не купить? Ведь ребенок хотел хлеб!" Да и жалко было в такое время тратить на чашку, хоть и очень понравившуюся. Но не возвращаться же с пустыми руками. Попыталась поторговаться. Продавец говорит, что сервиз очень старинный, японский, еще с царских времен. Он вез его с самого Крыма, "если бы не нужда, ни за что не продавал бы". Тогда я решила купить и подарить ей на день рождения, до которого оставалось немного, наступало в конце апреля. По дороге придумала, что ей сказать и уже воодушевившись, иду с покупкой домой. Протянула ей подарок и говорю: "Муки на базаре было много, а эту чашечку для тебя послал дедушка Николай на день рождения. Я подумала, хлеб ты съешь и все, а эта красивая чашка останется у тебя на всю жизнь". Она согласилась, что я правильно поступила, купив вместо муки этот подарок. На следующий день вредному Адилю она так и сказала: "Лепешку ты съел и сейчас ее уже нет, а эта чашечка будет у меня всегда!"

Работа в детдоме была для меня спасательным кругом, но потом в детдоме воспитатели должны были круглосуточно

работать. Даже за оплату побольше я не могла там работать. Я опять пошла в райком партии, объяснила ситуацию, что папе уже очень плохо и попросила найти возможность направить меня на работу в районе. Секретарь райкома узнал меня и обратившись к коллегам сказал: "Эта девушка хочет помочь выжить своим родителям, ей надо обязательно помочь. Подумайте, что мы можем сделать для нее". Узнав, что я имею опыт работы в бухгалтерии, они направили меня в местпром – местная промышленность – бухгалтером. Мама немного успокоилась, теперь я рано возвращалась домой, бухгалтерия и несколько цехов находились в Буке. Только раз, в начале и в конце недели, я должна была ехать в гончарный цех. Один раз – когда изделия закладывались в печь для обжига, надо было их пересчитать. А второй раз когда вытаскивали, чтобы пересчитать, сколько вышли из печи целыми, а сколько разбились. Однажды, стоя у дороги я, как обычно, проголосовала. Машина, остановилась, я уселась в кабине возле окна, сказала куда еду и мы поехали. В кабине, кроме меня и шофера сидели еще двое парней. Во время войны раненых, которые выписывались из госпиталя и имели легкое ранение, но такое, что на фронт уже нельзя было отправить, оставляли в рабочих бригадах и использовали их там, где не хватало рабочих рук. Эти трое были из такой бригады. Когда мы проезжали мимо гончарного цеха, на мою просьбу остановить они ничего не ответили и продолжали ехать. Я испугалась, что меня завезут куда-нибудь с нехорошими намерениями, на ходу открыла дверцу кабины и выпрыгнула. Я упала на колени, разодрала руки-ноги в кровь и такая окровавленная, хромяя на обе ноги, доплелась до цеха. Когда старый мастер-гончар увидел меня в таком виде, он оторвал полоску ткани от своей блузы, разорвал ее на лоскутки. На каждый лоскуток насыпал золу и, не очень хорошими словами помяная тех ребятах стал прикладывать к моим ранам золу. Там, в Буке, я прошла хорошую школу жизни.

Через некоторое время кассир местпрома, забрав деньги из банка, исчез. В тот же день мне предложили место касси-

ра. Наше материальное положение улучшилось, я стала получать две зарплаты. Кроме того, узнав, что у меня дома больной отец, мне из лимонадного цеха давали бутылочку сиропа. Я помню как мама обрадовалась этому. Сахар очень трудно было достать и стоил он дорого. На этом сиропе она делала халву и кое-что пекла для ребенка. Как все трое ждали моего возвращения с работы! Но папе становилось все хуже. Если раньше, когда я заходила в комнату, он поднимался и, поворачивая голову, смотрел на меня, то теперь он только глазами мог следить, что вокруг него происходит. Высокая температура держалась постоянно, а ниже колен ноги покрылись язвами, из которых текла кроваво-желтая жидкость. Его надо было показать врачу. Денег для этого было уже достаточно, но врач домой не приходил, а повести его в больницу было невозможно. На работе мне дали адрес врача-башкирки и сказали, что за хорошие деньги она придет домой к больному. Я пошла к ней домой. Долго она не соглашалась. На мне была тройка из бирюзы – серьги и кольцо. Разговаривая со мной, она разглядывала их, а потом спросила: "А это дашь?" Я сразу же молча сняла и отдала ей эту тройку. После этого она дала согласие, вместе со мной пришла, осмотрела папу и поставила диагноз – тропическая малярия и тропическая язва. Выписала порошки и ампулы для уколов. Порошки мы нашли в Буке, а за ампулами надо было ехать в Ташкент. Только порошки не помогли и мама договорилась с соседом, Ибрагим-таи, что когда его сын Осман будет ехать в Ташкент по работе, он заберет меня с собой. После того случая я одна в машину ни к кому не садилась, и предпочитала идти пешком, если это было не очень далеко. Денег могло не хватить и мама решила один ковер продать. Но в Буке покупателя на ковер не нашлось. Когда сосед сказал, что он едет, она дала мне ковер, чтобы я в Ташкенте его продала и на эти деньги купила лекарство. Мы остановили машину нагруженную тюками с сеном. Осман сел лицом к кабине, а я со своим ковром устроилась спиной к нему и мы поехали. Тюки были связаны веревкой, чтобы по дороге не вывалились. Во время езды угол борта протер эту веревку и

когда машину подбросило на ухабах, веревка лопнула и я вместе со своим ковром, на тюке катапультировалась и приземлилась на дорогу. Когда я пришла в себя, машину уже было не догнать, не докричаться. И они не заметили, что потеряли меня. Сажу на дороге и плачу. Вокруг ни души, место незнакомое. Остановила проезжающую мимо машину и вернулась в Буку. Мама очень расстроилась, это была наша последняя надежда спасти папу. Через два дня, в поисках своих родственников к нам пришел Гасан-гаи. Они были высланы из Ахалцихского района. Обычно, кто кого искал, обязательно заходил к нам, зная что и другие сюда приходят. У нас больше чем у кого-либо можно было получить информацию о пропавших. Увидев маму в таком состоянии он успокоил ее, что сможет ей помочь. У него был родственник врач, который прихватил целый чемодан лекарств, когда их выселяли. Он не обманул и правда через два-три дня привез нам 15 ампул. Нам надо было найти медсестру, которая согласилась бы приходить к больному делать уколы. Врач-башкирка назвала одну медсестру, которая жила в центре Буки. Еще с давних времен курган в центре района был сделан для защиты от завоевателей. С этого кургана Бука была видна, как на ладони. Потом он был застроен домами до макушки и вверх вела тропинка. Медсестра жила на самом верху этого кургана. На земле лежал снег в палец толщиной. Я в калошах поднялась к ее дому. Медсестра отказывалась идти, потому что было холодно и она боялась промочить ноги в снегу. Я сняла с себя перчатки и шарф, которые мама мне связала из зеленых ниток и отдала свои калоши. После этого она согласилась выйти из дому, а я в вязаных носках, шла рядом с ней. После этого она каждый день приходила к папе делать уколы.

От тропической малярии и язв на ногах папу вылечили, но в ослабевшем организме вспыхнула новая болезнь – механическая желтуха. Вызвали снова врача-башкирку, она и определила, что новая болезнь – желтуха и прописала пить соки. Это было в начале апреля. В Буке кроме хлопка ничего нет. Отпросившись с работы я поехала в Пскент за сухофруктами.

Когда мы попадали на базары, часто встречали людей из наших мест, они внешне отличались от местных. Ребята, к которым отец не перешел, потому что был старостой, увидели меня и заговорили. Узнав, чья я дочь и за чем приехала (а моего папу знали практически все и очень уважали) они помогли мне купить хорошие сухофрукты. Потом они проводили меня до дороги, посадили на машину, заплатили шоферу за проезд и ушли. Немного проехала, а сама думаю: на эти деньги что-нибудь можно купить для дома, лучше я пойду пешком, а деньги возьму обратно. Вот так я взвалив на спину мешок с сухофруктами 18 километров протопала пешком, чтобы сэкономить несколько сотен сум для семьи.

А однажды со мной приключился удивительный случай. Я несла собранные из цехов деньги в банк. Пока я по колена в пыли, по жаре, вдоль дуалов (заборов) дошла до банка, они закрылись на перерыв. Но, если я буду ждать, мой перерыв тоже закончится. И я решила пойти домой, а после перерыва сдать деньги. Положила сверток с деньгами в широкий карман блузки и по той же дороге пришла домой. Поела немного, поспала и иду обратно в банк. Вдруг вижу на дороге лежит сверток. Посмотрела, вокруг никого, не пропадать же добру, подумала и, взяв сверток, жалея потерявшего, положила его в карман. Заодно другую руку засунула во второй карман, чтобы убедиться, что я деньги не потеряла. А в кармане пусто!!!

Вытащила сверток, еще раз посмотрела, что же я нашла и хватит ли найденного покрыть казенный долг. А на свертке, моим почерком заполненный, приходный ордер. Как я обрадовалась, как будто мне подарили эти деньги. После побега кассира с деньгами, мне бы никто не поверил, что я не повторила его поступок, а потеряла, тем более, что все знали – у меня больной отец, и мы очень нуждаемся.

Когда нас выселяли, сестра с мужем жили в Ахалцихе, незадолго до высылки его перевели в Ахалцихский погранотряд. Он был русский, это спасло ее от высылки. Там у нее

была подруга, наша бывшая соседка, которая вышла замуж за азербайджанца и тоже не была выслана. Ее родители были из богатой семьи – беглер (князя). В то время, то и дело, конфликтовывали, раскулачивали, и родители, чтобы в одночасье не стать нищими, подстраховались. Все фамильное золото они закопали в курятнике. Место тайника знали все дети. Когда нас вывезли, она по свежему следу послала мужа за кладом. Он приехал в Адигени, удачно все нашел и возвращался домой. Проходя по центру, он увидел как из кабинетов прокуратуры, суда, роно, исполкома, банка, загса выносят в папках бумаги и жгут. Подошел поближе, чтобы посмотреть – что же горит. Жгли метрики, трудовые книжки, аттестаты. У его ног валялся чей-то аттестат, уголок только-только загорелся. Из любопытства он поднял его – это оказался мой аттестат. Сестра его жены, Исраф Нанишвили, училась вместе со мной, и он начал искать ее документ тоже. Нашел, положил в карман и спокойно приехал в Ахалцихе. Там он отдал аттестат моей сестре, и сказал, что смог кое-что взять. Сестра тоже поехала в Адигени, но в нашем доме ее встретили голые стены. Соседи рассказали, что ночью в дом вошел офицер тот самый, который опечатал наши двери. Он унес, что ему было надо, а потом в открытый дом стали заходить соседи и вытаскивать что после него осталось – печку, стулья, утварь, запасы.

Соседка-католичка, Нина, дала сестре две тушки гусиной бастурмы и бутылку литровой тутовой водки, и сказала, что все это они с мамой напололам делали, это наша доля. Потом моя сестра с мужем уехали в Тбилиси, его перевели туда, по службе. Уезжая, она попросила, если узнает подруга наш адрес, сообщить ей. Передала им посылку для нас – водку, гусей и аттестат, больше они не брали – и уехала. Через некоторое время подруга моей сестры получила письмо с адресом и ее муж должен был по этому адресу привезти ее родным то, что взял из тайника. О выезде они сообщили телеграммой.

Однажды я возвращаюсь с работы. Возле почты меня остановил почтальон и, показав телеграмму, спросил не знаю

ли я кому она адресована. Я их знала, подписалась в получении и принесла ее домой. Станный текст телеграммы заставил задуматься нас: "Али с большим успехом выехал". То, что это какой-то условный текст, мы поняли, но что за этим кроется? Оказывается они так предупредили, что надо ждать найденный клад. Вскоре после этого он приехал и привез нам мой аттестат, водку и две тушки гусиной бастурмы. Все это оказалось очень вовремя. Аттестат я отнесла в роно, чтобы они убедились, что я действительно закончила педтехникум, а про водку сейчас расскажу.

Папа понемногу оправился от желтухи. Сухофрукты, приобретенные впрок в Пскенте хватило надолго. Желтизна почти исчезла и папа понемногу вставал с постели, потом начал уже выходить во двор. Когда закончилась война он пока еще был слаб, но болезнь отступила. Он уже мог подолгу сидеть во дворе на топчане и принимать гостей, которые приходили поздравить его с выздоровлением и порадоваться. Вот однажды во время очередного приема, мама принесла чай и сняв туфли поднялась на топчан, посидеть вместе с ними. Немного посидев, сошла, обула туфли и вдруг так закричала, что все подскочили. Оказывается, пока она сидела в туфель влез скорпион, обуваясь она зажала его и он укусил ее в палец. От боли она откинула туфлю в сторону. Боль невероятная и поднимается все выше и выше. Знатоки-узбеки посоветовали разорвать скорпиона и приложить на место укуса. Уже смеркалось, куда мог упасть из выброшенной туфли скорпион – иди поищи. Бросилась к соседям может, знают другой какой-нибудь способ. Из-за дуала мне протянули золу и посоветовали прикладывать к укусу, чтобы облегчить боль, потому что болеть будет столько часов, сколько лет скорпиону. Сердце может не выдержать боли и остановится. Со страху я вспомнила про водку. Промыла рану, руки, сполоснула рот и начала высасывать яд скорпиона из пальца. Пососу, сплуну, снова сполосну рот и снова начинаю сосать. Мама прогоняет меня, боится, что от яда и я отравлюсь, а я вцепилась в палец зубами и не

отпускаю. Эта была самая ужасная ночь, только к утру боль начала стихать. Узбеки сказали, что если бы не высосала, мама могла бы умереть. Не успели мы оправиться от этого, произошел другой случай. У нас, в наших краях, женщины привыкли собирать всякие травы и из них готовить обеды. Осмотревшись вокруг, они и тут нашли щавель и уже несколько раз собрав, варили обед. Когда они в очередной раз шли за щавелем, мама пошла вместе с ними. Они забыли предупредить маму, что здесь растет конский щавель, очень похожий на обычный, но он ядовитый. Женщины разбрелись, каждая себе собирает. Мама собрала и в тот же день сварила целую кастрюлю щей. Сразу же от души накормила папу, сестру, сама поела и мне принесла на работу. Я поела и пошла их проводить до дороги. Вдруг сестра схватилась за живот и говорит, что не может идти, так болит сильно. Потом начала вырывать. После нее маме стало плохо. Я отпросилась с работы, чтобы проводить их домой. По дороге и мне стало плохо. Когда мы зашли домой, папа уже умирал. Соседи-узбеки дали пахту, это кислое молоко (мацони) разбавленное водой. Этим сделали промывание и в очередной раз спаслись от смерти.

В ожидании возвращения на родину мы основательно не обустроивались. Периодически среди нас, не знаю откуда он брался, распускался слух, что на вокзале собираются составы для нас. Кто-то своими глазами видел, кто-то своими ушами слышал. Народ взбудораживался, но когда слух не переходил в реальность, успокаивались и снова ждали. Это продолжалось в течение трех-четырех месяцев. Слух как ниоткуда возникал, так в никуда и пропадал. Каждый раз с появлением слуха среди населения начинались разговоры: "Ну правильно, нам же сказали что на два-три месяца увозят в безопасное место", а когда оказывалось, что это просто слухи и нигде ничего нас не ждет, начинали соображать и вспоминать: "А ведь, если это была эвакуация, почему только нас месхов-мусульман эвакуировали? Чем мы заработали такую заботу? Остальных оставили пропадать, а нас сберегли. А зачем после нас жгли наши

документы? Почему разрешалось смешанным семьям разделиться и только месхов посадили на студебеккеры?" Те, которые работали в учебных заведениях вспоминали, что когда заканчивался первый месяц учебного года была получена установка из Тбилиси, что со второй четверти обучение должно было вестись на грузинском языке. У нас из Азербайджана работали педагоги, они и близко не слышали грузинскую речь там у себя, а сюда были посланы по распределению. Да и дети так хорошо не владели языком, чтобы технические науки понимать на грузинском. Между собой разговаривая, удивлялись, как смогут старшеклассники осилить программу. В роно нам на наши вопросы отвечали: "кто хочет учиться, сможет закончить школу". Вот уже в ссылке мы это вспомнили и догадались, что в роно знали, что в школах будем учиться уже не мы, а грузины, которых, как нам написали соседи, привезли после нас – и учителей и учеников. Закончившие первую четверть наши дети пропустили этот учебный год. Потом еще один пропустили, пока выучили язык той республики, в которую попали, а потом кое-как чему-то выучившись, это поколение детей, чтобы выжить научились профессиям разным и прожили всю жизнь не так как хотелось бы, а так как получилось.

Вот когда вспомнили все это, поняли, что от нас зачем-то под видом эвакуации, избавились. Но зачем? Что мы сделали не так, как делали все проживающие там вместе с нами? Наши вопросы оставались без ответа. Сами себя успокоив, что время все покажет и все рассудив, поставит на свои места, мы начали обустроиваться на новом месте. Да и власти способствовали нашему обустройству. Они не хотели терять такие трудолюбивые руки.

Осенью 1945 года каждой семье выдали 7.000 рублей в кредит на 10 лет. По истечении этого времени мы должны были вернуть деньги с процентами. Деньги взяли все, кто на что истратил эту сумму я не могу сказать, мы потратили на переезд в Самаркандскую область. Мой дядя, младший брат папы, попал с семьей в Самаркандскую область в совхоз Булунгур.

Когда тяжело заболел папа, до него дошел слух, что брат при смерти. Через Ташкент он добился разрешения приехать к нам. Пока он приехал, папа уже выздоровел, но был после болезни слабый и худой. Опять через Ташкент он смог добиться на месяц перевезти его в Булунгур, погостить. Когда через месяц папа вернулся, мы его не узнали, он так поправился, что выглядел как опухший. Мама испугалась, что это новая болезнь, но он успокоил ее, а когда рассказал про эти места, мама захотела, чтобы мы переехали туда. В Самаркандской области изобилие овощей, фрукты разных сортов, животноводство, а у нас только хлопок. После возвращения из Булунгура папа начал искать своих родителей. Пока болел папа, его отец умер и ему удалось разыскать оставшихся – мачеху, сводных брата и сестру. Мама решила, будет хорошо, если все вместе соберемся в Булунгуре. Она обратилась к коменданту Никитину, чтобы он помог ей, похотатайствовал, чтобы ее идея воплотилась в жизнь. Весь 1946 год она посвятила этому. Ходила к коменданту, напоминала о себе, беспокоила его.

Еще когда мы жили в Адигени, я познакомилась со своим будущим мужем. После ранения на фронте, его в рабочей бригаде послали к нам на работу. Когда нас выслали, через некоторое время его тоже снова забрали на фронт. Он был намного старше меня и папа был против этого брака. Пока мы жили в Буке он несколько раз приезжал в надежде уговорить папу. В это время Сталин издал указ: "Спецпереселенка вышедшая замуж за свободного гражданина становится свободной". Мама с папой поговорили между собой и решили: "Нам отсюда уже никогда не уехать, мы пожизненно здесь застряли. Пусть выходит за него замуж и с сестрой уезжает в Азербайджан. А потом три сестры где-нибудь соберутся". Так я вышла замуж за Гасанова Мухтара, перешла на его фамилию, взяла документ из комендатуры, что я свободная и снята с учета спецпереселенки. Документ оставила у родителей и 28 ноября 1946 года вместе с мужем выехала в Грузию к сестре. Она тогда жила в Гардабани, а муж работал начальником НКВД. Немного мы прожили у них, прописаться не смоли и муж меня повез

в Астару, на свою родину. На фронт он ушел с первого курса физкультурного института из Баку. Возвратившись он обратился в спорткомитет, ему предоставили маленькую комнату и дали работу. Комната была очень маленькая, без удобств, а мне скоро рожать. Семья с маленьким ребенком в такой камерке не прожила бы и муж отвез меня обратно к родителям. К этому времени они уже перебрались в Булунгур.

Усилия моей мамы не проходили даром. Комендант обещал перевести нас в Самаркандскую область. Зная, сколько денег понадобится для переезда, мама пополняла бюджет семьи как могла. Водка трудно доставалась, а рядом в МТС-е механики смогли сделать самогонный аппарат. Мама обратилась к ним с деловым предложением: "Я вам начерчу устройство, и объясню, что как делать, вы сделаете аппарат, я из зерна буду гнать водку, вы продадите, выручку поделим". Так по ее эскизам соорудили самогонный аппарат и на этом неплохо заработали.

Весной 1947 года они переехали в Булунгур, а в мае, через семь месяцев после отъезда, я снова была вместе с ними. Часть денег, взятых в кредит ушли на переезд. Некоторое время, пока нашли дом, они жили у дяди Али. Потом купили маленький дом и перешли жить отдельно, а мачеха с детьми еще долго жила у дяди. Папа сразу устроился на работу в совхозе "Булунгур". Мой однокурсник, Кирман Двалидзе, узнав, что они приехали, помог папе устроиться на работу на центральном складе совхоза завскладом. Из района в совхоз папа пешком ходил на работу. Через три месяца им там дали квартиру в бараке, они продали домик и переехали жить в совхоз. Очень помогала им жена Кирмана, она работала в райкоме партии и могла помочь решить жизненно важные вопросы. Когда уже перешли постоянно жить в совхоз, мама тоже начала работать вместе с папой, я с сестрой были дома, помогали по хозяйству.

В совхозе "Булунгур" в основном жили высланные в разные времена и добровольно приехавшие по каким-то причинам. Там можно было встретить русских, украинцев, немцев, крымских татар и мы, месхи, дополнили этот большой список

жителей. Школа была русская, там и начала учиться моя сестра.

Когда еще никто ничего не слышал о переселении, в роно в Адигени пришла установка, что после завершения учебы в первой четверти, школа перейдет на грузинский и дети со второй четверти будут продолжать учиться по грузинским учебникам. Когда учителей вызвали и сообщили им это на заседании роно, мы переглянулись, ничего не понимая. У нас в районе и в школе, и в педтехникуме работали преподаватели из Азербайджана, их к нам приглашали на работу. Грузинских учителей не было, да и дети знали грузинский разговорный, предметы технические они не потянули бы. Местные власти уже знали, что дальше в этих школах будут учиться другие дети и приедут они со своими учителями. Наши дети, как и мы, никого уже не интересовали. Этот учебный год они пропустили из-за высылки, второй год пропустили из-за незнания языка республики. Это поколение детей осталось безграмотным и выучилось профессиям.

Мы уже смирились с мыслью, что назад нас навряд ли повезут и мы, как немцы и крымские татары, уже никогда не вернемся. Они смирились со своей участью. Спрашивали нас, за что нас выслали. Сравнивая свою высылку с нашей они говорили нам, что немцев выслали за то, что Германия напала на Советский Союз и немцы будут помогать своим. Крымских татар выслали за то, что они два с половиной года жили на оккупированной немцами территории, уже начинали привыкать к ним, а немногие начали даже сотрудничать с немцами. Мы ни к одной, ни к другой категории высланных не подходили, но и объяснить почему мы были высланы – не могли. Потом, когда соседи нам написали, что дома наши не ждут нас опечатанными, а уже давно заселены так же насильно привезенными грузинами, мы поняли, что уже трудно будет доказать кто есть кто.

Так мы стали жить на новом месте. Трудлюбивые руки месхов в пустынях и степях Средней Азии создали рукотворные оазисы. Даже хлопок, который до этого и в глаза не видели в Грузии, мы стали выращивать и убирать лучше и больше местных. Одна из наших месхетинок из Сакунети в первый же год вырастила и собрала столько хлопка, что стала Героем социалистического труда, но записано было, что она узбечка.

Наши мужчины, обеспокоенные тем, что долгое время не получали ответа на свои фронтовые письма – треугольники, по окончании войны брали "литер" прямо домой. С чувством исполненного долга они спешили домой к семьям, еще не зная, какой сюрприз их ждет дома. Им даже не сказали, что мы в Средней Азии и брать "литер" надо туда. Бесплатно они доезжали до Боржомы, и удивлялись, когда их не пропускали дальше шлагбаума, который дошел до Боржомы. Когда они уходили на фронт пограничная полоса начиналась на правой стороне реки в Адигенском районе. Ошеломленные сюрпризом, они уже за свой счет ехали по нашим следам – искать родных, продавая по дороге вещи с себя, чтобы достать деньги на билет, они приезжали в Ташкент. Некоторое время бродили по вокзалам в надежде кого-нибудь встретить, у кого можно было хоть что-то разузнать о судьбе месхов. Некоторым везло и они там же узнавали, где искать родных, а большинство обходили тысячи километров от кишлака к кишлаку, прежде чем им удавалось соединиться с семьей.

У одного из вернувшихся была выслана жена с двумя детьми. По прибытии жена тяжело заболела и слегла в постель. Дочь оставалась с матерью, а сын с несколькими подростками пошел побираться по вокзалам. Ему было 14 лет. Он подходил к сидящим в зале ожидания и просил помочь, кто чем может. Когда он подошел к солдатам, один из них узнал сына. Не веря своим глазам, они плакали и снова и снова обнимались. Так вместе с отцом он вернулся домой. Но недолгим было их счастье. Через полтора месяца после возвращения отца, мать умерла, а немного спустя, от незаживших ран скончался отец. Директор совхоза, где жили дети с матерью, взяла

старшего обучила его вождению автомашины и посадила на свой служебный "виллис" шофером. И дальше она опекала этих детей. У него уже была семья, когда, встретив нас, он рассказал нам свою историю.

Вернувшись к родителям, я не отмечалась у коменданта, некоторое время жила спокойно. Документ, освобождавший меня от спецпереселения, был сдан вместе со всеми документами в комендатуру. Через некоторое время комендант поменялся. Новый комендант Сергеев был редким мерзавцем. С его приходом все потеряли покой. Он пользовался всякой возможностью выбить деньги из населения. Был вечно пьян и груб в обращении со всеми. Пересматривая дела, сданные ему председателем, он обратил внимание на все детали, благодаря которым смог бы "заработать" деньги.

Он вызвал меня и потребовал справку об освобождении. После меня пошел папа и объяснил, что справка должна быть у него, потому что мы все документы сдали. Он утверждал, что в папке этой справки нет. Несколько раз он вызывал папу и намеками давал понять, что за деньги этот документ можно восстановить. Папа боялся, что это провокация и на взятку не соглашался, продолжая утверждать, что справка есть. Когда он еще раз вызвал папу, он показал ему эту справку, держа в руке помахал перед лицом и попросил за нее 10 000 рублей. Папа ответил, что таких денег у него нет, да и зачем давать, если справка вот она, есть!

Разозлившись на такой ответ Сергеев на глазах у папы разорвал справку на клочки и пообещал, что теперь мы пожалеем, что не дали денег.

После этого дня начались мои муки. Каждый день утром, днем, вечером, ночью, когда ему заблагорассудится, он вызывал меня на допрос, то в местную, то в районную комендатуру и спрашивал одно и то же: "Гражданка Гасанова, признайтесь с какой целью вы вышли замуж за гражданина Гасанова, проживающего на приграничной полосе с Ираном. Почему вы тайно выехали и въехали сюда. Чья вы шпионка, на кого вы работа-

ете? Признайтесь чистосердечно, мы все равно узнаем правду и тогда вас будут судить, детей отдадут в детдом, а вас вышлют в Сибирь на каторгу".

Однажды даже хотел избить меня. Он был пьян, еле на ногах держался. Не знаю, чем бы все кончилось, но я воспользовавшись удобным моментом, отбросила крючок на дверях и выбежала из комендатуры. После этого мой младший дядя ходил вместе со мной и ждал в коридоре, пока я выйду. А Кирман Двалидзе заходил со мной в кабинет и каждый раз, когда Сергеев кричал и требовал, чтобы я призналась, что я шпионка, он останавливал его со словами, что это какая-то ошибка, я ее знаю очень давно, я знаю ее родителей, она дочь истинного коммуниста, я ручаюсь за нее, тут какая-то ошибка.

Иногда он прикладывал к моему виску пистолет, грозил выстрелить, если не сознаюсь, что шпионка, требовал написать и подписаться под чистосердечным признанием. Кирман Двалидзе предупредил меня: "Что бы он ни требовал, в чем бы ни обвинял, как бы не кричал и не пугал ничего не пиши и ни под чем не подписывайся". Я-то не подписывалась, но на почве этих допросов я заболела, у меня начались нервные срывы. И на допрос и с допроса я уже в ожидании угроз шла со слезами. Возвращаясь домой на вопрос мамы: "ну что?" я отвечала: "мама, бесполезно доказывать, что я не шпионка. Мне уже отсюда никогда не вырваться". Муж несколько раз приезжал, чтобы увезти меня с детьми в Астарту, но меня не отпускали. Однажды на допросе присутствовал офицер Краснопеев, пожилой человек. Увидев, как развязано и грубо ведет себя Сергеев на допросе, он сказал мне: "Дочка, кто бы, кроме меня, не вызвал тебя на допрос, не приходи!"

Мои маленькие дети понимали, что меня куда-то не пускают и из-за этого я плачу. Дочка поднимала руки кверху и просила Бога: "Господи, открой дорогу нашей маме!" А потом пинала брата рукой и говорила: "Скажи аминь!" Он ничего не понимая говорил: "Аминь!"

Случай помог нам освободиться от Сергеева. Обычно он сильно напивался и или собутыльники привозили его домой, или

кто-то встретив его в таком состоянии, провожал до дома. Однажды напившись он свалился в канаву. В гимнастерке – документы, бумаги. Наши мужчины, подобрав его, повезли его в районную комендатуру. Рассказали, где его нашли, а привезли сюда, потому что боялись кто-то воспользуется его таким состоянием и вытащит документы. После этого разоблачения Сергеева отстранили от работы в комендатуре и мы избавились от его ига. Но я еще долго страдала от последствий этих допросов. Нервы мои расшатались, по ночам у меня начались зрительные и слуховые галлюцинации, я долгое время боялась людей в военной форме. Вот уже 50 лет как закончились эти допросы, но и сейчас, если я что-то переживаю, они возобновляются в памяти.

Мой муж, убедившись, что не сможет нас вывезти, поселился вместе с нами в совхозе "Булунгур". Я уже работала бухгалтером, но зарплата была очень маленькая. Рядом с нами жила немка, Сусанна Петровна, портниха. Мама попросила ее взять меня на обучение. Я отказывалась, говорила маме, что я не смогу этому научиться, но мама возражала: "Не могу не бывает, не хочу – бывает. Она же не родилась портнихой, а чем ты хуже нее, те же руки, значит, сможешь". Я и правда смогла. Сусанна Петровна была мастерица на редкость, она во время работы рассказывала мне, что благодаря своему мастерству стала семейной портнихой в доме Берии. Когда муж вернулся насовсем, в том же бараке нам дали одну комнату. От тоски о старшей дочери и от всех перенесенных бед, мама заболела. Она думала, что умирает, так ей было плохо и попросила моего мужа, по возвращении из отпуска хоть ненадолго привезти их к нам. Весной 1949 года сестра с дочкой приехала к нам на десять дней. Встреча с ней поставила маму на ноги. В июле 1949 года у меня родился сын, но от допросов это меня не освободило. Меня допрашивали не только в местной и районной комендатуре. После того, как Сергеев не смог добиться от меня признания в шпионаже, меня начали возить в Самарканд, в областную комендатуру. Там на меня завели дело и серьезно взялись за меня. Я не понимала, что я такое

совершила. От растерянности и бессилия я только плакала. Однажды меня повезли в Ташкент, приехал следователь из Москвы. У меня и сейчас, когда я переживаю, теряется аппетит. От страха я потеряла аппетит, когда меня на несколько дней оставили в комендатуре и сказали, что сошлют в Сибирь, если не признаюсь. Представитель Москвы приставил к виску пистолет и требовал признания. Я не знала, в чем я должна признаться, когда он, как и все до него, стал допытываться с какой целью я вышла замуж. По-русски я тогда не очень хорошо понимала. Я не понимала с какой целью женщина может выйти замуж. Несколько дней, проведенных в Ташкенте я ничего не ела. Но как было объяснить этому сухощавому, злому представителю закона, что это от безвыходности, он же имел хороший аппетит и никогда его не терял. Он начал допытываться, кто мне подсказал идею о голодовке, что мне это все равно не поможет, все равно меня сгноят в Сибири. Я только плакала и молчала. А они думали, что я как стойкий оловянный солдатик – умру, не сдам своих, это его выводило из себя. Чем громче он кричал, тем сильнее меня одолевал страх и я еще сильнее плакала. Потом он подумал, что и этому меня научили, чтобы вызвать жалость. Это его взорвало – от меня жалости ты не дождешься, пойдешь босиком по этапу... Всего пережитого не перескажешь. До 1953 года продолжался этот кошмар.

В 1951 году у меня заболели глаза, в совхозе глазного врача нет, в район надо было идти пешком. Детей оставила с мамой и пошла. Муж пока жил в Азербайджане, насовсем он вернулся в 1952 году. Иду, глаза болят, закрываю их, дороги не вижу, открываю – от боли сознание можно потерять. Так я дошла до моста через речку Булунгур и поняла, что дальше я идти не смогу. Вернулась назад. Три дня, вернее трое суток боль в глазах была невыносимая, когда боль утихла, я заметила, что стала плохо видеть. Но возможность достать очки не было, и я без очков, с плохим зрением продолжала работать бухгалтером, а после работы шить. Это было очень трудно, но

другого выхода выжить у меня не было. Когда сыну было 2-2,5 года его укусила соседская собака – овчарка Динго. В это время в совхозе была эпидемия бешенства у животных. Увидев окровавленного ребенка, хозяин собаки, директор совхоза тут же убил собаку, из собственного ружья. Он решил, что собака заразилась бешенством. Врач-немец, Альмендингер, узнав, что собака убита и пронаблюдать за ней невозможно, назначил 40 уколов в живот. Уколы были болезненные и от них у сына пропал аппетит. Врач еще из Грузии нас знал, он был из Болниси, он жалел ребенка, и видя как ребенок тает на глазах, каждый раз пытался у него узнать, почему собака схватила его за лицо. Подсказывал ему: "Наверное, так было, а может вот так было? В первое время сын от испуга ни на какие вопросы не отвечал. Постепенно успокоившись, после 19-того укола, он рассказал, что он хотел, чтобы собака везла его как лошадка. На его "но-но" она не повезла, он стал тянуть ее за уши, тоже не повезла, тогда он слез с нее и начал тыкать ей пальцем в глаз. От боли собака озверела и схватила его за лицо, прокусила обе щеки. Врач отменил уколы. Но накануне десятиклассник на сороковой день умер от укуса бешеной собаки, еще эта картина была перед глазами, и 21 день я прожила с таким страхом, которого врагу не пожелала бы. Последний сороковой день я не сводила глаз с сына ни днем ни ночью. Слава Богу пронесло.

А в 1951 году в Булунгуре началась эпидемия скарлатины. Моя дочь заболела одна из первых, вызвали "скорую". Они забрали ее вместе с мамой, дом продезинфицировали. Дома остались папа, сестра и я с сыном. Хоть и сделали дезинфекцию, оставшиеся дома сын, сестра и я заболели. У дочки была тяжелая форма и врачи сомневались в ее выздоровлении. Я вызвала мужа. Когда он приехал, мы все уже болели, но зная, что заберут в больницу, не вызвали врача. Соседка, крымская татарка научила делать компрессы из керосина. Чтобы скорее вылечиться я не жалела на себя керосина и обожгла всю кожу на горле. Муж каждый день шел в район в больницу и приносил нам новости, как протекает болезнь. Туда шел – плакал,

обратно шел – плакал. Мама стала допытываться, почему остальные не приходят, но я просила ей не говорить. Так мы на ногах перенесли скарлатину всей семьей.

В мае 1950 года в школе выбрали детей на олимпиаду. В день отъезда все наряженные, красивые пришли во двор школы. Детей посадили в машину, но не успели выехать, комендант решил проверить – не везут ли детей спецпереселенцев. Таких оказалось двое: моя сестра и ее подруга Лена, крымская татарка. Комендант снял их с машины. Родители, учителя были возмущены этим, убеждали его, что это дети, на них не должны распространяться правила спецпереселенцев, но он был неумолим. Дети плачут, родители плачут, все просят сделать исключение, отпустить их на олимпиаду, ничего не помогло. Эта рана, нанесенная сестре, надолго сохранилась в ее памяти. Сколько раз в жизни ей предстояло пережить тяжелые дни из-за того, что кто-то, когда-то сознательно или подневольно нас сделал людьми второго сорта – спецпереселенцами. Все как один были уверены, что Сталин о наших бедах ничего не знает. Все это делают окружающие его люди. Сейчас его мысли заняты тем, как страну вывести из войны. Проклятый Гитлер, какой он подлый, хитрый. Притворялся другом, Сталин ему так верил, а он из-за спины нанес удар. Но ничего, он сильный, умный, он справится с ним. А мы должны ему помогать. Наша беда по сравнению с той бедой, которая свалилась на его голову – ничто. Не будем отвлекать его от государственных дел. Потерпим! Вот когда кончится война, мы ему напишем и он обязательно во всем разберется, он всех накажет. Это русским все равно, что творится в Грузии. Он грузин, он разберется в бедах своего народа. Когда закончилась война, вернувшиеся с фронта солдаты-орденоносцы, коммунисты начали писать заявления в Кремль. А когда не получали ответа, опять же делали вывод: "Живы те, кто нас выслав, они перехватывают наши письма, чтобы Сталин их не наказал, но когда-нибудь он возьмется за них. Пока страна после войны не оправилась, у него много забот. Мы с надеждой ждали, что

когда страна встанет на ноги и до нас дойдет очередь. Самый черный день в жизни жителей совхоза "Булунгур", да и всей страны был день, когда по радио на всю страну разнеслась весть о смерти Сталина. Что началось! В школах плакали и ученики и учителя, на работах рыдали и мужчины и женщины. В домах плакали пожилые. Независимо от национальности, возраста, положения люди рыдали, лица были распухшие от слез. Немка Сусанна Петровна купила черный крепдешин и все стены комнаты завесила траурными лентами. Оплакивали его, а заодно и себя, потому что с его смертью рушились надежды многих когда-либо добиться правды. А месхи, проживающие в совхозе навсегда теряли, с его смертью, возможность когда-нибудь вернуться на Родину.

Так оно и получились. Но, оказывается, не только его смерть должна была помешать месхам вернуться в Грузию. Даже дождавшись отмены комендантского надзора в 1956 году, многие до сих пор не могут вернуться. Но тогда думали по-другому. Какой наивный был тогда весь народ Советского Союза, как все были уверены, что мучают другие, плохие, предатели, а он ни о чем даже не подозревает. Это спустя несколько десятилетий все поняли, что с его легкой подачи и по его указке творился беспредел.

День ото дня я теряла зрение, надо было носить очки. Ни в совхозе, ни в Булунгуре их невозможно было найти, и я поехала в Самарканд. Это был 1953 год, иду я по улице и вдруг сзади меня кто-то окликнул по имени. Я удивилась, кто меня тут может знать. Оттого что плохо вижу, обернувшись, не сразу смогла узнать кто это. А был это наш учитель географии из педтехникума. Мы оба удивились, встретившись в Самарканде. Его призвали на фронт из педтехникума. Мансур Гасанов был одновременно и завучем. Он и понятия не имел, что произошло с нами, пока Мансур был на фронте. После возвращения с фронта он начал работать в Баку в Министерстве культуры и периодически его посылали в командировки. Вот в одной из его командировок мы и встретились и вместе пошли к

врачу. Врач назначил мне очки +4,5. Мы купили очки и вместе поехали к нам домой, он хотел повидаться с папой. По дороге я рассказала какие муки я переношу из-за допросов. В разговоре с папой он спросил почему он не написал заявление в Москву, ведь таких истинных коммунистов, как он, можно было пересчитать на пальцах и обязательно бы разобрались. Папа рассказал, что неоднократно писал, но безрезультатно. Больше писать, унижаться, просить, доказывать не будет. Очень долго убеждал его Мансур, наконец, под утро ему удалось уговорить папу еще раз написать. Мама с надеждой смотрела на него и верила, что он сможет помочь. Она для верности даже дала ему деньги на дорогу. Он не хотел брать, но мама настояла, ведь дорога в Москву не близкая. Он обещал в Москве сдать наше заявление в Кремль и взять подтверждение, что его заявление приняли. Оттого, что они с моим мужем были однофамильцы, он сказал, что представится моим мужем. И правда, он с честью выполнил свою миссию. В начале ноября он уехал от нас. Сдав заявление он устно рассказал нашу историю и уже 15 ноября мы получили от него телеграмму: "Ваше заявление приняли, ждите положительный ответ". В этой же телеграмме он задним числом поздравил нас с праздником седьмого ноября. Через полгода 15 апреля 1954 года нас всей семьей вызвали в комендатуру. Я шла, а в душе был страх. Никто из нас не знал, что нас ждет. Я думала, что вызвали всех, чтобы объявить родителям, что меня выселяют. Потом, вспоминая о заявлении, меняла варианты. Родителей освобождают, а меня при них предупреждают, что я остаюсь. Много чего каждый из нас передумал, пока дошли до комендатуры. Когда мы все вместе робко зашли в кабинет, вдруг все там сидевшие встали на ноги и каждому из нас по отдельности пожимая руки извинялись за допущенную ошибку. Мы удивлялись, когда майор, полковник, другие офицеры снова и снова повторяли слова извинения, и признавали, что в течение десяти лет наша семья безвинно страдала. А когда нам официально объявили, что с этого дня наша семья свободна и может ехать куда захочет, мама сразу же спросила: "А в Грузию мож-

но?" Они ответили: "Куда хотите, можете ехать, вы свободные граждане". Нашей радости не было предела. Домой мы не шли, а летели. Мама сразу же стала собираться со словами: "Это государство ненадежное, от него чего угодно можно ожидать. Пока не передумали надо быстро отсюда уезжать".

Там были частые землетрясения. Климат сухой, если даже шел дождь, то это было недолго. Но однажды дождь лил не переставая три дня. Стены промокли, крыши разбухли от воды. А на третий день, ночью земля так стала трясти дома, что балки соскочили со стен и стали бить по стенам изнутри. Дети испугались, плачут. Мы тогда уже жили отдельно от родителей. Я растерялась – то вещи хватаю, то детей одеваю, туфли ишу... Мой сын смотрел-смотрел на меня, а потом подсказывает: "мама, не надо нас одевать, закутай в одеяло и выбегай, пока дом не разрушился".

Сколько при нас случалось землетрясений, таких разрушений никогда не было. На этот раз было роковое стечение обстоятельств – землетрясение после проливного дождя.

Совхоз наш был очень богатым и о своих жителях заботился. На следующий же день наш барак восстановили, но после этого мама твердо решила строить собственный дом. Скот мы купили сразу же как переехали жить в совхоз. Перед бараками были помещения для скота. Мы держали коров, коз, баранов, кур. У нас дома был сепаратор и мы сами для дома делали масло, сыр, сметану, творог.

Мама налаживала там такой порядок ведения хозяйства, какой был у нас в Грузии. Только почву и климат она не могла переделать, а в остальном ей все удалось повторить.

Когда нам разрешили вернуться в Грузию, она в течение одной недели собралась в дорогу. Скот продала, стройматериалы оставила младшему дяде, который жил с мачехой (маминой старшей сестрой), потому что они нуждались и сами не смогли бы построить себе дом. Вещи из дома раздали соседям на память о нас. Взяли два ковра, ткани, которые не успели там пошить, несколько каракулевых шкур и деньги, что-

бы сразу по приезду купить дом. Нам всем выдали новые документы и мы на пароходе из Красноводска выехали в Баку. Там в ожидании билетов на Тбилиси мы два-три дня пожили у родственников мужа. Но у нас никогда не бывает все гладко. Когда мы уселись в вагоны и стали раскладывать чемоданы, обнаружили, что маленького чемодана, в котором были наши документы, альбом с фотографиями и несколько золотых коронок нету. 30 апреля 1954 года мы без документов, но счастливые приехали в Тбилиси. Немного пожили у старшей сестры, но, понимая, что работу не найдем, мы по совету зятя поехали в Дманиси. Там жили его родственники. Они занимали руководящие посты в районе и помогли, до восстановления документов, устроиться на работу и прописаться. Муж начал работать в средней школе учителем физкультуры, а я воспитательницей в детском саду.

Допросы не прошли для меня бесследно, к ним добавился страх, что не смогу восстановить документы. Как только я видела человека в милицейской или военной форме, меня начинало колотить от страха. Мне казалось, что все знают о моей беде. На этом фоне у меня начались страшные видения, по ночам меня звали, я ясно слышала свое имя, вставала и шла на зов. Все думали, что я схожу с ума. В этот год сестра в Тбилиси пошла в школу в седьмой класс. Осенью родители оставили ее у старшей сестры и приехали ко мне. Папу устроили в райпотребсоюзе, а мама помогала мне с детьми. Пока мы жили в здании старой почты, а потом сняли квартиру в частном доме. Дманиси горный район, тамошний климат не всем подходит. Папе и сыну он не подошел. Папа снова начал болеть, ему трудно было дышать. А у сына была врожденная аритмия сердца, врачи советовали вывезти его в Тбилиси. Мама, папа и сын прожили со мной год. Деньги таяли на глазах. Мама боялась, что на оставшиеся сбережения они в городе не смогут купить дом. Зарплаты хватало только на питание. Весной 1955 года они переехали в Тбилиси. Недалеко от сестры они смогли купить маленький домик. То были две ком-

наты и "шушабанди" (с груз. – комната с одной застекленной стеной). Самое главное, что понравилось родителям – это то, что был садик с фруктовыми деревьями. Вместе с моим сыном они прожили без меня четыре года. Мне тоже не подходил климат в Дманиси из-за больного сердца, но в Тбилиси меня не прописывали, а значит работать я бы не могла. А какая разница от голода умереть или от болезни, и я терпела. Я еще долго была связана невидимой нитью с последствиями высылки. Однажды в магазине я услышала, как меня позвали по имени. В то время у меня были частые слуховые и зрительные галлюцинации, и я подумала, что это мне показалось. На всякий случай обернулась, чтобы убедиться, что за спиной никого нет. Но на этот раз я увидела реального человека. Он в Адигени в педтехникуме преподавал физику, сам был из Тбилиси. Оттуда в начале войны его забрали на фронт, а жена с маленьким сыном осталась в Адигени. Я знала, что они попали в Наманган, все их село. А он, вернувшись после войны, не нашел их, снова обзавелся семьей и работал недалеко от Дманиси. Он спросил, не знаю ли я где его семья может быть. Где она сейчас я, конечно же, не знала, но куда попали сначала жители села, где жила его жена, я знала и сказала ему. Потом я часто встречала его у нас в районе, он нашел свою семью. Но жену не застал в живых. Она умерла от болезней, после ее смерти братья взяли ребенка и воспитали вместе со своими детьми. Он часто ездил к сыну в Среднюю Азию, но сын не переезжал к нему жить, ему было неловко перед дядьями, которые не дали ему умереть в те тяжелые годы и поставили на ноги. В детском саду вместе со мной работали две грузинки. Вообще Дманиси многонациональный район. Там, так же, кстати, как и у нас в Адигени, все жили дружно, несмотря на то, что были люди из разных мест попавшие волею судьбы в Дманиси – немцы, духоборы, греки, армяне, русские, азербайджанцы (терекеме), грузины – никто никогда по религиозным и национальным признакам не отличал одного соседа от другого. Делились только на плохих, вредных, жадных и хороших, добрых, отзывчивых. Мы, прошедшие хорошую школу жизни, ни

когда не афишировали свое прошлое и там никто не знал, что мы бывшие спецпереселенцы. У меня на работе знали, что я азербайджанка. Всех это устраивало, а для моих расшатанных нервов был самый идеальный вариант.

Вот когда дети выходили на прогулку, и у нас было время посидеть недалеко от них, пообщаться, каждый что-нибудь рассказывал. У них была общая тема – они все время вспоминали, как их насильно в годы войны переселили в места за Боржоми. Как они не хотели, но их никто не спрашивал. С каким тяжелым сердцем въехали они в эти места. Но когда вместо пустых мест и домов они попали в дома, только что построенные, полные добра и вещей они немного успокоились. Каждый день кто-то что-то где-то находил припрятанное. Кроме того, что в сундуках все было новое, нарядное, там были дорогие старинные браслеты, ожерелья, серебряные пояса. Семья старшей воспитательницы Клары Трапаидзе вошла в двухэтажный дом. Два брата с женами и мать. Свекровь в своей комнате нашла сундук полный добра. Кроме того, что невестки нашли сами в этом доме, они настояли, чтобы при жизни свекровь поделила содержимое сундука... (Я рассказываю так как слышала, ничего от себя не добавляя). Свекровь уступила им содержимое сундука, но она не могла дать обоим одни и те же вещи и со словами: здесь все по одному, примиритесь с тем, кому что достанется, начала делить. Конечно же, каждой из невесток показалось что другой досталось больше чем ей. После того, как разделено было содержимое сундука, каждая посылала свекровь жить у другой, у той кому "больше" досталось. Они натравили друг на друга братьев. В один из дней братья на балконе начали разбираться, слово за слово дошли до крика и ругательства. На этот шум вышла их мать и попыталась усмирить разошедшихся сыновей, но злость захлестнула сердца братьев и они вцепились друг в друга. Она хотела разнять их, но один из них с такой яростью оттолкнул ее, что она, перелетев через перила балкона, свалилась и разбилась насмерть. Рассказав это, Клара добавила, что никто из вошедших в полные дома не был счастлив, потому что это добро со

слезами было оставлено. На этот рассказ медсестра Этери вспомнила, что им достался только что выстроенный дом в Адигенском районе, в селе Чечла. Все соседи находили что-то или в саду, или в подвалах, или в фундаменте разрушенного дома. Ее брат перерыл весь сад, обыскал все места, где только можно было что-то найти и не найдя ничего решил, что хозяин все золото спрятал в фундаменте дома. "Ар гаихарос чеми дзма (чтоб пусто ему было)", – с такими словами она начинала каждый раз рассказ о том, что в поисках клада он по одному камню разобрал построенный дом до основания и ничего не найдя, на свои с трудом заработанные после войны деньги много лет строил и строил дом, а пока построил жил в "кох"-и в землянке.

В такие часы общения я сидела и молчала, думая, про себя: если бы они знали, что эти дома оставили им мои землянки, интересно, так же чистосердечно они все рассказывали бы при мне? Или, если бы я рассказала им свою историю и начала бы с того, что мы в чем были одеты, в том и были вывезены на пустые места среди зимы, а наши приготовленные к зиме дома со всем, что было нажито за всю жизнь остались и достались кому-то и, несмотря на это, я не держу на них зла?!

Навряд ли они мне поверили бы. Но по иронии судьбы они сами, со своими комментариями рассказывали все это в моем присутствии.

А совсем недавно, когда я хоронила мужа в деревне Мсхалдиди, один из гостей деревни поинтересовался: "Кто эти люди, я их в деревне раньше не видел, а хоронят они на вашем кладбище?" Ему объяснили жители села, что это третий покойник, которого эта семья хоронит здесь, потому что они турки, высланные из Месхети. Туда хоронить их не пустят и их сосед по Тбилиси, житель нашего села попросил село разрешить им своих покойников здесь хоронить. Гость сказал им, что с историей этого народа он знаком. Он сам таракама, в те годы он в Месхети работал в милиции. Когда вывезли их, вспомнил он, в опустевших селах три дня стоял вой собак и брошенного скота. У

слышавших этот вой волосы вставали дыбом. В деревню не каждый отважился бы войти, от жалости сердце разрывалось. Наверно он очень ясно воспроизвел эту картину перед глазами, потому что ему стало плохо, и он схватился за грудь. Этот пожилой человек чуть не умер. И это опять же не мой рассказ, это мне рассказали очевидцы. Очень трудно, когда живешь оторванным от своего народа. Кто это может знать лучше нас, когда вокруг покойника сидят три-четыре человека, которые должны и оплакивать и заниматься всеми делами похорон...

В Дманиси мы жили спокойно. Моя дочь там пошла в русскую среднюю школу. Нас уважали, никто не обижал, жили как все. Пять классов она проучилась в Дманиси, здоровье мое с каждым годом ухудшалось. То ли от тоски по сыну, то ли от климата, то ли от болезни сердце стало все чаще и чаще давать о себе знать. С 1957 года я для себя уже решила, что мне надо уезжать отсюда, но преподаватели в школе не советовали переводить дочь, пока не закончит пятый класс и я ждала.

В те годы была эпидемия гриппа, дочь в очень тяжелой форме перенесла эту болезнь. После этого гриппа она очень ослабла, я привезла ее показать в Тбилиси к врачам и они не советовали мне увозить ее отсюда. Так и получилось: не было бы счастья, да несчастье помогло. Больше мы в Дманиси не вернулись. В 1959-60 учебном году мы жили уже в Тбилиси. Дочь пошла в 56 русскую школу, а сын учился в 52 русской школе. В 56 школе был иностранный язык немецкий и английский, а в 52 – французский и английский. Дочь изучала немецкий и в одной школе они не смогли учиться. Пока жили в районе, все заработанные деньги уходили на дорогу Дманиси-Тбилиси-Дманиси, потому что каждую неделю я в субботу уезжала вечером, и в воскресенье тоже вечером возвращалась. Родители устроились работать в хлебный магазин – папа продавцом, а мама помогала ему и убирала магазин. Когда я приехала, меня в том же магазине оформили рабочей и наконец прописали в Тбилиси. Я опять начала шить на заказ, несмотря на плохое зрение, жить-то как-то надо было. Папа очень стес-

нялся своей работы, его угнетало такое положение, где надо всем угождать и улыбаться, но бывшим спецпереселенцам в Грузии большего нельзя было и ждать и он постепенно смирился и остроумными поговорками типа – увидели мою одежду в муке и думают, что я мельник, или – если упал уже в эту канаву или волк тебя съест или ворона заклюет – успокаивал себя. Мы снова объединились и помогая друг другу пытались не сломаться и выжить. Муж к нам переехать не мог, работу здесь без диплома он не смог бы найти. Ничего не найдя в архивах Азербайджана, он должен был начинать с того, чтобы закончить школу, взять аттестат, а потом поступить на заочный факультет физкультурного. Вот этим он и занялся. После школы он поступил в Баку в институт. К этому времени дочь закончила школу и тоже поступила в педагогический институт им. Пушкина на филологический факультет. У меня в семье было два студента, абитуриента – сына надо было готовить для поступления в институт иностранных языков и докончить строительство и ремонт двух комнат, которые я с помощью родителей смогла пристроить. Да и у них немного было.

Через два года после того, как мы приехали из Булунгура, нас нашли работники финотдела и предъявили маме документ, по которому за долгосрочный кредит 7 000, взятый там, в Булунгуре, уже с процентами она должна была вернуть 37 000. Выплатить сразу столько не было возможности и мама, объяснив ситуацию, договорилась выплатить за два года этот долг. Каждый раз выплачивая очередной взнос, она сетовала: "как государство на нас наживается. Десять лет назад, когда 1 кг муки стоил 250 рублей дали насильно 7 000 рублей, а сейчас когда 1 кг муки стоит 30 копеек, берут 37 тысяч рублей. Когда им нужно они тебя из-под земли достанут, а когда тебе нужно – справку в архиве не найдут". Архивы, где хранились наши документы, везде сгорели, а где записаны наши долги ни в воде не тонут, ни в огне не горят. И из этого положения моя стойкая мама вышла с честью, до последней копейки долг мы выплатили.

В эти годы отовсюду приезжали в Грузию, в Армению эмигранты-армяне. Рядом с нами поселились эмигранты. Муж был армянин, жена гречанка. У них были две дочери. Они смогли приобрести маленький закуток и своими силами перестраивали его в жилой дом. Чтобы находиться близко к строящемуся дому они попросили маму разрешить им с детьми пожить у нас. Конечно же, мама разрешила. В благодарность за это гречанка-эмигрантка предложила научить меня делать химическую завивку. Тогда такую завивку здесь никто не знал. Мама настаивала, чтобы я выучилась, потому что от шитья я ослепну. Как всегда, на мои отговоры, что "я свою голову не могу расчесать, я не смогу так научиться, чтобы у меня очередь стояла, для этого нужен талант или опыт", – ответ был один: "Забудь слово "не могу", раз надо – значит сможешь". И она снова оказалась права, я смогла. Со всеми соседями мы были в хороших отношениях, нас так приняли в свою дружную семью, как будто мы вместе с ними заселились в этом "убани", если бы не "ну и что ж, что они татары (мусульмане, турки), они очень хороший народ", все было бы нормально. Но ничего обидного кроме этих слов мы от них никогда не слышали и даже не стали выяснять, почему мы "татреби". Мы к этому времени уже так привыкли к ярлыкам, что особенно не обращали на это внимание – нас не трогают, ну и ладно. Оттого, что сын с раннего детства попал в окружение детей, говорящих на грузинском, он мог общаться на этом языке. Чего не могу сказать о дочке и сестре. В транспорте или в форме выговора делали замечания: "Что выпендриваешься, давно русский выучили?" Мы им дома говорили, правильно говорят, могли бы и выучиться, внешне вы ничем не отличаетесь от грузин, откуда им знать, что это для нас был язык выживания. Теперь учите грузинскому языку. Они стали пробовать разговаривать на грузинском – их поднимали на смех, издевались. Сколько раз дети со слезами приходили домой. В те времена к нам ходили грузинские историки, встречались с месхами, которые приезжали с заявлениями к ЦК КП Грузии о возвращении в

Месхетию. По настоянию Шота Ломсадзе моя сестра пошла в архив, чтобы восстановить нашу грузинскую фамилию, надо было представить справку из архива. На то время дети уже хорошо понимали язык, но разговаривать не решались, опять же боялись насмешек. Стоя там она услышала разговор двух работниц архива: "Теперь все татары захотели стать грузинами". Не дожидаясь справки она вышла из архива и придя домой сказала: "Никогда больше я не попытаюсь восстановить свою принадлежность к грузинам". С того дня вопрос о восстановлении наших исконных грузинских фамилий раз и навсегда был закрытой темой у нас в доме. Мы решили жить, как живут миллионы людей в нашей многонациональной стране. Закончили со строительством, ремонтом, обставили мебелью дом, дети учились, жизнь текла понемногу, не лучше и не хуже, чем у всех. Только-только выправили спину от сознания того, что мы не спецпереселенцы, а свободные граждане в свободной стране. Забыли мудрую поговорку: "Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела". Несмотря на то, что по всей стране начались разоблачения и реабилитации пострадавших в сталинские времена, установленный когда-то режим пока действовал. Маму вызвала к себе домком нашего убани и сказала, что к ней приходили, интересовались, не живут ли на ее участке люди, вернувшиеся из ссылки. Кто приходил, она не сказала, это было между строк, но посоветовала, на некоторое время, пока затихнет эта волна проверок, пожить где-нибудь за пределами Грузии. Летом 1960 года мы, собрав кое-что из вещей выехали в Азербайджан, в г. Мердекен к сводной сестре моего папы. Дома остался только мой муж. Даже там мы никому не объяснили каким ветром нас, всей семьей, туда занесло и на какое время. Когда кто-то стучал в ворота дома, у нас у всех замирало сердце от страха, что нас и тут нашли. Через месяц сестра послала телеграмму: "Возвращайтесь". За это лето мы столько пережили, что можно считать что еще раз побывали в ссылке. У каждого из нас перед глазами прошли все 10 лет ссылки и страх, что это может повториться, весь месяц держал нас в напряжении. Гостеприимные родствен-

ники не понимали, что нас беспокоит, потому что даже детей мы просили не говорить никому, что к ним из Грузии приехали родственники. Только уезжая оттуда мы извинились и объяснили для чего была нужна такая строгая конспирация. У нас дома до сих пор бытует поговорка: "Не забывай, что и у стен есть уши". Этот горький вывод сделала наша семья, потому что всю жизнь только и успеваешь уклониться, чтобы камень не попал в голову.

После возвращения из вынужденного побега мы несколько лет жили спокойно. Мы и это узнали, что те, которых никто не предупредил, были высланы в тот год – ассирийцы, курды. Эта кампания была не на месхов рассчитана, но мы могли пострадать в общей "чистке".

Через несколько лет после этого в наш убани пришли представители кооперативного строительства и уговорили соседей войти в их кооператив. Обещали дать денег тем, кто будет по гарантийным письмам жить на квартире в ожидании строительства корпусов. Кто-то был рад пожить в корпусах, кто-то не хотел лезть в коробки. Нас не устраивало по двум причинам: во-первых, мы хотели иметь садик, папа там забывал обо всем, что ему довелось пережить, копался в земле – это его успокаивало, а во-вторых, мне вместо полагающейся трехкомнатной квартиры давали двухкомнатную. Но как известно, против лома нет приема. Когда по отдельности всех удовлетворили, нам тоже ничего не оставалось, как взять гарантийное письмо. Мне сказали: "Хочешь жить на большой жилплощади – езжай в Сибирь". Напоминание о Сибири меня сразу остановило и я не стала, как другие неудовлетворенные, судиться с кооперативом. Как показало время, – правильно сделала, потому что единственная выигравшая процесс соседка сошла с ума. Такого врагу не пожелаешь. Конечно же, нам не собирались платить за квартиры, в которых мы должны были жить до приема строительной комиссией корпуса. Моя мама, опять же, оказалась дальновидной и умной. Мы, как мурашки, разобрали свой дом и на глазах изумленных соседей перетаскали весь строй-

материал – доски, окна, двери, шифер – вниз к соседям, которые жили около речки. Мама договорилась, что когда будут построены наши квартиры она безвозмездно оставит соседу этот двухкомнатный дом. Сосед согласился, потому что все равно в той части сада он ничего не сажал, а кооперативщики говорили, что больше ничего здесь строить не собираются. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Когда начали строить наши корпуса, нашлись желающие построить дома у речки. И сосед, и мы уже ушли к другим соседям на квартиру жить. За полтора года мы разорились, потому что хозяйка дома, видя наше безвыходное положение, каждый месяц поднимала квартплату. Когда денег уже не хватало на жизнь, мы вынуждены были вселиться в свои недоконченные квартиры. Без окон, без дверей, без пола и воды один год жили в одной комнате семь душ. Соседи удивлялись нашей стойкости, особенно трудно было зимой, но у нас не было выбора. Мы и сами иногда удивлялись, как мы не умираем и продолжаем жить. Люди один дом за всю жизнь, сидя на одном месте, не могут построить, а мы, как проклятые, в каждой республике, в которую нас забрасывала судьба, только успевали, отказывая себе во всем, построить дом, как надо было переезжать в другое место. Так и живем – строим – оставляем, строим – оставляем и снова строим, потому что жить-то где-то надо. Чем не мурашки?!

В 1956 году, наконец, все месхи были сняты с комендантского надзора. Обрадовавшись, что "клейма" уже нет, собрав пожитки, продав или просто оставив дома, продав скот, мебель, месхи начали уезжать из Средней Азии, чтобы наконец-то всем вместе собраться в Грузию, а точнее в Месхети. Кто раньше, кто немного попозже потянулись они по дорогам, ведущим на родину. Только тот, кто не по своей воле покинул родные края, поймет с каким чувством радости и блаженства возвращался этот народ. С какими надеждами на будущее они торопились поскорее доехать и забыв про потери, оставив похороненных на чужбине, начать жизнь с новой, чистой страницы, среди сво-

их. Они ни на минуту не сомневались, что проблемы и невзгоды остались позади. Поскольку все как один не чувствовали за собой вины, ехали со спокойной совестью, мол, ошибку обнаружили, ну и слава богу. Но..., вот тут начинается новый этап в жизни месхов. В состоянии эйфории проехали они путь из мест столь отдаленных до Акстафы, Азербайджан и тут узнали, что дальше им дорога закрыта. Это конечная остановка – дальше не пускают. Первые прибывшие решили, что до Грузии указ о реабилитации еще не дошел и до прояснения ситуации раскинули палатки, решив ждать. Ждать пришлось долго, а народ все прибывал и прибывал. ЦК Азербайджана предложил им заселиться компактно на солончаках в Муганских степях. Они хорошо знали, что этот народ поднял целину в Средней Азии, а значит и с солончаками справится. Всех прибывающих невозможно было размещать в палатках около Акстафы. Что же было делать, не возвращаться ведь назад с копейками в руках. Приняли предложение республики и поехали в Саатлинский, Сабирабадский, Хачмазские районы. Некоторые подались на Северный Кавказ. Тогда строилось Мингечаурское водохранилище – часть туда уехала. На новом месте они все строили на свои деньги. Коллекторами они промывали солончаковую почву, метр за метром отвоёвывая землю у пустыни. Посадили фруктовые деревья и хотя посаженные там деревья больше двух лет не давали урожая, приспособились так, что пока умрет одно дерево, другое уже было на подходе. Посадили хлопок. Трудлюбивые и неустанные руки месхов и этот край превратили в рай. Но климат они не в силах были поменять, это работа Всевышнего. От тяжелейшего климата начали болеть. Болезни были в основном неизлечимые. Многие вернулись в Среднюю Азию, некоторые подались в Россию.

Активисты, выбранные народом, занялись ходатайством по вопросу возвращения месхов в Грузию. Но, как оказалось, месхи из Грузии имели право жить везде, кроме Грузии.

С 1956 года лидеры заменяли друг друга на боевом посту, как на баррикадах, ушедшего из жизни пожилого лидера, за-

менял молодой и здоровый. Но результат был настолько мизерный, что даже стыдно об этом говорить. За 50 лет в Грузию смогли вернуться единицы. Только лишь семьи, разместившиеся в Насакирале остались жить там, поселились компактно. В остальных районах смогли выжить те несколько семей, которые разместились у них. В Хашури, если я не ошибаюсь, переехали жить 14 семей. Их поставили в такие условия, что они были вынуждены оставить построенные дома и уехать. Сами местные их дома не покупали. Никто не живет на этой земле вечно, а если негде похоронить покойника – это уже самый трудный пункт проживания. Когда стали заболеть пожилые, местные жители предупреждали: "Вывозите пока живой, похоронить не дадим". Они не только живым, которые могут воспроизвести на свет потомство, не очень охотно давали место под солнцем, а и мертвым с войной выделяли 1х2 метра земли, хотя беспрепятственно, через несколько лет, смогли бы сравнять с землей могилы, как сравнивали в Месхети могилы наших предков. И никто не смог помешать им это сделать – ни власть, ни бог, ни совесть. Из Хашури часть вернулась в Среднюю Азию, часть в Россию. В Копитнари поселились четыре семьи, если мне не изменяет память. Лидер Чахо Читадзе приехал из Самарканда в Западную Грузию. Там, в Самарканде, он работал директором школы, которую назвал именем Шота Руставели, а здесь он со своей семьей и год не прожил, их пинками выставили оттуда.

Халил Гозалишвили, из села Вале Ахалцихского района, один из самых активных лидеров. По возвращении из ссылки поселился на Северном Кавказе. Он на свою зарплату ездил с заявлениями в Москву, в Тбилиси. Так и умер ничего не добившись.

Латифша Бараташвили, из села Уде Адигенского района, поселился с семьей в Мингечауре. Он еще при жизни не смог выпустить в свет книгу "Мы – месхи". Много порогов обил, добиваясь признания месхов в Грузии. Ушел из жизни с надеждой, что дети продолжат его начинание. Написанную книгу издали его дети.

Наш вклад в дело возвращения месхов был незначительный. Все, кто приезжали с обращениями к правительству, останавливались у нас, потому что в гостинице оставаться было небезопасно, да и не пускали их в гостиницы.

Однажды, в 1976 году приехала делегация из 30 человек со всех концов нашей необъятной страны. Их отказались принять и они уселись перед Домом правительства. Долго с ними не церемонились, затолкали в автобус и вывезли из Тбилиси на Красный мост (граница с Азербайджаном). Только там открыли двери автобуса и со словами: "Чтобы вас здесь больше мы никогда не видели" перегнали на территорию Азербайджана.

В то время развернулась по всей Грузии серьезная кампания против месхов. Я сама слышала как во дворе нашего корпуса, собравшись в кучку между собой говорили: "Какие-то мусульмане едут, что с нами будет!"

В 90-е годы началась по телевизору открытая пропаганда против возвращения месхов в Грузию. Где-то собрали стариков, которые как я думаю, не очень-то разбирались, что турки и месхи-мусульмане не одно и то же, так же как "татары" и месхи совершенно разные народы, и спрашивали их о "турках-месхах". Кто-то что-то говорил, но воспоминания одного старца такой смех вызвал у нас, что долго, как аналогия на чужь у нас в семье были его слова. Он рассказал, что месхи насиловали их жен, дочерей, издевались над ними и... "на спор ставили 16 человек в ряд друг за другом и одной пулей убивали всех". То, что он рассказывал, понятно, он пожилой человек, мог бы и заблуждаться. Но с какими комментариями образованные люди стали обращаться к зрителям и нагнетать страсти. Кто-то поверил, кто-то не поверил, кому-то все это неинтересно, он занят своими делами, но процесс пошел. Некоторые были категорически против, некоторым было абсолютно безразлично, некоторые встали на защиту месхов. Одним из тех, кто встал на защиту был Зураб Мамаладзе. Он предоставил свой дом в Надзаладеви представителям от народа, вместе с

ними ходил по кабинетам – рассказывал, доказывал, объяснял. Два раза даже голодал – в защиту прав месхов. В это время за приезжими месхами наблюдали, в гостиницах их не принимали, даже на его дом совершали нападения группы людей, которые категорически были против их возвращения в Грузию.

В результате переселений, переживаний невзгод, неприятностей папа снова заболел, и мы и он понимали, что спасти его на этот раз нам вряд ли удастся, но надежда не покидала нас. Он сам чувствовал, что ему не договориться со смертью об отсрочке. Несколько раз он заводил с нами разговор о том, что не хотел бы, чтобы его после смерти похоронили в городе, и если уж так получится, что в родные края не попадет, то, "хотя бы похороните в деревне". Тогда у нас была надежда на Дманиси, но это очень далеко. Поистине все в руках Бога. Когда 22 мая 1976 года его не стало, моя мама, убитая горем со свидетельством о смерти возвращалась из поликлиники. У нас покойника долго не держат. Дома ждали приехавшие братья, земляки, родственники. Они приехали еще до его смерти, но здесь они были в гостях и ничего не могли сделать. Вся ответственность лежала на плечах моей мамы. Сосед наш, который приехал к детям из Мсхалдиди, увидев ее в таком состоянии, успокоил и предложил свою помощь. Мы были соседями еще до строительства кооперативных домов. Он предоставил свой дом в деревне нам. Сам организовал, все как надо, по нашим обычаям и из своего дома похоронил папу на деревенском кладбище. Царствие ему небесное. А через некоторое время мне приснился сон, папа мне говорит, что ему очень нравится его место. Может быть потому он приснился мне, что я очень переживала, как примет его душа это место, и все время думала об этом.

Среди приехавших на похороны был Кирман Двалидзе. Он оставался на 40 дней, потому что дорога в Самарканд неблизкая, а дань уважения папе он хотел отдать полностью.

Когда умер папа, обстановка в стране была не из худших.

Дороги были открыты, билеты по доступной цене, во всяком случае, работавший на государственной службе человек мог позволить себе поездку из одной республики в другую. Те же трудности, которые отняли у нас папу, подточили здоровье мамы. Она заболела сахарным диабетом в тяжелой форме. Несмотря на свою болезнь, она радушно принимала всех, кто после смерти папы приезжал сюда по делам возвращения месхов на родину. Она так глубоко верила, что осталось очень немного ждать и этот вопрос решится положительно, нам всем разрешат вернуться в Аццури. В то время Юсуф Хозреванидзе занимался проблемами обучения детей-месхов в Грузии. Он жил в Тбилиси, в общежитии вместе с другими парнями и часто приходил к нам в гости. Мама часами беседовала с ним о перспективе возвращения всех разбросанных по стране месхов. Оказывается, тайком от нас она просила помочь нам похоронить ее после смерти в Аццури. Он успокаивал ее, чтобы она не беспокоилась, что она еще при жизни сможет побывать там и все увидеть своими глазами. Но в 1988 году ей было уже очень плохо, несколько раз нам чудом удавалось вырвать ее из цепких когтей смерти. Сердце у нее было крепкое, но диабет сделал свое дело.

20 ноября 1988 года мамы не стало. Еще при жизни приехали родственники и земляки из Мингечаура, Хашури. Раиса Бараташвили целый месяц до последней минуты была рядом с нами в эти тяжелые дни. Немногие смогли вовремя успеть приехать, время уже было беспокойное. Пока добрались до Тбилиси, мы уже похоронили маму. В числе приехавших был и Кирман Двалидзе. Так получалось, что этот глубоко порядочный, отзывчивый человек, истинный друг с детства, бескорыстный, добрый и умный – всегда оказывался рядом со мной, я всегда чувствовала его дружеское, надежное плечо в трудную минуту – и когда были в ссылке и когда уже вернулись в Грузию.

Его братья, вернувшись из Средней Азии, поселились в Азербайджане. Климат им не подошел, болезнь надолго поселилась в их семьях. Еще когда приехал на похороны мамы он

рассказал, что его беспокоит положение братьев, и он будет ходатайствовать об их переезде в Грузию. Незадолго до годовщины мамы он приехал в Тбилиси, и ходил по всем организациям, через которые смог бы это сделать. Когда он в день годовщины пришел к нам, мы, конечно же, обрадовались. Посидели, помянули маму, разговорились. Юсуф Хозреванидзе тоже был у нас. На этот момент я была без работы. Он послушал наши разговоры и предложил: "Пойдем, я вас познакомлю с Наирой Гелашвили, очень хороший человек, она всем помогает, может и вам сможет помочь. Это очень близко, в соседнем корпусе, заодно прогуляемся перед сном". Мы согласились и вечером пошли к ней в гости. Знакомство превзошло все наши ожидания. Она действительно оказалась очень отзывчивым и внимательным к чужому горю человеком. Юсуф, говоря о ней, сказал: "Она хорошо относится к месхам, да и не только к ним, она помогает всем, кто к ней обращается за помощью. Может она ускорит своим вмешательством твое дело". Мы тогда подумали: "Такого не бывает". Но не хотели обидеть Юсуфа. Он оказался прав, и я благодарна судьбе, что на склоне лет она свела меня с Наирой. Ее именем наши месхи называли своих родившихся в Грузии дочерей. А для меня она стала воплощением надежды. С этого дня я со всеми своими проблемами иду прямо к ней, и всегда она как в первый день, оставив все свои дела внимательно выслушает и всегда поможет. Иногда мне стыдно бывает ей говорить, но она как будто читает мысли, сама начинает расспрашивать, что меня беспокоит и обязательно найдет выход и поможет.

В 1989 году она помогла мне найти работу в "Кавказском доме". До 1997 года я там работала собирательницей фольклора месхов – до сокращения.

И Кирману Двалидзе она помогла перевезти братьев с семьями в Карели. Их было 62 души. Это – братья, их жены, дети с женами и с мужьями, пожилые родители невесток, внуки. Сама Наира вместе с ними приехала в Карели. Их поселили в совхозе, в здании бывшего интерната. Они устроились, перевезли вещи, обработали земельный участок, прилегающий

к интернату, посадили зелень, овощи. Но неформалы из Тбилиси начали приезжать и настраивать жителей против них. Они один год жили не обращая ни на что внимания. Начались разговоры, которые доходили до них, что "если только у двух братьев 62 человека, сколько же будет их, когда приедут все, они заполнят Грузию". Начались угрозы, во всем чинили препятствия. В это время умерла мать одной из невесток, в течение 10 дней ее не давали похоронить. Они обратились в Тбилиси и только после этого смогли предать покойницу земле. Жена племянника Кирмана Двалидзе, Айваза, должна была родить, в палату с роженицами ее не запустили, после родильного блока ее уложили в коридоре, потому что роженицы-грузинки "с татаркой вместе" не хотели в палате находиться. К концу года страсти так накалились, что оставшихся в Карели посадили в машину, довели до Красного моста, высадили на ту сторону и посоветовали забыть дорогу в Грузию. Они не смогли ничего из дома взять с собой. Братья обиделись на Кирмана за то, что если не был уверен, что нас примут, почему сорвал нас с насиженных мест. На старости лет мы опять остались ни с чем и должны начинать все с нуля.

Айваз под предлогом, что везет грудную дочку, Наиру, в Тбилиси к врачу, поймал попутную машину и смог с семьей приехать в Тбилиси ко мне. Девочке было всего 20 дней, мать – Майя, – была так напугана, вся дрожала от страха. У меня одна дверь, куда я стучусь в безвыходных положениях. Я позвонила Наире. Она успокоила меня, а потом потребовала перевести приехавших к ней, чтобы преследователи найдя их у меня не разгромили мою квартиру. Полтора или два месяца они жили у нее. Наира была права, опасаясь за меня. Преследователи стали угрожать ей, ее дочке. На некоторое время Зураб Мамаладзе взял их к себе. Они пожили, кажется три месяца у него в доме. Айваз работал на строительстве прорабом, по образованию он архитектор. Там их тоже не оставили в покое. Окружали дом, угрожали, ломались в двери. С момента рождения ребенка Майя находилась под нервным напряжением от страха за жизнь детей. Однажды она была дома с

Айвазом, когда окружили дом, Айваз позвонил мне, что им угрожает опасность. Я, опять же, к Наире. Она подняла всех на ноги, звонила куда только можно было дозвониться. В результате из отделения милиции Надзаладевского района послали группу, которая разогнала хулиганов. Айваз, уже успокоенный, позвонил мне и поблагодарил за помощь. Там оставаться больше было невозможно и они переехали жить на Нуцубидзе, на квартиру сына профессора Зураба Кикнадзе.

А откуда мог все это предвидеть Кирман? Тогда были месхам поставлены рамки – если грузинская фамилия, записан грузином, знает грузинский – могут возвращаться. По всем параметрам они подходили, вот он и сделал доброе дело братьям, а, оказывается, оказал медвежью услугу.

Некоторое время Айваз жил с семьей в этой квартире на Нуцубидзе, но тревоги и угрозы, пережитые сразу после родов подействовали на психику жены. Ей уже мерещилось что кто-то ломится в двери, угрожает. Однажды, в момент таких видений она позвонила мне, со слезами просила помочь, потому что кто-то ломится в дверь. Я приехала, узнав мой голос, она открыла дверь и потеряла сознание. Привезли ее с детьми ко мне, пока Айваз вернулся с работы. Он с огорчением согласился, что ее надо серьезно лечить. Сам остался в Тбилиси, ее с детьми отправил в Самарканд. Она поправилась. За это время Наира смогла добиться выделить трем семьям месхов – Барату Барташвили, Марату Бараташвили и Айвазу Двалидзе – квартиры. Через полгода, когда Майя выздоровела, она вернулась в Тбилиси. Воспоминания о тех бедах, которые она здесь пережила, вызвали рецидив болезни. На этот раз Айваз со всей семьей уехал в Самарканд, где жили родители жены. Там она попала в больницу для душевно больных и врачи сказали, что случай безнадежный, она уже не излечима. Взяв дочерей Лизико и Наиру, он переехал жить в Ростов, куда из Карели переехали его родители.

Как мог ожидать Кирман такой конец? По всем критериям они подходили и получали право жить в Грузии.

Но видно дело не в этом. Просто жалко поделиться с зем-

лей с кем бы то ни было, кто бы ты не был. И дело не в том, что они месхи. После этого изгнания братьев из Грузии Кирман Двалидзе сюда больше не приезжал.

АЦКУРИ

Ацкури расположился на красивейшем месте в Ахалцихском районе. Отсюда начинается Месхети. Когда едешь по дороге вдоль Куры справа – высокие лесистые горы. Крепость Клдэ-кари (по-груз. – каменные ворота) видна с того места, где начинаются Годисские сады. У нас рассказывали, что в Ацкури поначалу было 15-20 домов, которые были построены около родника с холодной, вкусной водой, и назывался он тогда по-другому. Родник бил из-под высокой голой скалы.

Потом, когда страна устала от внезапных набегов завоевателей, нашли это место, где со скалы хорошо видна вся местность. Старики рассказывали, что по приказу царицы Тамары на этой скале была выстроена эта крепость, из которой было удобно и наблюдать, и преградить дорогу врагам. Со стороны Боржоми, с гор покрытых густыми лесами, были возведены сторожевые каменные башни. В случае опасности с Клдэ-кари этим башням сигналили факелами, и оттуда сразу приходила помощь, а в случае нападения, войско, по сигналу тревоги, выходило на защиту своих рубежей.

Опять же из устных рассказов я знаю, что в IV веке это село называлось по-другому. Святую Нино на пути из Кападокии в Грузию именно здесь застала ночь. Она попросилась на ночлег в один из домов. В полночь в доме поднялся шум и переполох. Проснувшись, св. Нино спросила, что случилось. Ей сказали, что в доме больной ребенок, который уже умирает. Она попросила провести ее к ребенку, взяла его на руки и стала читать молитву. Ребенок на глазах стал приходить в себя и выздоровел. Счастливые родители стали расспрашивать ее, какому богу она поклоняется и что это за вера. Нино ответила: "Я христианка. Я обратилась к Богу с молитвой, и он помог

мне спасти вашего ребенка". Тогда, окружавшие ее люди, потрясенные чудом, сказали: "Раз эта вера такая могучая, что молитвой ты смогла вернуть ребенка с того света, мы тоже хотим стать христианами". И она обратила их в христианство. Из этих рассказов мы знали, что христианство в Грузии зародилось именно здесь. Старики нашей деревни, пожилые с гордостью рассказывали эту историю.

Уже после этого здесь построили крепость Клдэ-Кари – место для крепости было идеальным. После сдачи крепости служителям был дан указ: "акедан гаршемо ацит кури!", что на старинном месхетинском диалекте примерно значит: держите ухо востро! Вот оттуда и пошло название "аци кури!" – Аццури.

Когда село разрослось, от стен крепости на левый берег был переброшен небольшой мост, по которому на телегах переезжали жители. Уже при мне был выстроен большой мост высоко над Курой.

Месхети – горная страна: подъемы, спуски, овраги, скалы – вот пейзаж Месхети. Местные жители разводили сады вдоль реки, вверх по склонам. Это за селом, в сторону Боржоми. Правда для этого надо было вырубить лес, кустарники, возвести каменную стену, площадку засыпать землей, и выше снова возвести каменную стену и так до самой верхушки горы, поднимались такие террасы. С первой террасы до последней посередине проходила узкая каменная лестница, по которой поднимались и спускались, и можно было выходить по обе стороны террас. Сады были ухожены заботливыми руками владельцев. У каждого на его участке была построена маленькая хижина или шалаш из прутьев – кохи, так он назывался.

Аккуратными рядами была посажена виноградная лоза. А сколько разновидностей плодовых и ягодных деревьев там выращивали: орех, яблоня и груша, разных сортов, вишня, кизил, тута белая и черная, чернослив (этот сорт чернослива наши называли "тамаз"), терень, сливы, как наши называли их "ткупи" (по-груз. – близнецы) – ткупярюк – светло-салатового цвета. Это был особый сорт – очень ароматный и сладкий.

Кроме как в Аццури я таких слив нигде не видела. А какое варенье из него получалось, аромат и вкус бесподобный. Это варенье готовилось по особому способу, рецепт знали только аццурские женщины. Сады называли "гедис бахчалары" – годийские сады – от названия местности – Годиси (годиси – это название так и осталось называться по-грузински).

Хертвисцы утверждали, что опыт возведения террасовых садов и виноградников аццурцы переняли от них, а аццурцы утверждали обратное. Никто из жителей не знал, что в земле были закопаны огромных размеров винные чаны. Когда прокладывалась железная дорога Боржоми-Вале строители наткнулись на них. Это было в 1943 году. Очевидцы рассказывали, что некоторые рабочие обвязывались веревкой и спускались в чан, чтобы обследовать его. На дне чана оказалась какая-то густая масса. Говорили, что попробовавшие сразу пьянели. Это было загустевшее от времени вино. Пожилые рассуждали между собой: "Вероятно, эти террасы были сооружены для виноградной лозы, иначе для чего такие большие чаны".

Аццури считался культурным центром, жемчужиной Месхети называли его месхи. К жителям села относились с большим уважением. Быть аццурцем – считалось особой честью. Аццури и Хертвиси всегда соперничали между собой. Из Хертвиси в Аццури парни брали девушек в жены, потому что они все как один были с большим приданым, (бедных в Хертвиси не было), хозяйственные, умелые, трудолюбивые, практичные. А из Аццури в Хертвиси никто не выдавал своих дочерей потому что там круглый год не кончалась работа. У каждого сезона своя работа, получался непрерывный трудовой год. Аццурские девушки такой темп не выдержали бы. А еще Хертвиси отличался частыми землетрясениями и суровой зимой. Зато аццурцы одарены были завидным чувством юмора, остроумием, любили пошутить, часто разыгрывали друг друга. А какие меткие прозвища давали они друг другу! Прозвище так точно характеризовало человека, что порой до глубокой старости звали его только по прозвищу. У моего деда было два прозвища.

ща: "Мчедло" (от груз. слова "мчедели" – кузнец) и "Чапи" (по груз. – мера вина), а имя его никто и не помнил. В остроумии все были равны – что женщины, что мужчины. Не дай бог, чтобы какой-нибудь мужчина стал объектом насмешек женщин, они не давали ему житья. И женщины и мужчины были мастерами на все руки. Большая тяга к знаниям была причиной тому, что своих детей ацкурцы отправляли учиться в другие города. При этом не имело значения – это сын, или дочь – они одинаково спокойно отпускали детей учиться. В то время учеба была редкостью. А у нас многие получили высшее образование в Стамбуле, Риме, Москве, Петербурге, Тбилиси, Баку. Кто не мог дать детям образование, обучали ремеслам, у нас были замечательные: портные, парикмахеры, столяры, кузнецы, ювелиры, а каждый ацкурец с рождения был поваром – это было общим образованием.

Большим мастерством и вкусом отличались резчики по дереву. Работы их поражали изяществом и тонкостью. Они резными узорами оформляли фасады домов, балконы, обрамляли окна, двери, кухонные полки. Ручки ложек, от маленькой до большой, были украшены красивыми узорами, тонкими как паутина. На кухне обычно был подвесной ящичек для ложек, вилок, ножей с удивительными узорами. Красивые детские люльки – аквани и чочиала, мы так их называли, – вся деревянная домашняя утварь и мебель была украшена резьбой.

А какие сорта табака они выращивали! Одни славились искусством выращивания табака, другие садоводством и виноградарством. Каждую фруктовую использовали с максимальной пользой. Из белой туты делали чурчхелы, пастилу, сушеную туту (по вкусу она не уступала изюму), бэкмэз – тягучий сироп, тутовую водку. С пастилой делали вкусную яичницу: пастилу разделяли на мелкие кусочки, взбивали с яйцами и жарили как яичницу.

Занимались охотой и рыбной ловлей. Женщины помимо ухода за домом занимались рукоделием, ткали ковры, килимы, джеджимы, хурджины. Все это пользовалось большим спросом за пределами села. Товар вывозили в разные города на

продажу. Из шерсти, кроме ковровых изделий вязали носки, перчатки, жакеты, платки. Все это было разукрашено оригинальными красивыми узорами. Каждая девушка должна была иметь такой набор в приданом. Девочек с раннего возраста обучали домашним работам. Молодые девушки и женщины преклонного возраста равно умели вышивать, шить, вязать (спицами и крючком). Женское белье так дневное, так и ночное было украшено вышивкой и кружевами собственного изготовления. Еще тогда женщины носили юбки из коверкота и шевиота, с разрезом сзади и нашитыми по его краю пуговицами. Блузки полагались белые, шелковые с вышивкой. Очень хорошо помню маму в молодости в таком наряде. Одевались всегда по моде и со вкусом. Юбки бывали макси и миди.

Готовить умели вкусно и любили заниматься этим делом и женщины и мужчины. Ацкурцы имели свое фирменные блюда: мелкие хинкали из тонкого теста, начиненные мясным фаршем или мелко нарезанной бастурмой. У нас предпочтение отдавали хинкали с бастурмой, это гораздо вкуснее. Есть еще кикили. Они делаются из дрожжевого теста и начиняются бастурмой с луком. Все заготавливалось дома, а выпекать относили в пекарню. Кизартма, тикэ-кебаб, люлэ-кебаб, тенджерекебаб, эриштэ... Этот список можно продолжать бесконечно.

А из кондитерских изделий: шэкэрлэмэ, пахлава, ичли кэтэ, кэтмэр, ховиль, фэтир, лобиани кэтэ, картопи кэтэси, слоеные хачапури, биши-лухма, базлама...

Моя прабабушка – Ширин нэнэ, славилась своим умением вкусно печь и стряпать. Ни одна свадьба не обходилась без нее. Я ее уже не застала, но дома всегда вспоминали, какая она была мастерица.

В каждом доме имелся набор для варки кофе – мангал с песком и медный джэзве. Гостям на десерт подавался кофе с шэкэрлэмой или пахлавой.

Ацкурцев называли "шээрли" – городские, а всех остальных – "кёвли" – деревенскими.

Очень отличались ацкурцы и одеждой, и манерами. И гостей иначе принимали.

Ацкурцы вступали в брак независимо от национальности и вероисповеданий. А национальностей было не мало, так же как и вероисповедания. Это были месхи-католики (пранги или ференг), месхи-мусульмане, армяне, евреи. Грузин-православных было очень мало в Ацкури и они были приезжими.

Получить образование стремились в основном месхи-мусульмане. Франги занимались рыболовством, земледелием, сплавом леса по Куре. Немногие имели возможность учить детей, во всяком случае, учиться ехали единицы. Армяне занимались ремеслами, а евреи – коммерцией "алвер". В центре села были расположены: джами (мечеть), пекарня, баня, кофейня. Тут же находились небольшие лавочки – магазины. Поскольку это был центр села, со всех сторон сюда сходились мужчины пообщаться. Здесь обсуждались все международные и местные события. Делились мнениями. По рассказам старожиллов джами было раньше церковью. Во время османских нашествий церковь не разрушили, а застроили алтарь, чтобы не было видно, что это когда-то была церковь, а роспись на стенах замазали. Надстроили минарет.

Недалеко от джами находилась пекарня. Не помню кому она принадлежала, после советизации она стала общей. Там работал пекарь, который за свои услуги из 10 выпеченных хлебов один брал себе. Там пекли все: хлеб, мчади, пахлаву, кикил, кызартма, тыкву (утверждали, что печеная тыква вкуснее).

Там же была и баня, она была построена в восточном стиле, очень давно. Была сложена из огромных каменных плит. Из дерева была только массивная деревянная дверь. Топилась баня снизу, когда грелась вода, одновременно нагревались каменные плиты пола. Пока вода была горячая, пол был горячим. Одна часть бани была парная, типа современной сауны. В баню приходили не только чтобы помыться, но и вылечиться от простуды. Но самое пикантное назначение бани было в том, что будущие свекрови присматривали здесь невест для

своих сыновей. Если девушка в бане всем понравилась, можно было засылать сватов. То есть в бане устраивались своего рода смотрины. Можно сказать, баня помогала созданию хорошей семьи.

Помимо этой бани на окраине села возле холодного источника была летняя баня. Там лечились от болей в суставах, радикулита, ревматизма. Целебный источник превратили в своеобразный лечебный бассейн. Вода стекала в железные бочки, которые нагревались огнем. Бассейн наполнялся водой нужной температуры. После принятия ванн одной группой людей, воду в бассейне спускали и набирали свежую для новой партии желающих. Сверху и с боков он был оплетен прутьями, в виде шалаша, потому называли его "чубухамами". Эта баня была сезонная – работала, когда позволяла погода.

В 1989 году я в первый раз после высылки попала в Ацкури. Дом моего деда был рядом с джами. А тот, в котором я родилась, напротив бани. После нашей высылки Ацкури изменился, потому я в поисках нашего дома ориентировалась на баню, на джами или на пекарню. Но ни джами, ни пекарни в том виде, который я знала, уже не было. От джами остался только фундамент, огороженный проволоками. А от чудесной и полезной, во всех отношениях, бани был виден только купол и половина двери. Как будто баня вот-вот утонет в грудах каменной принесенных потоками селевой воды.

Пока я сориентировалась, из нескольких домов к нам стали подходить люди с вопросами: "Что вы здесь делаете и что ищите?" Они были не очень доброжелательно настроены, и не было смысла им что-то объяснять. Мы молча сели в машину и поехали к крепости. Там мы взяли горсть земли и кусочек камня от скалы. Я обещала родителям при первой же возможности это сделать и я выполнила свое обещание.

В сторону Ахалцихе, когда едешь из Ацкури, в начале села, вдоль шоссе, находилось кладбище. Это кладбище было ограждено каменной стеной, и дверь всегда была закрыта, чтобы скот не смог зайти. Могилы были ухожены. Пря-

мо у входа были две старые могилы, видимо, они положили начало кладбищу. Они были настолько старые, что даже старожилы не могли объяснить – кто эти два брата Келмеджиэфендилер, и откуда они сюда пришли. Эти могилы считались чудотворными. Они обладали свойством исцелять больных. Если тяжело больного три раза обводили вокруг могил – он исцелялся. Мой папа атеист, коммунист – считал все это выдумкой шарлатанов. Однажды мама взяла мою сестру с собой в "годисбахчалары", ей было пять лет. Ребенок заснул под деревом. Когда проснулась, одна сторона у нее оказалась парализована, и она не смогла сама встать, а потом потеряла сознание. Без чувств ее на руках понесли на кладбище, три раза обнесли вокруг могил. Все были поражены, когда она пришла в себя, открыла глаза, сама встала на ноги и заговорила. Папа видел, какую ее понесли на руках, и какая она пришла домой. Он сказал, что такое в природе может быть.

А вот эту легенду я слышала от старших. Рассказывали, что когда приближался враг, на этом участке дороги, около кладбища, где были эти две могилки, появлялись два всадника на белых конях и преграждали ему путь. Дальше этого места они не могли ни на шаг продвинуться и отступали назад.

Про Аццури говорили, что это ворота Месхети. С какой бы стороны не пришел враг, чтобы продвинуться дальше, должен был пройти эти "ворота" – Клдэ-кари, – а их пройти было невозможно. Люди, которые поселились вокруг крепости, знали, какая ответственность лежит на них, и потому защищали все подступы, чтобы враг не смог проникнуть в село. Очевидцы рассказывали такую историю: стало известно, что враг идет на Аццури. Надо было как-то помочь несшим службу воинам продержаться. Оружия нет, голыми руками дорогу не преградить, зато есть смекалка. Со всего села собрали телеги и выстроили их вдоль дороги. На телеги положили печные трубы, и все это покрыли джеджимами (паласы). Между собой они тихо переговаривались: "Пушки мы укрыли, они не видны, подпустим их поближе и откроем огонь. Заряды у нас есть". То ли это

помогло, то ли враг не был достаточно силен и уверен в себе, но на крепость никто не напал. Сельчане долго вспоминали, как они голыми руками смогли спугнуть врага, гордились своей смекалкой.

ХЕРТВИСИ

Хертвиси находится в Аспиндзском районе. Между гор по глубокому ущелью течет река Кура. Две горные реки Ардаганчай, которая течет из Турции и Ахалкалак-чай, которая течет из Джавахети, сливаются в одно русло у подножья скалы, на которой стоит хертвисская крепость. От шоссеной дороги, которая ведет в Джавахети, перекинут мост на правый берег. Он находится прямо под крепостью. Сразу за мостом начинается село Хертвиси. Дальше эта дорога ведет в пещерный город Вардзию культурный и научный центр того времени.

Крепость Хертвиси, как будто выросла на этой скале, а не создана руками человека. Она создает ощущение мощи, величия и поражает своей уникальной красотой.

Ребенком, когда я смотрела на эту крепость, удивлялась – как смогли построить ее на такой отвесной скале. Вот так и стоит она веками, как недремлющий страж, охраняя мир и покой жителей Месхет-Джавахети.

С крепости, насколько охватывает глаз, вся местность видна как на ладони. Красота, я вам скажу, необыкновенная – эти террасовые сады, эта река, лентой извивающаяся на дне ущелья, эти каменные дома, построенные убанами, в которых жители проводили зимние и осенние холодные месяцы, уместились на крошечных клочках земли у подножья крепости.

Хертвиси раньше принадлежала нескольким князьям (тавади) и азнаурам, у каждого было свое имение. Батраки жили отдельно, их дома очень отличались от домов богатых соседей. Мне запомнились фамилии Вачнадзе, Тутадзе, Абашидзе, Бакрадзе, Абуладзе. У каждого был свой убан, хорошо помню названия: Накалакеви, Куарша, Эшмакубани, Ташликышла (на-

звание этого убана говорит о том, что там кроме камней ничего не было).

Во времена насаждения мусульманства некоторые из князей навсегда покинули Хертвиси и стали жить там, куда их занесла судьба. Среди обладателей этих фамилий – как христиане, так и мусульмане. Хертвиси подвергалась нашествиям и до, и после насаждения мусульманства. Несколько раз она была сожжена и разрушена. Возвращались те, чьи дома оставались уцелевшими. Хертвисцы утверждают, что все, будь то христиане или мусульмане, они между собой "ганакопи" – родственники. Еще одной причиной, я так думаю, которая была не в пользу возвращения, были частые землетрясения и сели, потоки которых приносили множество камней. Но умные жители, которые не хотели покинуть свою землю, использовали эти камни для строительства домов и террас. Зрелище, правда, было не для слабонервных. Во время землетрясения, словно с неба, вместо дождя и снега сыпались камни, обрушиваясь со всей силой на сады и дома. А сели во время дождей шли с гор со стороны Турции. Они текли, смывая на своем пути сады и снося дома. Все это попадало в Куру, от этого она еще больше пенилась. Вода билась о камни, и без того шумная река шумела еще громче. Все это сели и землетрясения усложняли и без того нелегкую жизнь сельчан.

Скала на левом берегу спускалась до самой реки. Ни клочка полезной земли, ни кусочка ровного места здесь не было.

Когда стоишь у крепости, это очень хорошо видно. Кажется, что весь левый берег – это широкие ступени, застланные зеленым пушистым ковром, ведущим к вершине. Так красиво смотрелись террасовые сады. Чтобы выжить люди максимально приспособились и к климату, и к местности, и к природным стихиям.

Вдоль всей реки, начиная со дна ущелья, постепенно по склону вручную подносились камни. Строились стены, потом так же вручную таскали сюда землю и насыпали террасы. Сады по склону поднимались все выше и выше, террасы за терра-

сой, на которых аккуратными рядами росли виноградная лоза и фруктовые деревья. Из фруктовых деревьев здесь росли в основном орехи, белая крупная и очень сладкая тута, вишня, черешня, яблони и груши, разных сортов. Стволы деревьев утопали в пушистой зеленой траве. Посредине террас с нижней до самой верхней, были выложены узкие каменные ступени. На самой верхней террасе у всех были почти одинаковые летние дома-дачи. Весь сезон, с того момента как начиналось потепление, жители села из зимних домов переходили в летние.

Хорошо была придумана система орошения. С того места, где река течет выше деревни, сверху был проведен канал шириной примерно в один метр. Он орошал все сады. Кроме того, перед каждым домом постоянно текла чистая, прозрачная вода. К каждому дому, через канаву, был перекинут узенький мостик. Когда мне было пять лет, мы с мамой поехали в Хертвиси к бабушке. Переходя через такой мостик, я упала в воду, меня-то сразу выловили, но страху я натерпелась, – на всю жизнь хватило.

Глубокой осенью сельчане возвращались в Хертвиси. Поблизости лесов не было, на скалистых склонах рос только кустарник, поэтому жители дрова покупали. Но самым надежным, можно сказать, бесплатным топливом был кизяк. Из навоза животных, смешивая его с соломой, делали кирпичики и складывали на солнце. Высохший кизяк складывали под навес. За лето заготавливали столько, что хватало на всю зиму.

Конечно же, в Хертвиси, как везде и всегда, были бедные и богатые, которые отличались друг от друга и по домам, и по одежде. Батраки-мужчины носили чоха-архалух из черной домотканой шерстяной ткани. Под ним были сорочка (булуз), пиджак и брюки. На ногах купленные туфли или чарух. Богатые мужчины-князья и азнауры носили ту же чоха-архалух, но из дорогой ткани. Обязательным атрибутом мужского туалета был кинжал в серебряных ножнах, который висел на серебряном поясе. В нагрудном кармане были серебряные или золотые часы с четырьмя или тремя крышками.

Женщины одевались со вкусом. У богатых одежда была из дорогих тканей, у бедных из сатина. В основном носили длинные юбки и блузки с рюшиками из тонкого бархата, шелка, шерсти. Молодые носили пеструю одежду светлых тонов. Пожилые – темно-зеленый, темно-синий, бордовые цвета. На голову одевали летом шелковые платки, а зимой шерстяные с цветочками. Одежду черного цвета женщины вообще не носили. Замужние женщины одевали на голову катха, расшитый золотом и жемчугом. На катху нашивали по низу золотые монеты (пипанури), одевали лечак из белой тюли, а сверху шерстяной или шелковый платок. Этот платок назывался "тавшал".

На талиях у женщин были широкие серебряные или золотые пояса, украшенные драгоценными или полудрагоценными камнями, в зависимости от того, из богатой или из бедной семьи была женщина. Кроме этого носили золотые браслеты с камнями, серьги, кольца, манисты из золотых монет, читха (это золотое широкое украшение носилось на горле, тонкие ажурные звенья были нанизаны на золотую или серебряную нить). Эти украшения женщины получали от женихов в качестве свадебного подарка или имели в своем приданном из родительского дома. Давать большое приданное было принято только в Хертвиси, наверное, потому что там семьи были зажиточные. Особенно красиво и нарядно женщины одевались на свадьбах или каких-либо торжествах.

Они пользовались косметикой, которую готовили сами: айник – крем, киршан – пудра, сурьма – на глаза и брови, хна – для окраски волос, а на свадьбах на пальцы.

В каждом доме имелись ковры, килимы, хорошая постель, посуда – медная и фарфоровая – это считалось обязательным. У богатых были резная, арабская мебель из черного дерева, сделанная из шимшира (так называлось дерево), красивые сервизы из тонкого фарфора, всякая серебряная посуда и ложки.

Чем они занимались? На что жили? Земли было мало. Часть ее использовали под пшеницу и ячмень. В основном,

пшеницу докупали. Кукурузу и не сеяли, и не ели.

Основными занятиями жителей Хертвиси были животноводство, пчеловодство и садоводство. От животноводства они имели большой доход. Из мясных продуктов делались заготовки в больших количествах, так что хватало и для продажи, и для себя. Из молока делали сыр и масло. Из говядины делали вкусную бастурму и суджук (домашняя колбаса). Кроме крупного рогатого скота держали и овец. Их разведение было самым выгодным занятием, так как использовалось все – и шерсть, и молоко, и мясо. Из молока готовили вкусный овечий сыр (гуда), из мяса делали каурму, которую можно было есть всю зиму. Хранили ее в глиняных горшках. А из шерсти ткали ковры, джеджимы, хурджины, которые очень ценились. Вязали жакеты, носки, теплые вещи.

Немалую пользу получали и от пчел. Хватало и на продажу и для домашнего потребления, продукты пчеловодства использовали для приготовления некоторых лекарств, мазей.

Большую часть дохода получали от садов. Такой туты, как в Хертвиси больше нигде не было – крупная, белая, сладкая – она славилась далеко за ее пределами. Из туты и орехов делали чурчхелу. Крупную туту сушили на специальных паласах. Получался такой вкусный сухофрукт, который не уступают кишмишу (изюму).

Сладкую, спелую туту выжимали, сок варили пока не получится тягучая густая масса – ее называли бэкмэз.

Сок туты использовали еще для изготовления пастилы (тклапи) – добавляли в него пшеничную муку и варили. Получался кисель. Его тонким слоем наносили на бязь. Специально для этого они имели двух-трехметровые куски бязи. Их они расстилали на крышах домов. В течение двух-трех дней пастила высыхала, а бязь стирали и оставляли до следующего года.

В каждом доме было по пятьдесят, а то и больше, джеджимов (паласов), которые ткали сами. Они использовались когда надо было трусить туту. От ствола дерева по окружности расстилали на траве джеджимы. Так тута не пачкалась и не

терялась. Джеджимы, так же стирались в канавах и сушились до следующего сезона.

Осенью начинали вывозить на продажу все, что заготовили. Взамен покупали пшеницу, обеспечивая себя хлебом на всю зиму.

Ни дорог нормальных, ни машин не было. Лошади и арба (уреми) были главным средством перевозки. Их имела каждая семья: Для небольших грузов использовали специально сплетенные большие корзины и хурджины, которые укреплялись на седлах вьючных лошадей.

В Месхети в разговоре между собой жители Адигенский район называли Коблиани. А в Коблиани было село Адигени. Туда возили чурчхелы, пастилу, сушенную туту. Там туту не росла. Привезенные продукты меняли на пшеницу. До революции месхи свою продукцию вывозили даже в Турцию. Возвращаясь, покупали обновки всем членам семьи. Итак, из года в год, на протяжении всей жизни не прерывался однажды введенный порядок работ и обязанностей.

Лето было самым трудоемким, потому что было тепло и дни были длинные. Только успевай звено за звеном выполнять длинную цепь работ. Кроме работ в саду и заготовок из фруктов, женщины успевали вымыть шерсть, которую состригали весной с овец. А когда уже наступали холода, из заготовленной шерсти они шили стеганные пушистые, теплые одеяла и толстые матрасы, часть для дома, а часть для приданого дочерям. Славилась хертвисцы своим умением ткать ковровые изделия. По гамме цветов, по красоте и оригинальности они не уступали знаменитым персидским коврам. Кроме ковров, ткали они джеджимы (паласы), килимы, хурджины. Вся женская половина семьи была задействована в этой работе. Работа была распределена так, что каждый мог внести свою лепту в общее дело: шерсть расчесывали, пряли, красили натуральными красками заготовленными летом, ткали.

Для выполнения всей этой работы в каждом доме были свои специальные приспособления. На чем ковры ткали, называли дазга. Обычно, чтобы работалось веселей и незаметно, женщины договаривались и устраивали "имэджи". В один день они все собирались в один дом и ткали для этого дома, на другой день собирались в другом доме и выполняли работу уже в том доме. Это устраивало всех, и дело делалось, и работа не только не мешала, но и помогала им общаться друг с другом. Каждая приводила с собой своих детей. Будучи ребенком, я ничего необычного в этом не видела, разве только запомнилось, как они рассказывали разные истории, перемывали косточки попавшим на их острый язычок, вспоминали смешные истории. Там всегда было весело. Только повзрослев, я поняла, какой кропотливый и нелегкий труд выпал на их долю, ни одну минуту своей жизни они не проживали зря. Собственными руками создали в таких суровых природных условиях все необходимое для жизни, и все делали жизнерадостно, талантливо, умело, с большим трудолюбием. Дети, выросшие в такой среде, не могли быть бездельниками, лентяями, злыми, подлыми. Они знали цену того, чем обладали, потому что ничего не приходило даром. Мне приятно, что мои предки были такими талантливыми.

В Хертвиси зима бывала долгая, холодная, снежная, потому для скота должно было быть заготовлено много корма задолго до зимы. Этим занимались мужчины, они же обеспечивали семью рыбой. Она была одним из богатых даров природы. Секрет удачного лова знали не все.

По течению реки, на определенных местах, осенью в воде делали колодцы из камней и прутьев. Они назывались очхэ. Это практиковалось по всей Месхети. Эти колодцы, когда наполнялись рыбой, открывались. Секрет видимо состоял в том, что рыба, спасаясь от холода забивалась сквозь камни в колодец, и там застревала. Таким образом, у месхов всю зиму была свежая рыба. Водилась очень вкусная рыба разных пород: мурца, лурджа, цоцхали, форель и храмули. Рыбу ели исключи-

тельно в отварном виде, месхи ее не жарили.

В конце XVIII, в начале XIX веков многие месхи утратили свои грузинские фамилии.

У моего прадедушки, Орджоникидзе, было четыре сына и две дочери. Третьим, предпоследним сыном был мой дедушка Шахпандар. По отцу он был Орджоникидзе, а по матери Сагинашвили.

Моя прабабушка (мать моей бабушки) Наиле – ее девичья фамилия Вачнадзе, по мужу была Бакрадзе. Она прожила более 100 лет. У нее было четыре дочери и один сын. Моя бабушка была самая младшая. Кроме нее все были долгожителями. Они умерли уже в ссылке: старшая в Джуме, Бухарской области, двое других в Алимкенте, Ташкентской области, дожив до 90 и 95 лет. Несмотря на такой возраст моя прабабушка ни минуты не сидела без дела, по дому она все делала сама. Она не пользовалась очками. У нее сохранились свои зубы. Я хорошо это помню.

У прадедушки Дурсуна Орджоникидзе было земли немного, но он не одного из сыновей не обделил. Когда мой дедушка Шахпандар женился на моей бабушке Мехтебер, он тоже получил свой надел. От отца своего он унаследовал умение выращивать табак и использовал его на своем участке.

Дедушка и бабушка мои по отцу были уроженцами села Ацкури, оба родились во второй половине XVIII века. Бабушка была из зажиточной семьи крестьянина из рода Бакрадзе. Родители ее в свое время переехали в Ацкури из села Хертвиси Аспиндзского района. Всего у них было четыре дочери и один сын – моя бабушка была самой младшей. Муж (мой дед) очень ее любил. Вообще дед мой был необыкновенно теплым, заботливым и любящим. Очень любил своих детей и нас, внуков. Несмотря на безграничную любовь ко всем нам он нас никогда не баловал, учил жить в добре и мире.

Выращивание табака – это неизменно кропотливый труд. Его умение вкладывать душу в свой труд вознаграждалось сторицей, семья жила без нужды, в среднем достатке. Внача-

ле ему помогала бабушка, потом подросли дети. После смерти матери, мальчики помогали отцу в выращивании табака, помогали мачехе по хозяйству в уходе за скотом. Мечта деда была дать детям образование, но учеба не освобождала детей от обязанностей по хозяйству. Каждый добросовестно выполнял возложенное на него дело. После рождения четвертого сына бабушка (первая жена деда) долго болела. Куда только он не возил ее – и к врачам, и к лекарям, и к знахарям – все было бесполезно. Последней попыткой спасти ее была поездка в Боржоми. Там, в Боржомском парке они сфотографировались с младшим сыном. Он был очень маленький и ни с кем не оставался, потому она взяла его с собой. Моему папе было восемь лет, когда умерла моя бабушка, он был старшим из сыновей, младшему было два года. В память от бабушки и дедушки осталась только эта одна единственная фотография, чудом сохранилась и дошла до нас. Могилы их потерялись, ни одному из сыновей не удалось их найти.

Дед долго не мог забыть жену. Когда она умерла, ей было 28 лет. Деду было больше тридцати. После смерти жены он сам заботился о детях, стал им и отцом, и матерью. Хотя ему было очень трудно, он даже и мысли не допускал о новой женитьбе. Недалеко от них жили сестры жены, теща. Иногда, когда одному было не справиться, только к ним он обращался за помощью. Они никогда не отказывали ему в помощи, с любовью заботились о мальчиках. Горе сломило моего деда. Родственники стали замечать, как он тайком плачет. С четырьмя мальчиками справилась бы не каждая полноценная семья. В доме не хватало женских рук. После долгих уговоров и убеждений, мой дед согласился заново жениться.

В выборе второй жены помогали друзья и родственники. Ему нашли красивую, богатую невесту из состоятельной семьи Вачнадзе из села Хертвиси, Аспиндзского района.

Отца у невесты не было, он умер. Мать осталась одна с пятью дочерьми. Двоих старших она выдала замуж там же, в Хертвиси. Новая жена деда была средней из дочерей. Оттого что семья была богата, а девочки одна красивее другой, мать

боялась, чтобы их не похитили. Когда посватались, она, не задумываясь, отдала восемнадцатилетнюю дочь за вдовца с четырьмя детьми. Ацкурские женщины, увидев несколько фазтонов и два фургона с приданным, решили, что невеста уродина. Потом, когда увидели ее – красивую, высокую, стройную, с длинными черными косами и, к тому же, молодую, все в один голос стали посылать в адрес ее родителей не очень приятные высказывания, и сделали заключение: "Натерпится она с его сиротами".

Вопреки их ожиданиям, молодая жена мужественно взвалила на свои плечи воспитание и уход за детьми и хозяйством. От второго брака у дедушки родились четыре дочери и один сын. Две девочки умерли в маленьком возрасте, и остались у него от второго брака трое. В общей сложности было семь детей. Как в свое время его отец, так и мой дед, изо всех сил старался дать им хорошее образование и воспитание. Не знаю, как у других народов, но наш народ всегда стремился дать своим детям образование. Даже побывавшие в ссылке, с отметкой спецпереселенцев в паспортах, они умудрились выучить своих детей в медицинских, юридических и педагогических вузах. Дед мой успел дать образование только шестерым. Седьмому было 14 лет, когда нас выслали и уже в ссылке, оставшись без отца, он сам выучился специальности бондаря и в совхозе "Булунгур" устроился на работу на винзаводе. У него были "золотые руки". Он делал прекрасные чаны и бочки для вина. Когда моему папе было 19 лет, бабушка уговорила своего мужа и свою мать женить его на своей младшей сестре, т.е. на моей маме. Ей было тогда 13 лет.

Дед мой Шахпандар Орджоникидзе был прекрасным рассказчиком. От него первого мы услышали историю нашего происхождения. Рассказывая, он просил хорошо все запомнить и передать дальше своим детям, внукам, чтобы не прерывалась нить от поколения к поколению, чтобы не оборвалась связь с прошлым. От него мы узнали, что нашими предками были грузины-христиане; как получилось, что мы стали мусульма-

нами, почему, будучи грузинами, разговариваем на турецком, и многое другое из прошлого нашего народа. Он так интересно обо всем рассказывал, что мы, дети, оставив свои игры, часами с открытыми ртами слушали его и с нетерпением ждали, когда он в следующий раз соберет нас, чтобы рассказать что-нибудь. От воспоминаний он переходил к рассказам, сказкам, легендам, притчам, невероятным историям. Все, что я знаю, в большинстве своем я слышала от деда и, по его просьбе, рассказываю уже своим детям и внукам. Он был трудолюбивым, всегда, во время общения с нами он что-то делал, его руки постоянно были заняты делом. У него был удивительный дар совмещать полезное с приятным.

У деда Шахпандара было три брата и две сестры. Все они с семьями жили в Ацкури. Только одну сестру родители выдали замуж в Турцию. Там она жила в Чоруме и часто приезжала к родителям в Ацкури погостить. Границы с Турцией тогда были открытыми и можно было свободно переезжать туда и обратно. Однажды, приехав, она застряла почти на полгода из-за начавшейся тогда русско-турецкой войны. Она очень переживала за своих сыновей – Мустафу и Абдурахмана, им было одному 17, другому 19 лет. Папа мой был тогда подростком 12-13 лет. В последствии он вспоминал, как она просила его написать им письмо под диктовку. Ему запомнился адрес на конверте, потому что он был необычным:

Türkiye vilayati
Gorun kasabaci, Jürcü mahallede
Jürcü mustafaya çataçag

Она не теряла надежды получить хоть какое-то известие о сыновьях. Папа так часто писал им письма, что на всю жизнь ему этот адрес запомнился. Надпись на конверте, что письмо должно дойти до грузина Мустафы, который живет в Турции в местечке Чорум, в грузинском убани, само собой говорит, что мы еще не так давно (это времена русско-турецкой войны) были грузинами. Мы не из Турции попали сюда, а отсюда, выходя замуж или женившись, попадали в Турцию. Попавшие волею

судьбы в Турцию, месхи-мусульмане селились компактно, и свои кварталы называли грузинскими. Как ни странно им там не запрещали это. Несмотря на то, что они были мусульманами и говорили на турецком, они не слились с местным населением, никто их не принуждал к этому. А у нас в Грузии, никто ни о чем нас не спрашивал, как будто между прочим в графе национальность в паспорте записывали – мусульманин, потом турок, потом азербайджанец. В школу приглашали учителей из Азербайджана. В неделю лишь три-четыре часа было отведено грузинскому языку. Мужчины-преподаватели на урок вообще не заходили – они общались с коллегами, курили, а дети резвились во дворе. А если предмет вела женщина, мы занимались своими делами, а она доставала или вязание, или штопала носки. Вот и учись, как хочешь грузинскому. Слава богу, соседи научили разговорному языку.

Когда выселяли, выслали как турок, в списках так указывалось. А после, когда попали в Среднюю Азию, вообще невозможно было определить – кто мы? Кто в какой республике как хотел, как нас воспринимал, так и писал. Детям, попавшим в детдом, национальность присваивалась от названия республики, в которой находился этот детдом. Детям, которые родились в ссылке, в метриках писали – Кавказ – в лучшем случае, а в худшем, опять же, от названия республики. Высланный отсюда из Грузии, народ разбросали по всей Средней Азии. Потом, когда сняли строгий режим и родственники начали искать и находить друг друга, получалась – неразбериха с детьми: в одной семье дети могли быть и узбеками, и казаками, и киргизами, и турками и т.д. Сколько республик прошли члены семьи, в семье столько национальностей было собрано. Мы уже не знаем, что отвечать, когда у нас спрашивают – кто вы по национальности, потому что наш ответ не будет соответствовать записи в паспорте, а потом иди и доказывай, что ты не верблюд!

В Азербайджане нас называют турками – наверное, потому что язык отличается от ихнего. В Средней Азии – "казакцами" – видимо, потому что нас привезли к ним с Кавказа.

В России – турками, потому что в списках высылки были мы так зарегистрированы, а в Грузии – "татарами", а потом вообще придумали несуществующую национальность – "турки-месхи", и с этим клеймом народ болтается между небом и землей вот уже шестьдесят лет. Когда обыватели, обычные люди, простой народ не знает кто мы такие – не удивительно и не обидно, ведь правильной информации о нас практически нигде нет, а компания против возвращения месхов на свои исторические земли развернулась серьезная.

Один господин Шарадзе чего стоит. В своих неоднократных выступлениях он не раз подчеркивал одной из главных причин не признавать месхов и не дать им возможности вернуться в Грузию называл то, что они не знают, не сохранили как ферейданцы, ингило свой грузинский язык. Столько языков, сколько знаем мы, ему и не снилось. Лично я знаю семь языков в совершенстве, но национальность у меня одна. Язык можно выучить, я думаю главное отличие и достояние той или другой нации – менталитет народа. Истинная любовь к своей земле. Мы не космополиты, но нас вынуждают стать ими. Где нас расселили, нам там после снятия режима спецпереселенцев было неплохо, но ностальгия, эти воспоминания наших стариков о природе, воде, воздухе, земле родимого края не давали угаснуть желанию вернуться в Грузию. Мы не хотим, чтобы наши дети стали космополитами, имея свою Родину, которую они ни разу не видели, но любят не менее тех, кто ее помнит. Почему они должны быть разбросанными по всей планете, тем более, что вот уже 60 лет они стучатся во все двери, чтобы их пустили в Грузию. Это ли не доказательство, что они считают себя грузинами? Они мечтают, что когда-нибудь им удастся собраться всем в одном месте, на их многострадальной исторической Родине и своими трудолюбивыми руками, которые подняли хозяйство Средней Азии после войны, превратили солончаки Азербайджана в плодородные земли, свой желанный, любимый край превратят, на зависть врагам, в самый красивый, уютный, спокойный уголок на земле и Родина будет ими гордиться. А язык?! Об этом не беспокойтесь, господин

Шарадзе, были бы хорошие учителя, за ними дело не встанет! Смогли же они выучить языки тех республик, в которую попали. Грузинский язык спит в их сознании, надо только разбудить. Так давайте же помогать им в этом, а не забрасывать камнями и отворачиваться. Они не потеряли свой национальный характер. Легче всего обвинять, если бы хотели искренно помочь, нашли бы возможность это сделать.

Удивительно! Уже давно доказано, что произошла ошибка, весь народ в 1956 году реабилитирован, а в Грузии некоторые историки, политики, ученые типа Шарадзе, демонстрируя свою политическую безграмотность, продолжают сомневаться и делать вид, что они пока не смогли установить, кто же были мехи-мусульмане и предлагают немного повременить, пока они все выяснят. Создается впечатление, что ошибка, которая произошла 15 ноября 1944 года, некоторым на руку. Народ, ждавший столько еще бы подождал, если бы не один очень значительный момент: Если по прошествии 60 лет все так удалось запутать, что этот вопрос не могут поставить с ног на голову, что же будет, когда пройдет еще несколько лет или десятилетий?

Мудрый наш народ, как чистый горный источник, который сколько бы его не заваливали камнями, найдет выход, не надеясь в скором времени восстановить справедливость, находит выход.

Мои сородичи своими устными рассказами из поколения в поколение передают как эстафету своим детям: мы грузины, а не турки, наши предки были грузинами-христианами, и испокон веков жили в Грузии, в Месхети. Рассказывают тем, кто хочет все это знать и никогда не забудет, как не забывают мать, и не потеряет по дороге жизни ни одно слово из услышанного. Рассказывают тем, кто заинтересован узнать – откуда идут эти беды, свалившиеся на голову нашего многострадального народа. Рассказывают в надежде на то, что может быть им удастся хоть на шаг приблизить свой народ к родной земле на длинной, неимоверно трудной дороге возвращения. Я, следуя традиции старших поколений, в своих воспоминаниях пишу все

то, что услышала от них, добавив к рассказам тот отрезок пути, который вместе с моим народом прошла уже и я. Пишу опять же с надеждой, что крик моей души хоть кого-то заставит остановиться в бесконечном движении жизни и прислушаться, а может быть и протянуть руку помощи, как протянули руку помощи нашим детям истинные грузины – патриоты своего народа, которые открыли адаптационный центр в Глдани, создали там школу, общежитие. Очень много сделали для месхоты покойный профессор Гурам Мамулия, Александра Тевзадзе, историк Шота Ломсадзе. Наира Гелашвили стала крестной матерью чудом приехавшим в Грузию месхам. Она открыла для них двери "Кавказского дома" и своего собственного дома. Со всеми своими проблемами месхи в любое время суток обращались и обращаются туда, зная, что там верные, истинные друзья, которые обязательно помогут. К сожалению, проблем много, а друзей мало, дай бог им здоровья!!!

Моя прабабушка была из села Каратубани, Адигенского района, из семьи Эристави. Ее выдали замуж в Леловани, в семью Центрадзе. У нее родилось четыре сына и одна дочь. Вот эта дочь и стала моей бабушкой – Сойбэ-нэнэ. Когда подрос мой будущий дедушка Сулейман Вачнадзе, в селе Хертвиси, его кирва (крестный отец) – Башхи-бек Мачабели из Адигенского района, в селе Леловани, приглядел ему в жены мою бабушку, Сойбе Центрадзе. Братья не хотели отдавать единственную сестру замуж так далеко из Адигенского района в Аспиндзский район в село Хертвиси, но Мачабели выставил серьезный аргумент: "А за кого вы можете ее здесь выдать? Мы, азнауры, должны родниться в своей среде, а здесь достойного ей жениха нет!" – и братья согласились. Так моя бабушка попала в Хертвиси.

Половина села Леловани принадлежала роду Центрадзе – скот, луга, обширные поля, на берегу реки чудесные сады, несколько мельниц, лесопильный завод. У одного из четырех братьев была близ Баку даже нефтяная вышка. Завистники отравили его, подсыпав в туфлю ртуть.

Отец мамы (мой дедушка) Сулейман из рода Вачнадзе, – коренной хертвисец. У его родственников-"ганакопи", которые живут в Кировабаде, и по сей день сохранилась эта фамилия. Дедушка был очень богатым. У него были пять мельниц, полсе-ла было в его владении – сады, пастбища, яйла (кочевка), несколько сотен крупного рогатого и мелкого скота – овец, коз. За всем этим ухаживали работники (нокэр) и работницы (джарья). Из крупного рогатого скота осенью делали бастурму и суджук, а продавать их в Турцию, в Россию, по Грузии везли дедушка с помощниками. Шкуры сушили и из них выкраивали полосы для чарухи, которые тоже давали немалый доход. Однажды, когда дед после продажи возвращался домой, он простудился. В этот год зима была очень холодная и суровая.

Увидеть дедушку Сулеймана мне не посчастливилось. Он умер, когда моей маме еще не было восьми лет. Бабушку я застала. В последний раз я ее видела, когда мне было шесть лет. Очень смутно помню ее беленькое лицо с черной родинкой на щеке. Мама моя очень любила их и нам, детям, часто рассказывала о них. Хорошо понимать я ее стала уже в зрелом возрасте. Отца она, как я уже написала, потеряла рано, и родственников не часто могла видеть, потому что они жили далеко. Когда она начинала об этом рассказывать, вспоминала детство, и плакала. Слезы как будто успокаивали ее.

Между мамой и ее младшей сестрой получился большой перерыв и мама долгое время считалась младшей в семье. Отец ее любил больше всех детей. Даже когда родилась последняя девочка, мама оставалась любимицей.

Когда дедушка простудился, болезнь его затянулась до весны. Весной все пошли в свои летние дома собирать первую туту. Был ясный солнечный день, ничто не предвещало беды. Все "ганакопи" вышли на свои террасы. Расстелили джеджи-мы под тутой, взобрались на дерево, чтобы начать трусить. Хотя мама и была маленькая, но эта картина запомнилась ей до мелочей.

Неожиданно начался дождь и вокруг сразу потемнело.

Дождь постепенно перешел в крупный град. Опомниться не успели, как вдруг на наш джеджим, рассказывала мама, свалился квадратный кусок льда, как будто два кирпича слепились, такого размера. Моя тетя схватилась за голову и запричитала, что это не к добру, это знак несчастья. В тот год была эпидемия тифа, которая унесла много жизней в Хертвиси. С этого месяца до конца года в нашем роду умерли 10 человек: от тифа. У моей мамы было четыре сестры и два брата. Один брат умер от тифа в возрасте 20 лет, а второй умер в тот злополучный год вместе с отцом. Он поехал привезти свою мать от родителей из Леловани, а по дороге простудился. Таким образом, в тот год моя бабушка потеряла и сына, и мужа. Дедушка в этом печальном списке умерших в этот год, был одиннадцатым. Мамам со слезами говорила: "Если бы я его так рано не потеряла, кто-нибудь посмел бы меня так рано выдать замуж? Я была его любимицей. Когда он возвращался домой из поездок, только мне и маме привозил особые подарки".

После смерти дедушки приехали из Чилдыра кирва и предложили бабушке помочь в уходе за скотом. Они забрали скот в Чилдыр, вместе со своим скотом выгоняли на пастбища (яйла), делали из мяса нашего скота для нас и на продажу бастурму, суджук, масло, сыр, каурму. До самой советизации они добросовестно выполняли свое обещание. Бабушка ни в чем не нуждалась. Она всех детей выучила в духовной школе в с. Хертвиси. Мама рассказывала, что даже после смерти отца они жили так, как при нем, разве только тоска по нем была всегда.

После смерти отца опекунство над девочками взял "ганакопи" Халисбек Вачнадзе, который был приставом. Маму, несмотря на маленький возраст, выдали замуж потому, что ее несколько раз похищали. Последний раз уже еле смогли отбить ее из рук похитителей. Сознывая, что в очередной раз может не успеть отбить девочку, опекун дал согласие выдать ее замуж. Так получилось, что родная сестра моей мамы, в свое время вышедшая замуж за вдовца, женила своего стар-

шего пасынка на младшей своей сестре.

Семья деда, Шахпандара, которая жила в Аццури, так не маленькая, стала разрастаться. Маленький надел земли не мог прокормить всех и дед стал арендовать землю. Часть земли засеивал табаком, часть другими овощами. К этому времени дети уже подросли и стали ему помогать: выращивали табак, ухаживали за "бостани". Дед Шахпандар никому не доверял собирать и нанизывать табачные листья на нитку. Сам развешивал для сушки. А разделку, самую кульминацию процесса, всю зиму делал сам на станке. К тому времени дед смог приобрести магазин в Ахалцихе. Готовый к употреблению табак отправлял туда в магазины. Таким образом, он круглый год был занят работой. Разумеется, свои детям он желал лучшей доли потому и стремился дать им хорошее образование. Дети выросли, выучились, обзавелись семьями. После рождения моей старшей сестры Пикрии, он отделил папу и к моему рождению у нас был уже свой дом.

Постепенно все дети стали жить отдельно. На тот момент, когда нас выселяли, с дедом оставались жить двое младших детей: 19-летняя дочь Рэмзия и 14-летний сын Тофик.

Когда я еще училась в школе, на каждые каникулы мама меня из Адигени посылала в Аццури к деду. Я эти каникулы, проведенные с дедом очень любила. Потом, когда я уже закончила учебу и работала, дед приезжал к нам в гости. Я как праздник ждала его приезда. Однажды, это было за неделю до нашей высылки, я увидела странный сон. Наш дом в Адигени стоит на склоне, до самой шоссеиной дороги растут цветы и зеленая травка, расстелена как ковер. Я стою на балконе дома и вижу, как на грузовике приехал дед с дочкой Рэмзией. Сердце переполняет радость, хочется полететь к ним, чтобы ускорить встречу. И вдруг вижу, как небо разверзлось и из отверстия вниз на землю толстой густой струей льется сгущенное молоко. Оно льется и льется, постепенно заполняя дорогу, на которой стоят дед с Рэмзией. Масса постепенно поглощает пока

их ноги, потом доходит до пояса, вот уже плечи закрыла у деда, а потом его всего поглотила, Рэмзия пока была видна, но эта тягучая масса поглотила через некоторое время и ее. Я этот сон рассказала маме, а мама сделала вывод: "Над их головой какая-то невидимая беда, как бы с ними не случилось чего-то плохого". Так оно и получилось. Когда нас выслали, дед через две недели по прибытию в Среднюю Азию умер от тоски и безысходности, а дочь Рэмзия через неделю после родов сгорела при пожаре.

И еще один мой сон. Я вижу, как мы получили откуда-то посылку. В ней лежит каждому по паре туфель, а в каждой паре, и в левой, и в правой туфле лежит по одной катушке черных ниток. Я вышла почему-то на балкон и вижу, что по нашей реке Коблиан-чай, вниз по течению, плывут луковицы, которые покрыли воду так, что реки не видно. Мама расшифровала этот сон так: "Лук – это горечь, слезы. Значит что-то такое произойдет, что слезы будут течь как река. Туфли – это трудности, черная нитка – скорая дорога. Значит, скоро у нас будет трудная и длинная дорога. Она связала эти сны воедино и сказала: "Неужели с дедом и Рэмзией что-то нехорошее случится, и мы со слезами поедим к ним в Аццури".

Но когда через неделю нас посадили на машины, мама с горечью сказала: "Вот и сбылись твои сны про дорогу. Спаси бог деда и Рэмзию от беды".

Это небольшое отступление от темы, как говорится, информация к размышлению.

После советизации Грузии дед вместе со всеми вступил в колхоз. Землю отобрали, магазины закрылись, что может быть хуже этого для человека, своими руками создавшего все, но он не сломался. Труд он любил и с новой силой начал трудиться в колхозе вместе с женой. Снова что-то нажил и жизнь потекла по-прежнему. Трудности его не сломили, он отличался крепким здоровьем. Главное, что любимые дети были рядом, они были смыслом всей его нелегкой жизни. Но этого человека как будто преследовал рок. На этот раз судьба приготовила

ему новое испытание – высылку.

Когда нас вразброс по 40-45 человек сажали в вагоны, он попал в другой вагон, отдельно от детей. Его семья попала в дальний кишлак, где кроме них никого не поселили. Когда папа мой нашел их, дед неделю как умер, и бабушка рассказала, как он выходил из кишлака, оглядывал местность – вокруг ни дороги, ни села, ни почты, ни магазина – заброшенный и забытый богом и всеми на земле угол. Постояв, возвращался назад, садился, обхватив голову руками, и только можно было услышать один и тот же возглас: "Ай, вай-хай!" Он очень переживал, что нет возможности узнать что-либо о детях. В первые дни режим был очень строгим, дальше трех километров отдаляться от места поселения без разрешения коменданта не разрешалось. Этот крепкий человек сломался.

На двенадцатый день по прибытию в этот кишлак, у него от горя и безысходности разорвалось сердце. Двое его детей и жена выкопали могилу перед кибиткой, где они жили, и похоронили его. Вскоре после его смерти комендант перевел их в другой кишлак, а когда их нашел мой отец, они не смогли найти место, где похоронили деда. Сыновья, вернувшиеся с фронта, долго и бесполезно искали могилу своего отца, но не нашли..

По-разному сложились судьбы его детей. Старший сын – Муаддин – мой папа, работал до войны судьей, имел бронь и был оставлен в Адигени. В районе в годы войны был создан истребительный батальон. Отец был комиссаром этого батальона. "В награду" за работу в тылу, его выслали вместе со всеми. Попали мы в Ташкентскую область, Букинский район.

Второй сын – Аладдин – был арестован в 1937 году. До ареста он работал директором педагогического техникума в Ахалцихе. Его свояк (брат жены) был вторым секретарем райкома партии. Пока арестовали свояка, а потом арестовали и его, из-за того, что он был в родственных с ним отношениях. Дома осталась молодая жена с полуторагодовалой дочкой Балаш. После ареста дяди Аладдина, они жили с дедушкой, а потом его жена Расима-ханым с дочкой переехала к своим братьям в село Толоши, Аспиндзского района. Вместе с ними

она была выслана в Казахстан, Меркенский район. О дяде Аладдине долго никто ничего не знал. Дочь выросла, закончила медицинский институт и все время неустанно искала отца. От нее мы узнали, что она не напрасно писала во все инстанции, где могли что-то знать о судьбе ее отца. Ей удалось все-таки найти сведения о нем. Арестованных этапом отправили на строительство Беломорканала. Еще до ареста, он сильно болел и его забрали прямо из постели, больного. Когда доехали до места, он уже еле стоял на ногах. Арестованных не лечили. Посмертно его реабилитировали.

Третий сын – Ниусраддин – до войны закончил ветеринарный институт. В начале войны пошел на фронт военврачом. Когда всех выселяли, он был на фронте и участь спецпереселения его миновала.

Четвертый сын – Али – вернулся с фронта инвалидом в начале 1944 года. Тогда у него уже была своя семья. С женой и двумя сыновьями он попал в Самаркандскую область, Булуингурский район.

Дочь Йедия с двумя детьми нашлась в 1946 году в Аккурганском районе.

Младший сын, Топфик, повзрослел уже в ссылке, там женился и погиб в результате несчастного случая молодым.

Рэмзия – младшая дочь – была на два года старше меня. В 1949 году мы обе с интервалом в один месяц, – пока я, потом она, родили сыновей. Жили мы тогда в Булунгуре в совхозе. На восьмой день после выписки из больницы, Рэмзия сгорела от пламени костра, загорелись ее длинные косы. Полтора месяца обугленная она лежала в больнице и медленно умирала. Ее грудного ребенка я кормила грудью вместе со своим сыном. Когда я навещала ее в больнице, она прикованная к постели, забыв о своей боли, благодарила меня за то, что я забочусь о ее ребенке. И глазами полными слез смотрела на меня, как бы прося и дальше не оставлять его. Но когда ее не стало, отец ребенка, взяв его у бабушки, уехал оттуда. В 1964 году мы узнали от Али-эми (моего дяди), что они поселились в Хачмазском районе, в совхозе "Революция" рядом с ними, это

в Азербайджане. Ее сын Искандер, молочный брат моего сына вырос и живет с отцом и мачехой там. Внешне он очень похож на мать, у него русые волосы и голубые глаза. А совсем недавно я узнала, что Искандер пять лет тому назад умер в Самарканде. У него остались три дочери, все замужем.

Про младшего брата папы – Нусраддин-эми – я написала всего четыре строчки, а теперь расскажу его историю, которая переплелась с историей семьи пропавшего брата дяди Аладдина.

Нусраддин-эми в Баку закончил ветеринарный институт. Когда началась финская война он добровольцем пошел на фронт военврачом. Не успел демобилизоваться, как началась вторая мировая война. С Финской войны он попал на эту. Но и после войны он не возвратился домой, а был направлен на японскую войну. Таким образом, уехав с Адигени в 1939 году, он возвратился домой только после трех войн. От Боржоми его повернули назад. То, что все родственники в Средней Азии, он узнал только там. Но Средняя Азия большая, пять республик, в какой искать? Тогда он поехал в Кировабад, решил воспользоваться тем, что находится в Закавказье и навестить родственников, которых не выслали из Азербайджана. К тому времени оставшимся здесь родственникам мы уже успели сообщить наши адреса. Погостив немного в Кировабаде, по этому адресу он приехал к нам. Он думал, что все мы живем рядом и он будет жить среди своих. С первых же дней мой папа стал уговаривать его не задерживаться долго и уезжать поскорей, пока коменданты не обнаружили его и не поставили на учет. Как ни грустно было ему оставлять чудом найденных родственников, здравый смысл подсказывал, что его героизм никому не нужен и ни к чему хорошему не приведет. Он вернулся в Кировабад к своему двоюродному брату, семья которого еще до революции переехала из Ацкури в Кировабад. Там он немного поработал и был направлен в Краснодар – директором биокombината. Семей он так и не обзавелся – то война, то работа – так и жил холостяком. Сам себя лечил от фронтовых ран,

вылечил своим методом даже язву желудка, которую приобрел за годы службы.

Дочь дяди Аладдина – Балаш, в поисках своего отца, арестованного в 1937 году, случайно нашла его. Она узнала, что арестовали отца по ошибке, но это выяснилось уже после его смерти. Посмертно его реабилитировали, извинились перед семьей, но место, где он был похоронен, найти было невозможно. Очевидец, который вместе с ним находился в заключении рассказал. Ослабший от болезни и дороги он был неработоспособен, с трудом передвигался и надзиратель пинком сбросил его в массу бетона строящегося тогда Беломорканала. Ей было полтора года, когда забрали отца и всю любовь, которая была в ее душе и сердце она перенесла на дядю Нусраддина. Пока они переписывались, а потом она позвала его жить к себе. Так он попал в Казахстан, в район Мерке. Там до них дошел слух, что некоторым родственникам удалось вернуться в Грузию, в Хашури. В эти годы в Средней Азии уже начинали выражать недовольство по поводу месхов, отмечали крестиками дома месхов, угрожали поджечь дома, если не уедут добровольно и т.д. Беспokoясь за будущее детей, Балаш (дочь Аладдина) со своим мужем, матерью и детьми переехала в Кировабад в надежде, что смогут позже переехать в Грузию. Это были 80-ые годы. Дядя Нусраддин, естественно, переехал вместе с ними. Когда они встретили препятствие на своем пути в Грузию, решили – не ехать же обратно и купили себе дома в Кировабаде. Дома – это очень скромно сказано, это были дворцы. Но Кировабад не Ацкури, и не Адигени – и они вернулись в Мерке. Нусраддин-эми остался в Кировабаде, пока продадутся дома. За это время умерли жена дяди Аладдина – Расима-ханым и муж Балаша. Оставшись с детьми, она поселилась во Фрунзе и возвращаться в эти дворцы не хотела, просила продать дома за сколько смогут и приехать к ней во Фрунзе. Но им не суждено было вновь встретиться. А о возвращении в Грузию не было и речи. В 1983 году Нусраддин-эми внезапно умер от сердечного приступа. Похороны его в Кировабаде свели вместе очень многих. Отовсюду приехали

родственники, земляки, друзья, знакомые. Есть же поговорка: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Вот это тот случай. Я там встретила со столькими земляками, которых после ссылки не видела, что глаза разбегаются. Моя скорбь об утрате самого любимого дяди частично компенсировалась этими встречами.

Я хочу рассказать историю, которую там мне рассказал Алик Орбелиани.

В 1956 году, когда их семью не пустили в Грузию, они поселились в Кировабаде, купили частный дом и жили с надеждой, что когда-нибудь им удастся вернуться на родину. Родители его родом из Аспиндзы. Когда отца его забрали на фронт, мать была беременна. Через некоторое время она получила известие, что муж с тяжелым ранением лежит в госпитале. Она собралась в дорогу. Тогда многие женщины из наших мест, получавшие такие известия, ехали в госпитали, чтобы там самим ухаживать за своими мужьями. Мужа она выходила, он уже начал даже ходить, как вдруг у нее начались схватки. Из госпиталя ее перевели в роддом в том же городе. У нее родился сын – этот самый Алик Орбелиани. Когда она выписалась, и пришла в госпиталь, там узнала, что ее мужа уже выписали и отправили снова на фронт. Она с ребенком на руках вернулась в Аспиндзу. Через некоторое время пришло известие, что Гулаге Орбелиани посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Когда умирал кормилец, да еще орденоседец, семье выплачивали компенсацию – денежную помощь для постройки дома, покупки скота и т.д. В 1944 году ее с ребенком выслали в Казахстан и там они прожили до 1956 года. Уже поселившись в Кировабаде, он по делам приезжал в Грузию, подружился со многими, стал приезжать в гости к ним. Однажды, когда отмечался День победы, он случайно в разговоре к слову сказал, что его отец Гулага Орбелиани из Грузии ушел на фронт и посмертно стал героем. Узнав, что он сын героя войны, ему дали грамоту почетного гражданина Аспиндзского района и попросили каждый год приезжать на родину

отца на торжества посвященные Дню победы. Кроме этого обещали в Аспиндзе построить ему дом. Я все это выслушала и обрадовалась за него. Мы обменялись адресами и потом, когда он приезжал в Грузию, обязательно на несколько дней оставался у нас. Несколько раз приезжал погостить с женой. Надежда на возвращение с каждым годом таяла. Когда еще была жива моя мать, он в разговоре с ней сказал, что будет менять фамилию, так как, судя по всему в Грузию вернуться ему не удастся, а детям эта фамилия уже мешает – в школе и во дворе над ними надсмехаются из-за фамилии, а что будет дальше? "Если нам не суждено вернуться, так лучше возьму фамилию от имени отца и перестану быть белой вороной, стану своим среди своих, и меня не станут притеснять, буду равноправным", – сказал он.

Мама тогда и сама верила, что скоро вернется обратно в Ацкури и начала отговаривать не делать этого: "Дети не понимают, какая это фамилия, настанет день и они скажут тебе "спасибо" за то, что сохранил им ее. А насмешки детей не принимай всерьез, ведь это дети. Вода имеет особенность возвращаться в старое русло, настанет день и она вернется в старое русло, надо только набраться терпения и ждать". На это он грустно ответил: "Я чувствую, что кроме этой грамоты, от Грузии я никогда уже ничего не получу".

После этого он уже не приезжал и я не знаю, смогла ли убедить его моя мать или он, потеряв надежду, отказался от фамилии своих предков. А жалко! В рядах Орбелиани на одну семью стало меньше. Так теряются эти прекрасные фамилии.

В 1929 году мы из Ацкури переехали в Адигенский район, папу направили в Рабат работать в райкоме партии. В Месхети два Рабата: один в Адигени – это маленький Рабат, второй в Ахалцихе, про этот Рабат говорили, что с него начинался город Ахалцихе. Откуда появилось это название, никто не знал.

Маленький рабат был именем Бахши-бека Мачабели. Оно было очень красивым. Через имение проходила река Коблиан-чай. Правый берег реки – высокий горы, покрытые со-

сновыми лесами, за ними застава и граница. По обе стороны по течению реки расположены 72 села.

Имение расположено на левом берегу, на склоне горы. Когда смотришь сверху, видна полоса домов, потом идет полоса зеленой травы с цветами, и так чередуется до самой шоссейной дороге. После дороги уже строений нет, только склон с травой и цветами до самой реки, а на нем футбольное поле.

В большом двухэтажном доме самого Бахши-бека Мачабели разместилась администрация, райцентр только-только организовывался. А в остальных помещениях разместились: больница, конюшня, лесопилка, пекарня. Жилых домов в этом имении не было и служащих, приехавших на работу в Рабат, расселяли в близлежащих селах.

Владелец имения Бахши-бек Мачабели уехал в Турцию, оставив все движимое и недвижимое имущество новой власти в тот год, когда Грузия стала советской.

Нас поселили в селе Цре. Мы переехали большой семьей, потому что папины братья Али и Нусраддин переехали вместе с нами. Мама моя с первых дней замужества стала заботиться о них, и когда появились свои дети, одинаково смотрела за всеми. В детстве я думала, что они мои старшие братья. Дядя Аладдин отделился от нас еще в Ацкури, он женился первым, после окончания института, и с семьей переехал в Ахалцих, куда его направили на работу. Али и Нусраддин пока учились. Летом они приезжали к нам на каникулы, а зимой возвращались один в Баку, другой в Тбилиси на учебу. После дяди Аладдина в 1937 году женился и отделился от нас дядя Али, а Нусраддин продолжал приезжать, где бы мы не находились, до 1939 года. В селе Цре мы прожили около года, это были годы коллективизации. Я помню, как мама, стоя на балконе, смотрела на дорогу, с тревогой на душе ждала она папу с работы, волновалась. Не все охотно вступали в колхозы. Добровольно и с энтузиазмом вступали только те, у кого ничего не было и вступление в колхоз для них было единственным шансом выжить. А те, кто жил безбедно, и тем более богато, в колхоз вступать не торопились. Ими и занималось НКВД. Не-

которых раскулачивали и выселяли в Сибирь. После таких мер часть вступала в колхоз, а часть убегала в леса и становилась абреками. Многие не понимали для чего эти колхозы, пока толком объяснят, расплзались слухи быстрее и, несмотря на их нелепость, многие верили, что вступивший в колхоз должен отдать в общее пользование скот, имущество, дом, жену, детей, что все будут жить в одном большом доме, спать в одной большой постели и укрываться одним большим одеялом. Что детей сдадут в детские дома и там за ними по очереди будут смотреть свободные от работы женщины.

Слухи слухами, но многие верили в эту нелепость и потому в колхоз никто вступать не рвался. Агитаторов встречали с обрезками, оказывали сопротивление представителям власти. Доходило до драк и перестрелок. Вот потому мама и боялась и волновалась.

Богатые считали, что если человек не ленивый, он не может быть бедным. Это ленивые вступят в колхоз и будут за спиной работающих бездельничать, а имуществом и благами будут пользоваться вместе со всеми, да еще в их пользование перейдет нажитое богатыми своим неутомимым трудом.

Папу уважали, и как опытного агитатора, переводили с места на место. В близлежащих к Рабату селах колхозы уже были созданы и его перевели в Абастумани.

В Адигенском районе было два Абастумани. Один – это известная еще с давних времен лечебница от туберкулеза и легочных заболеваний, а другой – это село в нескольких километрах от лечебницы.

В селе находился сельсовет, который должен был обеспечить приезжающих на работу жильем. Конечно же, отдельных свободных домов не было, приехавших на работу или в командировку служащих они вселяли в дома местных жителей. Нас вселили в дом богатого жителя села – Омар-ага. Дал он нам комнату на втором этаже. В Адигенском районе удивительно гостеприимный народ. В день три раза сам Омар-ага на подносе поднимал нам на второй этаж то, что ели сами. Мама

каждый раз просила его не делать этого, потому что ей было неудобно – пожилой человек приносит ей, молодой, еду. На что он отвечал: "Вы служащие оторванные от дома, что вы имее-те? А если делаешь добро, то надо делать его до конца, а ина-че какое это добро? Я же знаю, что ты не спустишься за едой, потому я сам и поднимаю".

У Омар-ага было семь сыновей, все были женаты и жили с родителями. Только старший сын был бездетным, у остальных было от 4 до 8 детей. Родители имели отдельную спальню. У всех сыновей были свои комнаты. Кроме этого в доме были гостевая комната и спальня для гостей.

Вся семья составляла 36 душ, но в большой семье нико-му не было тесно. На нижнем этаже была одна большая ком-ната, где вся семья собиралась трапезничать. Вдоль стен по обеим сторонам стояли тахты, застеленные коврами. Обед, завтрак, ужин накрывался на пешхунах. Пешхун – это круглый столик на коротеньких ножках. Накрытый пешхун заносился и ставился на тахту. Мужчины сидели за своим пешхуном, жен-щины за своим, дети, которые могли есть самостоятельно и подростки, сидели за своим пешхуном. Три раза в день, как хорошо налаженный часовой механизм эти пешхуны с едой заносились и выносились. Все собирались одновременно на зов ответственного за еду. Каждый из членов большой семьи чет-ко знал свое дело, свое место, свои обязанности. Никто без толку не путался под ногами. Обязанности по хозяйству, по дому тоже были четко распределены. Старший сын занимался по-купкой одежды, обуви, тканей. Его жена обшивала всех. Все что покупали из одежды, и новые нарядные вещи, хранились в больших обитых тонкой жестью сундуках. Эти сундуки были всегда на замке, а ключи висели на поясе жены старшего сына. Поднять такой сундук было невозможно, набитый до краев он был неизмеримо тяжелым.

Остальные шестеро братьев со своими женами и детьми были заняты кто на бахче, кто в поле, кто на пастбище, кто на огородах и в садах, кто занимался скотом, кто зерном, кто мельницей и хлебом.

Летом они выгоняли скот на "яйла" в горы и целое лето

оставались там. Заготавливали сыр, масло на всю семью на зиму. Когда они возвращались с кочевки, у них были полные бочки топленного масла и разных сыров – овечьего "гуда" и коровьего в головках.

Работающие на поле обеспечивали семью сельхозпродук-тами – овощами и зерном. Тот, кому досталась обязанность обеспечивать семью хлебом, возил зерно на мельницу и на всю зиму заготавливал муку. Кто-то заготавливал бастурму, суд-жук, кто-то сушил лобию, лук на зиму, заготавливал картошку.

Пока мы у них находились, у младшего сына родился ре-бенок. В честь папы, которого Омар-ага очень уважал, его назвали Муаддином, но в нашем присутствии никто не назы-вал его по имени, так и обращались "чочух" – ребенок. Мама, не зная, что имя уже есть, все время говорила: "Ребенок рас-тет, он же должен привыкнуть к своему имени, когда же назо-вете?" Они стеснительно отворачивались и уже под самый наш отъезд, со смущением, робко сказали, что хотели бы, чтобы мой папа был этому ребенку кирвой. Папа, конечно же, не от-казал им в этом. Когда началась война, всех семерых сыновей забрали на фронт. Не задолго до высылки старшая невестка Омар-ага поехала в гости к родителям, ключи от сундуков она так на поясе и забрала с собой. Когда начали выселять, кто в чем был в том и сел в машину, а когда пересаживали в вагоны, семью разбросали в разные вагоны. Деньги, драгоценности, золотые монеты – все осталось в сундуках. Когда распре-деляли по месту назначения, семью еще раз разбросали, теперь уже по республикам и областям. Многие не выдержали доро-гу, заболели, умерли, оставшихся без родителей детей распре-делили по детдомам. Все это мы узнали из письма, которое нам через товарища, ехавшего в Тбилиси, передал Муаддин, тот самый ребенок, кирвой которого стал мой отец. Он обе-щал в письме приехать, но так и не приехал. В письме он рас-сказал, что он в возрасте 14 лет попал в детдом. Кроме него из его семьи туда никто не попал. Остальных детей отдали в другие детдомы, но он никого не нашел, и из 36 членов семьи он остался один. К тому времени он уже был женат и имел

детей. А про нас он узнал случайно. Товарищ, ехавший в Грузию, похвастался этим, а он спросил: "А кого ты там знаешь?"

– Я знаю судью Муаддина, потому что он мой кирва.

– А я как раз к ним еду, потому что его жена моему отцу приходится тетей.

И тогда он передал через него нам письмо.

В Адигени был молодежный праздник, назывался "кызгелин" (девушка-невеста). Когда на лето скот выгоняли в горы (яйла – пастбища) в один из дней (не помню какой) молодежь поднималась в горы на гулянье. Там парни выбирали себе невест, это были своего рода смотрины. Вместе с холостыми туда поднимались и женатые парни со своими молодыми женами, или молодые невестки, гости. Целый день проводили на яйла в веселых играх, песнях, танцах.

На это гулянье пригласили и мою маму. Когда начались танцы, моей маме показали на танцующую девушку и сказали, что она "найденш". Во время русско-турецкой войны, после беженцев, проходивших через село Абастумани, жители нашли четырехлетнюю девочку и одна семья взяла ее к себе. Мама вспомнила, что когда она жила в Ацкури, там она узнала, что одна семья во время войны потеряла девочку четырех лет. Вернувшись домой, она написала им письмо, но в Абастумани никому ничего не сказала. В один из дней к нам на фэзтонах приехали пятнадцать женщин: мать, потерявшая девочку и близкие родственники. К нам в гости пригласили девушку, но мать боялась ошибиться. Тогда решили пойти все вместе в баню, которая была в Абастумани. Мать знала, что на теле ее девочки был след от ожога: если он окажется, тогда без всяких сомнений, это ее дочь. Все разделись и вошли в баню, мать, разглядывая девушку, увидела шрам и бросилась там же на недоумевающую девушку с плачем и причитаниями, целуя, обнимая ее. Ее радости не было конца, зато девушка попала в неловкое положение и перед приемными и перед истинными родителями, она разрывалась между ними. Наконец вопрос разрешился так: и тех и других она называла мамой и папой и

по очереди жила у обоих, потому что к тому времени была уже замужем.

Когда в селах вокруг Абастумани были созданы колхозы, папу перевели в село Вархан. Это было приблизительно в середине 1931 года. Там недавно была построена больница и в помещении этой больницы нам дали две комнаты. Вход в наши комнаты был отдельный, а из окна дома видно было картофельное поле. Эта больница обслуживала все близлежащие села. Везде, где нам доводилось жить до этого, были начальные школы и когда мы через год или полтора переезжали на другое место, моя старшая сестра могла продолжать учебу. Но в Вархане она дальше не могла продолжать учиться, пятого класса там не было и мама отправила ее к дяде Аладдину в Ахалцих, чтобы ребенок мог и дальше учиться. Там она закончила семилетку и поступила в педтехникум. До 1937 года она жила у них, но когда арестовали дядю Аладдина она перешла жить в общежитие. В 1938 году она закончила техникум и в том же году вышла замуж.

Пока она училась, мои дяди тоже учились, папа был на работе, так получалось, что я все время была дома одна с мамой. Когда мы переехали в Вархан мама стала работать в начальной школе учительницей и поступила на заочный факультет педтехникума в Бэнаре.

Бэнара находилась недалеко то Вархана. Там открыли педтехникум, но возможности там жить и учиться не было, потому что село маленькое, всех учащихся жители, при всем желании, не смогли бы разместить у себя. Те, кто там учились на стационаре, пешком из своих сел приходили в техникум на учебу, после лекций возвращались домой. Немногие жили у родственником или знакомых. В основном устраивал заочный факультет, но в этом случае в год два раза надо было посещать семинары.

Когда мама поступила в техникум и начала работать, я совсем одна целый день оставалась дома. Помню, сяду у окна и смотрю на картошку, которая на поле за окном была посаже-

на. Пока пробивались ростки, потом появлялись кустики, на кустиках появлялись белые цветочки, потом они становились розоватыми – вот и весь мой день. Из дома я редко выходила потому, что друзей не успевала приобретать, так как мы часто переезжали на новое место. Может быть оттого, что я очень сердечная, люблю, когда вокруг меня много людей, люблю общение, а по воле судьбы все детство должна была оставаться дома одна и каждый раз в новом селе, без родственников, близких, знакомых, друзей – у меня к восьми годам стало болеть сердце? Не знаю, но с тех пор я постоянно чувствую боль в сердце. Я не могла дожидаться, пока мамам придет домой, а однажды я три километра прошла до возвышенности, с которой хорошо была видна дорога из Бэнары в Вархан и смотрела, не идет ли мама.

Когда папа уходил из дому на работу, а мама была на семинарах меня оставляли на попечение сторожу Ильясу, но я никому не доверяла, в том числе, и дяде Ильясу, ведь он был местным жителем, а значит "не свой". Я знала, что у нас во второй комнате лежала папина винтовка, она не была заряжена, но я же этого не знала, и когда папа уходил, я просила его: "Пистолет возьми ты, а винтовку оставь мне". И папа подыгрывал мне, уходя он говорил: "Я беру пистолет, а винтовку тебе оставляю". И я успокаивалась.

Однажды, папа задержался на работе. Дядя Ильяс пришел к нам и сел на крыльце. Через некоторое время, он попросил у меня принести ему папину винтовку. Я сразу согласилась, пошла в ту комнату, где она лежала, закрыла дверь на крючок и оттуда кричу: "Дядя Ильяс, зря не ждите, я вам папину винтовку не вынесу. Какой вы умный, вы хотели, чтобы я вынесла винтовку, и вы этой винтовкой меня убили?" Потом он все это рассказал папе и маме, это рассказывалось как анекдот, но при этом все отмечали какая я умная и смелая.

* * *

Мой дядя Али работал в Рабате в Адигенском районе главным инструктором в райкоме партии. Он, в основном, сидел в Рабате, но по работе, в случае чрезвычайных ситуаций, выезжал в села помогать местным активистам. Иногда это были плановые выезды, а иногда по просьбе местных инструкторов, активистов.

В селе Вархан активисты поймали абреков, которые вышли из леса и пришли в Вархан, чтобы набрать еды. Когда абреки зашли в очередной дом, они внезапно напали на них и связали. Потом привезли связанных в свой кабинет, посадили на стулья, с завязанными ногами, а сами сели на коней и прискакали в Рабат к дяде Али, чтобы спросить, что с этими абреками дальше делать.

Когда они рассказали в чем заключается цель их приезда, Али-таи спросил:

– Ну показывайте, где они?

– Они там, в Вархане.

– А кто-нибудь их охраняет?

– Да нет, у них же ноги связаны, куда они денутся? Мы их посадили далеко друг от друга.

– Ну тогда ехать не надо, они уже давно убежали бы.

– Нет, Али-таи, они не смогли бы убежать, они же со связанными ногами.

– Зато у них руки развязаны.

Активисты немного замешкались и вдруг сказали:

– Они бы не догадались развязать. Поедем с нами и ты сам убедишься.

– Это почему бы не догадались?

– Потому что они тоже из Вархана, мы из одного села. А раз мы не догадались, они тоже не догадались бы. Поверь нам Али-таи, поедem и ты сам увидишь.

Поехали. И что он видит: в комнате, на стульях сидят три абрека, со связанными ногами и свободными руками. В комнате, где нет охраны, и дверь просто закрыта.

С тех пор их ответ-аргумент: "Мы же из одного села" – стал крылатой фразой.

Когда мама училась и работала одновременно, иногда папа должен был что-то делать по дому. А в больнице работала тетя Шура, молодая женщина, к которой он обращался за помощью. Она тоже пользовалась его услугами, часто приходила к нам то за гвоздями, то за чем-то еще. Я обратила внимание, что когда она приходит, папа становится веселым, о чем они говорили я не понимала, потому что говорили по-грузински или по-русски и смеялись. Мне это ужасно не нравилось, но запретить ей приходиться к нам я не могла, папы боялась. Однажды, когда она очередной раз пришла за гвоздями, моему терпению пришел конец. Я набрала в ладошку гвозди, пошла к ней (папы дома не было), постучалась. Она открыла дверь, я протянула ей гвозди и сказала:

– Тетя Шура, вот вам много гвоздей и пока мама не вернется, не приходите за гвоздями к нам.

А она мне сказала, что приходит к нам по просьбе папы навести порядок в доме и приготовить обед.

– Посмотри, на что похож ваш дом, на самоваре пятна.

Я ничего не сказала, на следующий день взяла самовар, потому что такое замечание оскорбило мое достоинство. Самовар был всего лишь чуть меньше меня, но это не помешало мне донести его до ручья, который протекал сзади дома. Вода там была чистая, прозрачная. Я разобрала самовар и от души почистила его со всех сторон. Когда, по моему мнению, он был чистым, я начала его собирать. Собрала весь самовар, а крантик не могу найти. Ищу, а сама думаю: "Что я натворила, вот теперь мне попадет из-за того, что я угробила самовар, а тетя Шура скажет: "Я же говорила, что ты не можешь навести порядок в доме". Думаю про себя все это, плачу и ищу, тыкаюсь во все стороны, от волнения и страха уже ничего не вижу. Вдруг ногой наступила на что-то колкое, смотрю и глазам своим не верю – этот самый крантик, который я уже не надеялась найти. Вставила его на место и гордая, понесла чистый, вымытый, а главное целый самовар домой. Шла медленно, чтобы

тетя Шура увидела, что я могу все делать сама и она нам не нужна.

Однажды папа принес курицу зарезанную и сказал, чтобы я позвала тетю Шуру, она должна была приготовить из курицы обед. Папа ушел, я поставила кастрюлю на огонь, как это делала мама. Потом засунула курицу в кипяток и стала перья выдирать. Где-то вместе с кожей выдиралось, но на это я не обращала внимание, так была увлечена делом. Неловким движением я опрокинула кастрюлю с кипятком на ноги, но не заплакала, продолжала чистить курицу. Потом осмолила ее и поставила вариться, не выпотрошив внутренности. Когда пришел папа, по запаху догадался, что я не обратилась за помощью к тете Шуре. Конечно же, эту курицу кушать было невозможно, и папа только сказал:

– Хорошо, что ты сама все хочешь делать, но спросить хотя бы ты могла бы? Что теперь кушать будем?

Год мы прожили в Вархане. После Вархана, в 1932 году папу перевели в Адигенский район, в село Адигени. Район назывался от названия самого большого села. Почему-то у нас многие села или по два названия имели, или под одним названием два населенных пункта было. Два Рабата, два Абастумани, Маленький Рабат, Большой Рабат, Верхний Адигени, Нижний Адигени. В Адигени часть села находилась на возвышенности, часть у подножия, потому и соответственные названия получили. Село было очень большое. Мы жили в Нижнем Адигени. В те времена школы не были еще построены. Рано забирало у того жителя, у которого был большой дом, одну или две комнаты и там размещали классы. Школ ни в одном селе не было. Иногда получалось так, что один класс был на одном конце села, другой на другом, если надо было разместить два-три класса. Во всех таких селах были только начальные классы с 1 по 4 включительно.

Нас поселили в дом к дяде Бэдиру, он был часовым мастером. Я помню, как он целыми днями сидел с "подзорной трубой" на глазу и завидовала ему, что он может такое трудное

дело делать. Все село приносило ему делать свои часы. Мама работала в начальной школе, я пока в школу не ходила. Из уважения к нам, хозяйка (жена дяди Бэдира) подарила маме курицу. Она была такая красивая, черная с белыми крапушками, как будто снежинки на ее черных перьях. Мне так она понравилась, что я уговорила маму ее не резать и отдать мне. Из-за белых крапушек я ее прозвала "чил таух" – рябушка. Сначала приучила ее к себе тем, что только я должна была ее кормить, а потом приучила из ладошки клевать. Она так ко мне привыкла, что повсюду за мной следом ходила. Иду ли я за водой, на другой конец села, или за хлебом, за сахаром в магазин, или за керосином на склад – она всегда позади меня шла. Дети смеялись надо мной, дразнили меня: "Опять пошла со своей курицей, смотрите!" Мне было обидно, но курица не отставала от меня и я была предметом постоянных насмешек. Однажды моя курица пропала. Я так к ней привязалась, что когда потеряла, долго плакала. Искали все – я, мама, дядя Бэдир, их дети – но нигде не нашли. Воровства в наших селах не было. Жена дяди Бэдира успокаивала меня:

– Здесь никто твою курицу не украдет бы и если дети, чтобы досадить тебе, не забросали ее камнями, тогда курица где-то откладывает яйца, еще будем искать, не плачь, может найдем это новое место!

Я все плакала, не могла успокоиться. Месяц моей курицы не было, я уже начала привыкать жить без нее. Однажды, возвращаясь из магазина, я, проходя мимо амбара, который был недалеко от дома, услышала кудахтанье курицы и писк цыплят из-под амбара.

Сам амбар построен был на сваях, а отверстия между сваями были заложены камнями. Я посмотрела, нигде дырки нет, а ясно слышу, как кудахчет наседка. Кинулась домой к маме с криком:

– Мама, моя курица нашлась, она там под амбаром, но вылезти не может.

Мы с мамой подошли к амбару и она сама убедилась, что я говорю правду. Обратились к хозяину дома. Он вспомнил,

что месяц назад он в одном месте заново сложил камни, потому что они развалились. Судя по всему, моя курица заходила через этот проем и несла там под амбаром яйца, а когда села выводить цыплят, дыру закрыли, она замуровалась. Вода под амбаром была всегда, дождевая вода там могла собраться, а из щелей в полу амбара вниз сыпались зерна пшеницы, она подкармливалась ими, пока сидела на яйцах. Хозяин развалил заложенную дыру и из нее вышла моя рябушка с 25 цыплятами. Привычку ходить за мной она не забыла, только теперь за ней бежали цыплята. Мальчишкам много не надо было, они снова стали смеяться надо мной и дразнить:

– Ага, теперь она со своим детским садом ходит.

Даже взрослые не могли скрыть улыбку на лице, когда я проходила со своим выводком возле них. Но не все доброжелательно смотрели на мой "паровоз". Когда мои цыплята выросли и уже можно было отделить петушка от курочек, два-три самых вредных мальчика выкрали у моей клушки двух петушков. Растянули их на "козлах", где пилят дрова и отпилили им головы. Когда пилили второму, на крик я вышла и увидела, как эти двое растянули петушка один за голову, другой за ноги и пилят ему горло. Конечно же, спасти их я не смогла, но и сварить тоже не дала. Целый день я проплакала над ними, а потом похоронила в саду.

Пока мы жили в Адигени, у мамы родился сын. Он был крупный, в полгода он выглядел как годовалый. Мама должна была поехать с учениками на экскурсию в Зарзму, там была церковь. Была зима, ехали на грузовиках. Мама с собой взяла меня и братика. Когда вернулись у ребенка под мышкой (я помню, женщины это говорили) появилась то ли дыра, то ли язва, всего три дня у него была высокая температура и он умер. Я не знаю, что это была за болезнь, женщины говорили, что он умер от "матавур", что это такое я и сейчас не знаю. Я не успела наиграться с братиком, я думала закончилось мое одиночество, вот немного он подрастет и мы вместе будем играть, но мне еще долго суждено было расти одной.

К 1933 году в Рабате построили несколько зданий. Жилых домов пока все еще не было, школы тоже не было и когда папу перевели в Рабат, нам дали подсобное помещение в бывшем имении Бахши-бека Мачабели, чтобы мы там жили. Задание партии папа мой с честью выполнил, во всех близлежащих селах колхозы были созданы. Партия направила его работать в Рабат народным судьей. Рядом с нашими комнатами выделили еще одну комнату из подсобных помещений имения Мачабели для школы. По годам я уже должна была пойти в первый класс. Школа, т.е. комната для обучения имела одну единственную учительницу, которая преподавала на русском. Полгода она нас учила русской азбуке. Мы научились узнавать буквы, и она почему-то уехала. Мама ходила в свою начальную школу в село Цре, пешком, я такую длинную дорогу пройти не смогла бы, а мама на руках не смогла бы меня нести и тогда она нашла единственный выход. Она объясняла мне задание и пока я находилась дома одна я выполняла все, что она мне задавала. Первую половину учебного года я учила русские буквы, вторую половину учебного года я проходила программу азербайджанской школы. Когда я должна была пойти во второй класс, в Рабате школа не работала, учителей не было и мама брала меня с собой в с. Цре. Там я закончила второй класс. Третий и четвертый классы я училась в Горгуле, по программе азербайджанской школы. Русская учительница так и не вернулась, а роно почему-то грузинских учителей не пригласил, а может пригласил, но они не приехали, не знаю, не могу сказать. На четвертом классе образование в Горгуте закончилось и тем, кому хотелось учиться дальше, нужно было ходить в Адигени. От Рабата до Адигени три километра, до окончания седьмого класса я ходила каждый день туда и обратно – 5-6 километров. Чтобы укоротить дорогу, я могла пойти по короткой дороге, которая проходила через кладбище. К тому времени я уже понимала, что у меня умер брат и его похоронили. А когда он умер и его собирались хоронить, я не понимала куда мама в такой снег должна ребенка повести. Я видела, что его закутали в пеленки, и говорила маме:

– Ему же будет холодно, посмотри какой снег на дворе. Возьми мое пальто (а у меня было фиолетовое теплое пальто, новое) и укрой его, чтобы он не замерз.

Я не могла понять, почему мама плачет. Мне так надоело быть всегда одной дома, я так мечтала о еще одном ребенке, что отдавала свое самое хорошее, лишь бы с ним ничего не случилось.

Мама, уже когда я начала понимать, показала мне могилку брата. Каждый раз, проходя через кладбище я подходила к могилке, гладила надгробный камень и говорила:

– Я не успела с тобой поиграть, а теперь, когда ты лежишь в земле я могу только твой камень погладить.

Но этой дорогой можно было ходить только когда дни были длинные, потому что когда темнело я по кладбищу идти не могла, боялась. Но по сравнению с детьми, которым надо было идти в школу из Лаше, Плате, Цире, Горгули мне повезло, потому что они в один конец проходили 5-7 километров в день. Во всех селах, где мы жили, все говорили на том языке, на котором говорили мы. Никто никогда этот язык не называл турецким, он назывался мусульманским. Как у других народов, когда что-то хотят объяснить и их не понимают, говорят в сердцах: Ну я же тебе по-русски говорю... или ме шен кертулад геубнеби. Так и у нас говорили: "бэн сэнэ мислиманджа айнадиерим (Я тебе на мусульманском объясняю).

Я знаю в природе такого языка нет, есть вера мусульманская, а последователи этой веры говорят и на турецком, и на арабском, и на персидском, и т.д. Может быть, когда жителей Месхет-Джавахетии вынудили принять мусульманство и заставили говорить на языке завоевателей, жители отождествляли веру с языком и потому этот язык называли мусульманским, а национальность соответственно – мусульмане.

Так например, в Уде, которое было высоко в горах, жили половина католики, половина мусульмане. То же самое было в Боладжури. И там и тут мусульмане говорили и на своем языке, и на грузинском, т.е. я хочу сказать, что язык у них не забылся, не стерся. И грузины знали мусульманский, вновь при-

шедший язык, потому что жители общаются между собой. Когда оба знают оба языка хорошо, тогда на каком языке требуется ситуация, на том жители и общались. А новое поколение росло среди населения владеющего двумя языками и им было у кого учиться. Были такие села, где жили только мусульмане, и только фамилии были грузинскими и негрузинскими. В таких селах говорили на нашем языке, но названия некоторых предметов или некоторые слова выговаривались на грузинском "ткуп-и-эрюк" (сливы-близнецы), "лурджа" (название рыбы), "аквани" (люлька). Другой язык для общения им не был нужен, потому что все говорили на "нашем языке" "ерли". Кое-где жили армяне, потому что тамешние жители знали и этот язык, было у кого научиться. Например, я за месяц выучила армянский, когда мы переехали в Рабат. Там жили армяне-ремесленники и мои друзья детства Гриша и Шаваш стали моими первыми учителями армянского. Я так хорошо научилась, что наши сказки рассказывала им на армянском. Наверное, я неплохо рассказывала, потому что они внимательно и с удовольствием меня слушали. До сих пор я благодаря им, что знаю этот язык.

Оттого что мы часто меняли место жительства закадычных, постоянных друзей у меня не было. Чтобы меня не игнорировали, не избегали, не отворачивались от меня, я должна была в кратчайшие сроки приспособиться к той ситуации, в которую попадала, а это, в первую очередь, знание языка детей, с которыми играть собиралась. Грузин было меньше, но и этот язык я выучила. Постоянные, любимые друзья были у меня только в Ацкури, потому что, где бы то мы не жили, на каникулы мама каждый год меня отправляла в Ацкури. Только там я попадала в свою среду, и не имело значение какой национальности дети. Ацкури многонациональный, там жили грузины, армяне, мусульмане, евреи. Когда начинали играть, все друг друга прекрасно понимали. Я помню игру под названием "Кепче-хатун". Игралась она, когда долго не бывало дождей. Взрослые просили нас поиграть в эту игру, по-моему, это даже не игра, а задабривание природы и, если бы не было стыдно, они сами бы с удовольствием делали бы это. Собирались дети,

подростки всех национальностей — девочки, мальчики — и огромной ватагой ходили от дома к дому, повторяя текст просьбы на нашем языке. Играющим это не было помехой, все без акцента и, понимая о чем просят, хором приговаривали песенку:

Кепче-хатун не истер,
Аллахтан йамур истер
Йахсын, йахсын гель олсун
Тахыллар бол-бол олсун.

Приговаривая это, они подходили к очередному двору и, обращаясь к хозяйке, говорили:

Ханым-нэнэ кахсана
Харолара бахсана
(ун чуалына бахсана)
Бизи йола вурсана.

Хозяйка выходила, выносила подарки, сладости. Дети брали у нее сладости и сразу с визгом убегали, потому что она обливала их водой. Или это действительно задабривало природу, или простое совпадение было, но на следующий день шел дождь. Эту игру мы играли по заказу взрослых, а сами для себя играли в прятки, ловитки, запятнашки, "виробана", перетягивание каната и т.д.

В 1936 году ожидалось полное солнечное затмение. Зная это, все приготовили для себя закопченное стекло. Мы, дети, тоже приготовились. Со своими стеклами мы взобрались на сложенные во дворе бревна и ждали. Для нас это было впервые и нам очень было интересно знать, что же это такое.

Вдруг среди ясного теплого солнечного дня все вокруг стало темным и стало холодно. По примеру взрослых мы приставили стекла к глазам и стали смотреть на небо. Я со своим стеклом наблюдала, как солнце постепенно закрывается земным шаром, потом совсем закрылось. Вот тогда стало совсем темно и холодно. Через некоторое время солнце вновь стало светлеть и когда оно совсем вышло, мы увидели его на небе, оно светило и грело как обычно. После этого взрослые, собравшись большой толпой, долго рассуждали по этому поводу.

Мне запомнилось, что все в один голос говорили, что полное солнечное затмение не к добру, над какой страной можно будет наблюдать это явление, в той стране обязательно произойдет что-то нехорошее. Так было испокон веков. Их прогнозы подтвердились и опасения начали оправдываться. Началось с убийства Кирова в Кремле. Он стал первый жертвой полного солнечного затмения. Этим брался разгон к тотальным арестам, ссылкам на каторгу, убийствам тайным и явным расстрелам политических деятелей, кадровых работников, писателей и учителей, ученых и врачей, и вообще всех подряд. Это была подготовка, сам процесс начался в 1937 году. Это был постоянный страх, люди боялись здороваться друг с другом, все боялись слезки.

Мой Али-эми работал в роно. В круг его обязанностей входило проверять работу школ. В одной из таких проверок в Боладжури он влюбился в местную учительницу Санию. Приехав домой, стал просить старшего брата (моего отца) чтобы его женили на ней.

— Кто она такая? Из какой семьи? Я не знаю в Боладжуре такую семью, в которой бы была грамотная дочь.

— Есть, это дочь бега Пипинашвили, Сания!

— Ты что с ума сошел, такое смутное время, люди с ними здороваться боятся, чтобы не попасть в список троцкистов, а ты жениться задумал. Нас же всех в тот же день арестуют.

Но Али-эми был неумолим.

— Я тебя так люблю, что за тебя пойду на все, а ты даже самую малость меня не любишь, раз отказываешься мне помочь в этом. Я ничего не боюсь и ничто меня не остановит. Даже если эта свадьба достанется мне ценой ареста, я все равно не откажусь от нее, пусть арестовывают, — сказал он папе.

Видя в каком состоянии брат, папа согласился, но и мама, и папа с таким тяжелым сердцем собирали все для свадьбы, трудно передать. Папа все время тяжело молчал, предвидя последствия, а мама, собирая вещи и подарки для невесты,

все время плакала, как будто уже их на каторгу в Сибирь собирала. Была зима. На четырех санях мы поехали в Боладжури. Мне было тогда 10 лет и меня тоже взяли с собой. Мать и братья невесты были против этой свадьбы. Они считали, что Сания выбрала недостойную себе пару. Дочь бега должна была выйти замуж за парня из своего сословия, а Али-эми, правда, был из зажиточной, но крестьянской семьи. Отца у невесты не было, он умер. Нас встретили братья, мать и родственники. Все подарки занесли в дом. Мне не терпелось посмотреть, как же живут беги. Дом был большой, но стены были не обмазаны. Я постепенно начала разочаровываться. В моем понятии все беги живут богато и в красивом доме, с красивой мебелью и вещами. Этот дом под мои понятия никак не подходил. Когда все расселись в гостиной, я пошла бродить по дому. Во время экскурсии я вдруг набрела на кухню. Мне стало интересно, как беги готовят еду, я устроилась и стала наблюдать. Смотрю, мать невесты все продукты делит пополам. Одну половину кладет на стол, вторую убирает в сторону. Так она поделила и рис с маслом. Начали готовить плов. Кто-то из помогавших женщин сказал ей:

— Немного масла добавьте в плов, а то плов невкусный будет, опозоримся.

— И не подумаю. Я знаю, что делаю, и пусть никто не вмешивается. Они деревенские, откуда им знать, какой вкус должен быть у плова, чтобы определить вкусный он или нет.

Эти слова меня сильно задело. Что значит вкуса не знаем? Немного подумала и вышла из засады:

— Кто не знает вкуса плова? А кто все это вам привез? Это вы не знаете, как готовится плов. Если сейчас же все, что мы привезли не сварите, я пойду и все расскажу маме. От неожиданности она растерялась, но, будучи старше и дипломатичнее меня, вышла из положения, что-то ответил.

Сыграли пышную свадьбу, с молодой невестой и тяжелым сердцем возвращались домой. В семье невесты было три сына и три дочери. Одну из сестер невесты выдали в Ацкури в семью Мухранских, мужа ее уже посадили. Вторая вышла за-

муж в Адигени за Мусса-бега (если не ошибаюсь) его тоже посадили. Третья досталась нам, мы ехали и каждый думал про себя – чем закончится эта свадьба. Они приехали к нам и пока Али-эми не направили в другое место, жили у нас. Каждый день родители со страхом прислушивались, не идут ли арестовывать. Бог миловал. Сания-ханым, хоть и была из семьи бегов, но ничего не могла приготовить. Когда начинала что-нибудь готовить, то спрашивала у меня. Однажды, уходя на работу в Горгули мама попросила ее приготовить соус, а мне сказала, чтобы я ей показала, что где лежит. В этот день я в школу с мамой не пошла, она должна была прийти со своей коллегой. Я знала, что ударить лицом в грязь никак перед гостьей нельзя и очень ответственно подошла к этому делу. Когда мамам ушла я вытащила все, что надо было для соуса, а сама пошла во двор. Потом дети начали играть, и я пошла с ними играть. В самый интересный момент игры вдруг Сания-ханым зовет меня, подхожу, она мне говорит:

– Ты знаешь, тот томат, который ты мне для соуса оставила, мне не понравился, и я вместо него соус заправила по-видном из чанчуры. Цвет стал такой темный, некрасивый, а о вкусе и говорить не хочется. Судя по всему, обед я испортила. Что же делать теперь?

Я злая, что она и обед испортила и меня от игры оторвала, сделала ей выговор:

– Тоже мне, бегская дочка, соус приготовить не может.

А сама со страхом думала, чем же будем угощать гостью.

Когда я увидела на дороге маму с гостьей подбежала к ней и на ухо ей сказала, что соуса нет, вернее он испорчен. Мама дала мне знать, чтобы я молчала и быстро приготовила хинкали из бастурмы. Мы вкусно накормили гостью и проводили домой. Мама ни словом не задела Санию-ханым, как будто ничего не произошло.

Еще в 1936 году, когда мы жили в Верхнем Рабате, я нашла котенка. Он был очень красивый. Головка у него была

цвета яичного желтка, ушки, кончик мордочки, кончик хвоста, кончики лапок были белыми, спинка была вперемешку желто-белая. Я назвала его Местан. Сразу его выкупала и начала кормить. Обед он не захотел, молоко не попил. Я сама с детства очень любила гоголь-моголь. Сделала себе и Местан предложила. Эта еда ему так понравилась, что после этого он только гоголь-моголь и кушал.

Я сшила ему матрасик, подушку, одеяло. У него было свое корыто и полотенце. Мы очень подружились. Все дети любили его. Через год он исчез. Я очень переживала, плакала, искала его повсюду, но бесполезно. Взрослые сказали:

– Кошки так знают, когда чувствуют что умирают, уходят из дома.

Много плакала я, но смирилась с этой утратой. Он так слушался меня, что стоило один раз позвать Местан, и он прибежал. А тут я целый день ходила и звала, он не появлялся, я согласилась со взрослыми, что с ним могло что-нибудь случиться.

Однажды, через полтора месяца я во дворе увидела своего Местана. Он был худющий, грязный, его красивой окраски не было видно. Я догадалась, что это Местан только потому, что он терся об меня. Как я обрадовалась! Сразу выкупала его. После его пропажи я ни один раз не сделала гоголь-моголь. На радостях я ему его сделала и с тех пор мы не расставались.

Мама сказала, что, наверное, его кто-то понес к себе домой, чтобы вывести мышей. А они не знали, какой он привередливый в еде. Когда посмотрели, что пользы нет, отпустили. Пока он шел к тебе, исхудал и запачкался.

Была весна 1937 года. Однажды мы с мамой возвращались из школы пешком из села Горгули. Я уже где-то писала, что у нас принято было давать два названия одной и той же местности. Рабат не был исключением. Был Верхний Рабат и Нижний Рабат. В Верхнем жили армяне-ремесленники, портные, парикмахеры, сапожники, кузнецы, а в Нижнем были орга-

низации и постепенно он начал застраиваться домами. Построили ветлечебницу, гостиницу, район разрастался. Мы не успели дойти до дома, как начал накрапывать дождь. Перешли через мост, поднялись на шоссе на дорогу, и по центру Нижнего Рабата шли к Верхнему. Где-то посередине дороги была скала. На верхушке скалы была равнина, это место называлось Чорат – это был будущий третий Рабат. Там потом были построены парк, кинотеатр, двухэтажный техникум и несколько небольших домов. Этот Чорат был на одном уровне с селом Цре и сливался с ним. Мы подходили к крутому повороту, только обогнув этот утес можно было увидеть Верхний Рабат, который начинался тут же за поворотом. Вдруг дождь усилился, загремел гром, сверкнула молния. Мы с мамой увидели, как мимо нас пронеслось нечто красное похожее на раскаленное маленькое коромысло или на кирку без ручки. Это нечто красное, упало с неба и скользнуло на большой скорости к кузнице, как по льду. Кузница находилась недалеко от того места, где были мы с мамой. Когда мы подошли к кузнице, там уже была половина села, а сыновья кузнеца Мукуча, быстро выкапывали яму в земле, чтобы закопать отца. Оказывается, это раскаленное нечто был разряд молнии. Оттого что в кузнице было железо, этот разряд проскользнул мимо нас и потянулся к железу. Сыновья рассказали, что раскаленное нечто ударило в ящик так глубоко, что дна не было видно. Отец стоял рядом, но разряд молнии, видимо, коснулся и его. Его положили в яму и закопали, только голова была видна. Долго жители цокали языками и головой качали. Гадали, выживет кузнец или нет. Он выжил.

Если бы не эта кузница, этот разряд ударил бы в нас. Кузница сыграла роль громоотвода.

В этот год Али-эми перевели в село Лиловани работать председателем поселкового совета. Предыдущего председателя арестовали. Мама дала молодой семье посуду, постель, кое-что из вещей на первое время, пока смогут заработать и купить себе сами. Со дня свадьбы и до самой смерти Али-

эми не пустил жену работать. По его мнению, она должна была рожать, растить детей и смотреть за порядком в доме, а зарабатывать была его обязанность.

Сания-ханым, которую я учила готовить обеды, стала хорошей хозяйкой. Они всю жизнь прожили в любви, и заботились друг о друге как в первые дни. Такую любящую, счастливую, удачную семью я по жизни не встречала. Они ворковали как два голубя и любовались друг другом до последней минуты жизни. У них родилось семеро детей. Первая дочка Флора умерла в возрасте 3 лет, умер и второй ребенок – сын Эдисон, а вот остальные пятеро сыновей были их гордостью – красивые, умелые, умные, трудолюбивые, воспитанные и все с высшим образованием. Только один сын, Расим, выучился профессии бондаря и в своей профессии был лучшим. У всех сыновей золотые руки. Правильно говорят, что отец должен быть примером и тогда у детей все по жизни сложится.

Старший сын Марвиль – радиоинженер, второй, Равиль – автоинженер, третий Расим – прекрасный бондарь, четвертый Асим – инженер-строитель, и младший, Максим – радиоинженер. Вернувшись из ссылки, семья дяди Али поселилась в Азербайджане, в Хачмасае, в совхозе "Революция". Там дядя Али и Сания-ханым прожили до самой смерти. Пока умерла жена, в эти годы у нас здесь такое творилось, что на похороны мы не смогли поехать. Похоронив жену, он прожил год, справил ее годовщину и потом только разрешил себе уйти из жизни, как будто все, что ему надо было сделать в жизни, он сделал и без долгов ушел к ней.

Однажды, это было в 1980 году, я получила письмо от Али-эми. Он писал, что он очень тяжело болен и хочет меня видеть. Вообще у нас так делают, когда хотят кого-нибудь увидеть, сообщают, что тяжело болен, чтобы наверняка приехали. Я-то подумала, что это причина выдуманная, но возраст его был такой, что это могло быть правдой. Я собралась и сразу поехала. Болезнь была не очень серьезная и вскоре после моего приезда, он поправился. Сыновья говорили, что они тоскуют по Грузии. Дня не проходит, чтобы они не вспомнили что-

то из жизни в Грузии и не стали по этому поводу говорить. Материально мы не нуждаемся, но их разговоры довели нас до того, что мы тоже заочно полюбили Грузию и стали вместе с ними мечтать о том, чтобы смогли туда, если не переехать, то хотя бы поехать. Мы всех грузин так полюбили, что когда через наш совхоз однажды проезжали грузины, и у них испортилась серьезно машина, подошли к ним и предложили свою помощь. Они попросили устроить их где-нибудь на ночлег, пока они смогут починить машину. Братья сказали им:

– Вам не стыдно об этом просить, вы же наши земляки. Вы поживите у нас, мы постараемся найти запчасть за эти дни, починим вашу машину и можете продолжать свой путь.

Их радости не было границ, а какие мы были счастливые, что можем помочь грузинам! Равиль нашел запчасть и бесплатно поставил на машину, потому что купить у гостей не было денег. Расим за эти дни сделал свой фирменный винный бочонок и, заполнив вином, подарил от себя. Весь багажник загрузили орехами и фундуком. Когда они уезжали мы расплакались, не хотели их отпускать. Они пригласили нас к себе и обещали, как только приедут, прислать деньги за запчасть, это 500 рублей, и пригласят в гости. Прощаясь, обнимали и целовали нас всех и обещали в гостеприимстве нас превзойти. Уехали и уехали. В первые дни мама и папа с гордостью говорили:

– Теперь вы поняли, почему мы тоскуем? Они все такие!

Когда прошло время и нам не только не прислали деньги, но даже не позвонили, чтобы сказать, как доехали, мы стали говорить родителям, когда они снова заводили разговор о Грузии:

– Грузию мы не видели, но с грузинами довелось познакомиться...

На что родители отвечали:

– Лес – это не только волки, бывают и шакалы. И о всех грузинах по ним не судите! Там у нас в Месхети были совершенно другие грузины, не сравнить с этими.

Когда Али-эми работал в Лиловани, он забрал меня на

каникулы к себе. В честь моего приезда был зарезан баран. Али-эми сам резал и разделял барана. Он вообще много чего умел делать. Я как будто хотела помочь ему и когда зарезанного барана подвесили, чтобы содрать шкуру, подошла и стала держать ногу. Али-эми ударил топором по ноге барана, топор соскользнул и попал мне по пальцам нечаянно. Пальцы руки повисли как на ниточках. Он побелел от ужаса. Быстро привели во двор старика какого-то. Он наложил мне что-то на пальцы, снизу и сверху положил дощечку и перевязал. Через неделю мои родители звонят в сельсовет (только там был телефон) и просят привезти меня домой. Пальцы пока забинтованы, а Али-эми не хочет сказать, что со мной произошло и просит оставить меня еще немного у него, потому что здесь мне хорошо и они не хотят меня расстраивать.

Когда сняли повязку, пальцы уже были сросшимися и я даже двигать ими могла. Али-эми немного успокоился, я вернулась домой и никому не сказала о случившемся, а руку держала так, чтобы никто не заметил шрамы. Я очень любила Али-эми и не хотела, чтобы из-за меня его ругали.

В тот 1937 год мой второй дядя Аладдин-эми, который работал директором педтехникума, тяжело заболел и его из Ахалциха привезли к нам в Верхний Рабат. Не успел он вылечиться, как за ним приехали на "черном вороне" арестовывать. Я помню, как его на носилках вынесли из дома и увезли в это страшную машину. После его ареста, арестовали брата Саныханым (жены Али-эми) Джевдет-бека в Боладжури.

Круг сужался. После этого арестовали мужа маминной двоюродной сестры, он работал председателем земотдела, Кетиб-таи, его забрали ночью. Потом его реабилитировали. Но страху мы натерпелись.

После ареста Аладдин-эми, нам дали две комнаты в Нижнем Рабате. Комнаты были большие, мы там прожили до самой высылки. Не зная, что Кэтиб-таи арестован, мы с мамой пошли за водой. Мамина двоюродная сестра увидела нас с балкона и направилась к нам, причитая. Она била себя по го-

лове, по ногам и плакала и рассказывала, что ночью ее мужа арестовали.

Мама тихо сказала мне, чтобы я бежала домой, а сама, оглядываясь, не видел ли кто, что она разговаривала с женой арестованного, тоже следом за мной вышла. Несколько дней от страха она не проронила и слова. Это было страшное время, можно было запросто загреметь в тюрьму только из-за того, что кто-то из семьи арестованного с тобой поздоровался. А маме было непросительно это, потому что она была женой народного судьи.

Этот тяжелый год, хоть и с большими потерями, мы прожили, следующий год был немного спокойнее в том плане, что вышел указ Сталина: "Сын за отца не в ответе, так же как и отец за сына".

Аресты не прекратились, но арестовывали уже по существу, за преступления или нарушения, совершенные на самом деле. Всех, кого до этого арестовали, называли троцкистами. Я была маленькой, политически безграмотная и думала, почему арестованных так называют. Уже когда подросла, поняла, что "троцкисты" это противники большевиков и название свое они получили от фамилии предводителя – Троцкого.

В 1938 году и наша семья пострадала. В этом году моя старшая сестра закончила педтехникум. Все однокурсники были в нее влюблены, и не только они. Все, кто ее видел, сразу влюблялись, но зная, чья она дочь, не решались посвататься, сознавая, что могут получить отказ. Влюбился в нее и начальник НКВД Адигенского района Миша Блудов. Когда она сказала, что он хочет взять ее в жены, все, как один, высказались против. Тогда он через нее передал родителям, что если не дадут согласия, он их арестует по той причине, что они не признают русских и получают разжигателями национальной вражды между русскими и мусульманами. Мой Али-эми на это ответил: "Пусть арестовывает меня, напугал. Пусть я страдаю, а ее спасу. Как нам жить потом среди нашего народа. Нам не скажут – что, наши женихи перевелись, что за русского отдали?" Но он так напугал сестру, что, чтобы отвести

от семьи беду, она согласилась выйти за него замуж. Долго гудели родня, земляки, друзья. Все осуждали нашу семью за это, но сделанного было уже не переделать. Потом, когда нас всех выслали, а их не тронули, мама с папой немного успокоились. Это был тот самый случай, когда говорят: "Не было бы счастья, да несчастье помогло".

Мама рассказывала, что когда мне было 8 месяцев, я начала ходить, а в год начала говорить. В полтора года я просила всех, чтобы они поговорили бы со мной. Взрослые не отказывали мне и садились напротив:

– Ну давай, поговорим!

– Я же маленькая, я ничего не знаю. Вы расскажите что-нибудь, а я послушаю.

Однажды мама должна была куда-то уйти и оставила меня у соседей, которые жили на втором этаже. Женщины сидели на балконе и чистили кукурузу от початков, я была рядом с ними. В детстве я была очень полная и меня называли Гаран-ханум, была у нас в селе такая полная женщина с таким именем. Оказывается доски балкона были просто приставлены и когда я подошла и облокотилась на них, со второго этажа упала на каменные плиты двора. Мне повезло, если здесь уместно это слово, что калитка была закрыта, иначе острые рейки калитки меня проткнули бы. Сразу все сбежались, стали щупать меня. Врач осмотрел, сказал, что я ничего не поломала, кости были целы. Дедушка мой, во избежание кровоподтеков, а может быть не только из-за этого, зарезал черного козла и меня завернули в теплую шкуру. Некоторое время я лежала в этой шкуре. К вечеру меня развернули. Мама рассказывала, что я удивительно легко отделалась, но стонала. У меня была новая большая кукла, которую мне подарили, но ее мама мне пока не давала, потому что она была чуть меньше меня, я могла ее не удержать и разбить. Мы договорились, что когда я немного подрасту, тогда буду играть с этой куклой. Но случай был исключительный, надо было отвлечь мое внимание от боли и мама, уложив меня в постель, положила рядом со мной эту

куклу и попросила папе не говорить, что я упала с балкона. Папа в детстве очень любил меня. Какой бы уставший не приходил, подбрасывал меня на руках и играл со мной. Он был в командировке в Тбилиси. В этот день он доехал до Боржоми и, не дожидаясь утра, нанял фазтон и приехал домой. Я как услышала, что папа зашел в дом, стала стонать.

– Что с ребенком? Почему стонет?

– Ничего особенного, немного приболела, – ответила мама, в надежде, что мы же договорились и я ничего не скажу. Но не тут то было. Я со своей кровати стала жаловаться папе:

– Она неправду говорит. Я не приболела, папа, меня уронили с балкона.

В 1939 году с интервалом в полгода у нас появилось сразу два ребенка. Пока родила моя сестра девочку, назвали ее Лариса. Потом родила мама девочку, ее по метрике записали Назлия, а на самом деле звали Эмма. Когда Эмме было три или четыре месяца, маму направили на курсы усовершенствования учителей на полтора месяца в Тбилиси. Это было в 1940 году, летом. Я поехала с мамой, потому что Эмму не с кем было оставить. Когда мама была на курсах, я смотрела за ребенком. Когда Эмме был год, она простудилась. Говорили, воспаление легких, потом воспаление бронхов. Детских врачей в Рабате не было. Один врач Шенгелия был и педиатром, и терапевтом, и хирургом. Он сказал, что нужно срочно отвезти ребенка в Тбилиси. Она уже задыхалась. Родители повезли ее в Тбилиси. По дороге заехали в Аццури. Дедушка увидел ребенка в таком положении и не разрешил везти дальше.

– Вы что, хотите, чтобы она по дороге умерла? – спросил он у родителей. Эмму понесли в Аццурскую восточную баню. Через два дня они вернулись домой. Эмма уже не задыхалась и постепенно вылечилась. Вот такая волшебная была эта баня.

Пока я была дома, до года я помогала маме в уходе за ребенком. Ни яслей, ни детсада в Рабате тогда не было. Через год я поступила в техникум и уже не могла оставаться с ребенком. Тогда мама из Горгули перешла в Цре, потому что

это было ближе к Рабату. Совсем не работать маме не могла, папиной зарплаты не хватало. Мама оставляла Эмму у хозяйки, в чьем доме была школа, после работы забирала и пешком из Цре с ребенком на руках шла домой.

В детстве Эмма была такая же полная, как я. Аппетит был хороший. Очень любила топленое масло, могла горстями его кушать. У нас в доме постоянно было в глиняных горшках топленое масло в шкафу.

Эмме было два года. Мы остались дома одни. Она играла, я подметала комнаты. Вдруг я слышу, как она идет и говорит мне: "Я птичку поймала, я поймала птичку". Я посмотрела на эту птичку и как закричу! Я с детства мышей боялась, а она держала за хвостик мышку, и счастливая шла ко мне на встречу. Когда я закричала, она с испуга отпустила мышку.

Оказывается, она шла к шкафу, чтобы полакомиться своим любимым топленным маслом, а мышка пробежала рядом со шкафом. Как она умудрилась ее поймать, не знаю, но поймала.

В 1940 году я заболела малярией и три года каждое лето у меня начинались приступы. Какие уколы ни делали, ничего не помогало. Врач выписал какие-то желтые таблетки, от которых я вся пожелтела, но не пить я их не могла. Если с утра все было хорошо, во второй половине дня начинался приступ. В такую жару меня начинало колотить от холода, и я никак не могла согреться. Потом эти желтые таблетки заменили на белые. Они мне очень помогли, и я выздоровела.

Годы войны были тяжелыми для всей страны, здесь я ничего нового не скажу, как говорится "Америку не открою". То, что я так хорошо все помню, что и как все было, тоже не удивительно, потому что была уже подростком. Но что моя сестра младшая тоже что-то помнит, ведь ей не было четырех, когда нас выслали, я узнала сейчас, когда начала писать и эта тема у нас в доме снова поднялась.

Оказывается, она помнит, как мы ехали в вагоне, она захотела пить и не смогла вытянуть из чайника воду, потому что вода замерзла.

Она помнит, как перевернулась машина с людьми, сидящими на грушах, которая ехал впереди нас. Помнит, как мы, уже сидя в грузовике, проезжали мимо нашего только что построенного дома в Ацкури и как жена дяди, увидев нас в машине, стала бить себя руками и кричать:

– Ты смотри, вы тоже среди всех. Я не думала, что вас тоже могут выслать. – Она имела ввиду, что у папы была броня и, кроме того, он был народным судьей, а его, как простых смертных, в общей массе выслали.

* * *

События в Фергане и их последствия – это отдельная тема. Я, правда, сама не видела, что там творилось, но по рассказам очевидцев, я себе довольно ясно представила, что там произошло.

После разгрома в Фергане, месхов на самолетах снова начали разбрасывать по стране. Одна часть попала в Белгород. Оттуда по несколько семей расселили по деревням. Рассказ очевидца:

То, что делали и как издевались над месхами в Узбекистане разбушевавшиеся молодчики, вспоминать страшно. Сожгли дома, машины, это их не успокоило. Они ловили выбегавших из горевших домов людей, мужчин привязывали к деревьям во дворе и на их глазах насиловали их жен, дочерей. Сбрасывали связанных парней в пустые оросительные каналы, а потом пускали воду, догоняли бегущих и поджигали их, вешали, резали. Стреляли из ружей в выбегавших из домов. С канистрами бензина носились по улицам, обливали и поджигали дома, машины, людей, которые не до конца сгорели. Немногим удалось спастись.

Возле одной деревни, в которой расселили месхов, было болото. Сто двадцать изнасилованных молодых девушек и женщин, взявшись за руки, вошли в болото. С воздуха на вертолетах спасатели пытались вывести их из болота, которое уже

засасывало их, но они еще крепче взялись за руки и со словами: "Мы не сможем жить с такой позором. Как мы будем смотреть в глаза наших мужчин посла такого", продолжали отказываться от помощи. Ни одна не отступилась от своего решения, все 120 погибли в болоте.

Про это нигде никогда не писали. Как будто этого всего не было, так же как и высылки. Второй раз этот народ истребили. Многие не понимают, почему они хотят вернуться в Грузию и жить компактно. Да потому, что они устали оплакивать мертвых, заново строить дома, начинать в который раз с нуля. Они хотят жить у себя на родине, чтобы им никто не указывал на дверь. В чем же вина? За что с ними в течение 50 лет два раза так жестоко обошлись? Это ли не геноцид? Наш народ пришел на эту землю, вероятно, для того, чтобы быть раздавленным. Сколько столетий это продолжается и будет ли этому когда-нибудь конец. Прошло полвека, но до сих пор люди страдают от последствий ссылки 1944 года. Когда я поехала навещать заболевшего Али-эми, он рассказал эту историю. Две сестры, у которых мужья погибли на фронте, были высланы. У одной было много детей. Когда она поняла, что всех она не прокормит, старшего сына она оставила с собой, а всех остальных сдала в детдом. Так она избавила их от голодной смерти. Прошли годы. После реабилитации, они поехали в Азербайджан и поселились в Хачмасае, там же где жил Али-эми. Сын одной из них тогда учился в Ташкенте, заканчивал медицинский институт. Он влюбился в девушку, которая училась на начальных курсах в том же институте. Девушка была из детдома. Без разрешения матери сын не хотел привести жену в дом и поехал к матери за разрешением. Все ей рассказал и сказал, что если она будет против, он вообще никогда не женится, потому что такую больше не встретит.

– Жить тебе с ней, раз любишь, женись, я ничего не имею против.

Они там же в Ташкенте поженились. На летние каникулы сын с молодой женой приехал к матери. Что-то екнуло в материнском сердце, когда она послушала девушку. Ей даже страш-

но было подумать о том, что в мыслях зародилось. И по внешности, и по рассказам – это была ее дочь, которую она сдала в детдом. Своими мыслями она поделилась с сестрой. Под предлогом, что идут купаться, они пошли в баню. То ли родинка, то ли шрам был на теле девушки, который развеял все сомнения матери. Ее сын женился на своей сестре. Что же делать? Как ему это сказать, и как дальше с этим жить? Она поникла. Как бы она обрадовалась, если бы встретила дочь в другой ситуации! Вышли из бани, она отдала сестре узелок с вещами, сказала, что ей плохо и хочет немного прогуляться.

– Вы поставьте чай, накройте на стол, я через полчаса приду.

Долго ждали ее, потом начали искать по соседям, но нигде не нашли. Два-три дня искали ее, спрашивали видевших ее. Через несколько дней нашли ее труп далеко то Хачмаса, на берегу реки, вода выбросила ее. Сын не мог понять, что произошло и чтобы все всем было ясно, тетя рассказала племяннику, что послужило бы причиной самоубийства матери. После разговора с тетей, он поднялся на крышу своего недостроенного дома и повесился на балке. Об этой истории Али-эми и его земляк, учитель Бахрам, написали статью и вместе с рукописью книги о месхах, которую они вдвоем писали, понесли в издательство "Азернэшир". Редактор, прочитав и рукопись книги, и статью, сказал: "Вам что, на свободе жить надоело? Унесите и забудьте об этом! Они, прошедшие не одни мельничные жернова жизни, молча взяли свою рукопись, статью и вернулись домой.

До событий в Фергане в Узбекистане жила моя двоюродная тетя – Цицина-биби со своими тремя дочерьми. Мужу одной из дочерей не подходил тамошний климат, он постоянно болел, и хотя они там неплохо жили, а сам Бадри работал вторым секретарем Аккурганского райкома партии, они оттуда переехали в Хашури. Старшая сестра, немного упрямая, осталась в Азербайджане.

– Если я вернусь в Грузию, то только в Ацкури, а если туда не смогу переехать, какая разница, где жить.

Две другие со своими семьями поселились Цхрамуха. За Бадри Метонидзе поручился начальник милиции этого района. Их отцы были друзьями детства. Конечно, дальше шлагбаума их не пускали, и они только издали могли смотреть на знакомые до боли с детства места. Однажды к ним в гости приехала старшая сестра из Азербайджана. Они повезли ее в Боржом, доехали до шлагбаума, а дальше можно было только издали любоваться. Годисские сады самое близкое место, которое можно даже потрогать. Самый крайний сад был ихним в те далекие времена. Они подошли поближе. Ветки кизилового дерева из их сада перешли "границу" и росли так, что можно было сорвать плоды.

– Давай сорвем кизил, хоть попробуем, что посадили, – сказала одна из сестер. И тихо, чтобы не привлечь внимание окружающих, они стали "воровать из своего сада кизил". Скрывают, а сами умирают со смеху.

– Дожили до того, что со своего сада ворует!

Когда Бадри Метонидзе переехал со своей семьей в Хашури из трех сестер вместе с ним переехала младшая сестра жены с мужем и тремя сыновьями. Дочка их уже была замужем и осталась в Алимкенте со своей семьей.

Когда начались в Фергане погромы и поджоги, дочь взяла своих детей, спасаясь, приехала к старшей тете, в Азербайджан, и попросила ее повезти их к родителям, потому что, во-первых они убежали в чем были, а во-вторых, одна с детьми она не рискнула поехать сразу в Грузию. Самому старшему ребенку было 6-7 лет. Все жители Цхрамуха, узнав, что они убежали из Ферганы, забеспокоились.

– Теперь они все будут под видом поиска приюта, приезжать в Цхрамуха. Этого нельзя допустить.

Соседи стали приходиться и требовать, чтобы приехавшие уезжали из деревни, а не то они подожгут дом. Маленьких детей боялись выпускать во двор, чтобы с ними ничего не сделали. Там, где они жили в Алимкенте ни гор, ни лесов нет. Здесь же детей с трудом удерживали, чтобы они не вышли за забор, за которым сразу начинался сказочный лес: Бабушка

сажала их на подоконник, чтобы они из окна смотрели на эту красоту и жизни их не угрожала бы опасность. Но бдительные соседи это обнаружили и однажды завесили окна старыми паласами снаружи, чтобы они не то, что любоваться, а даже взглянуть не посмели на эту красоту, а то не дай бог, привыкнут. Но этим жители деревни не ограничились. Они поставили ультиматум Фэзлии – бабушке детей.

– Если не забереешь их отсюда, мы уьем их и дом подожжем.

Она собрала их и переехала к старшей сестре в Азербайджан. Потом два старших сына с семьями уехали из Цхрамуха в Краснодарский край. Они взяли с собой и сестру из Азербайджана. В Цхрамуха остались вернувшаяся Фэзлия с младшим сыном и его семьей. Там уже были похоронены муж, которого десять дней не разрешали хоронить, мать мужа и внучка. Она не могла бросить их могилы. Потом Фэзлия тяжело заболела. Сыновья напомнили ей, как трудно похоронили трех покойников и, во избежание новых трудностей, забрали ее к себе, в Краснодарский край. Спустя некоторое время она там умерла. В Хашури до сих пор живет младший сын Фэзлии с семьей. Хоть жизнь такая его не устраивает, но продать дом он не смог, а оставить дом и уехать не получается, без денег он не сможет купить дом там, куда переедет. Так и живет в Хашури в огромном доме, рассчитанном на троих братьев.

Когда в 1954 году нас реабилитировали, у нас появилась возможность вернуться в Грузию., Ностальгия по родине, тоска по старшей дочери так затуманила головы моим родителям, что в двухнедельный срок мы собрались и приехали в Тбилиси. Мы думали, что с переездом в Грузию закончатся все наши беды и несчастья. Мы перестанем быть чужими, и станем наконец-то, своими среди своих. Пока дети учились в школе, потом в институтах, нам было не очень комфортно, но только из-за того, что мы оторваны от основной массы народа. Нас никто не знает, мы никого не знаем. Ни праздник не отметишь, ни на свадьбу не пойдешь. Но поскольку вся страна отмечала

только общепринятые праздники, и мы отмечали их вместе со всеми. В суете жизни это как-то остро не воспринималось и не чувствовалось, не было такой проблемой, которую пережить нельзя было бы. Но когда настала пора нашим детям создавать свои семьи, тогда родители поняли, какую ошибку они совершили. Они не учли, что Грузия не захочет принять месхов, и мы окажемся единственной семьей здесь. Кто мы для Грузии? Татары?! В результате мы стали чужими среди своих. У месхов, когда выдают замуж дочерей или женят сыновей, до седьмого колена узнают родословную. Потому и семьи бывают крепкие. Развод для месхов это такой позор, что из этой семьи уже никто не сможет ни жениться и ни выйти замуж. А здесь кто нас знает? Или кого мы знаем? Нас называли татарами, но мы не чувствуем себя ими. Наши дети, если не лучше, но и не хуже детей других народов, проживающих в Грузии. Но привычка вешать ярлыки и по этим ярлыкам принимать человека, укоренилась по всей стране. Кого полюбили наши дети, их родня не приняла. Кто сватался к нашим детям, мы не отдали, потому что мы не азербайджанцы. Я понимаю, мне могут возразить, что из ста процентов вступивших в брак, не бывает принято противоположной стороной процентов 70-80, но только не у месхов. В итоге из потомства трех сестер дочь старшей сестры вообще не вышла замуж. Из моих детей сын женился, дети смогли восстановить фамилию Вачнадзе, знают в совершенстве грузинский язык и живут как все. Дочь вышла замуж за одноклассника, он армянин. У нее две дочери. Старшая вышла замуж за грузина, но семья мужа не приняла ее.

– Сомех-татары нареви ра унда икос? (Полуармянка-полутатарка, что из себя может представлять?)

Она разошлась. Работая в посольстве Украины в Грузии, она с ребенком (Тинатин) вышла замуж за гражданина Украины (слава Богу счастлива) и уехала отсюда, потому что отец ребенка хотел выкрасть ее. Второй дочери (моей внучке) повезло больше, у ее мужа здесь никого не осталось, а родители умерли. Она приняла фамилию мужа – Гвелесиани и, надеюсь,

ее дочь (моя правнучка) Элене Гвелесиани, тоже когда-нибудь станет своей среди своих, если не будут копать в родословной. Первая внучка Тинатин Элизбарашвили мечтает вернуться в Грузию, чтобы посмотреть в глаза отца и спросить, почему он не смог защитить свою семью, но фамилию свою менять не собирается.

– Пусть меня такой полюбят и возьмут в жены, я не собираюсь ни под кого маскироваться, – говорит она.

Сейчас ей 13 лет.

Дети моей младшей сестры уехали учиться в Москву в Военную Академию и не вернулись обратно, понимая бесперспективность со своей фамилией Бунятов возвращаться сюда. Там женились и осели навсегда в России.

До сих пор, когда меня встречают наши старые или новые соседи, говорят:

– Где были твои глаза, когда женила и выдавала замуж своих детей?

Что я могу ответить? Я молчу. Глаза то были на месте, а вот все остальное помешало им создать счастливую семью.

Месхам, желающим восстановить свои фамилии и национальность в 1989 году разрешили представить документы в Министерство юстиции:

1. метрику – подлинник;
2. паспорт – копию;
3. фотокарточки – двух размеров 4 шт.;
4. архивную справку – подтверждающую наше происхождение.

Родителей уже в живых не было. Мы, три сестры, собрали все документы, которые были у нас в доме. Оставалось взять архивную справку.

Целый месяц мой сын, Гасаев Рауф, безрезультатно пытался войти в здание Государственного архива, но надежды не терял. В очередной раз, когда ему было отказано, рядом оказался Мераб Костава. Это был 1990 год. Он заинтересовался:

– Кто ты и чего добиваешься?

– Я месх и хочу взять справку для восстановления национальности и фамилии. Более месяца я сюда хожу, но безрезультатно, меня не пускают внутрь. Вот и сейчас вы сами убедились в этом.

Мераб Костава завел моего сына в архив и попросил работников выслушать его и помочь. Стоял до тех пор, пока пришли и выдали архивную справку.

Все документы были собраны, откладывать не было смысла и мы понесли их в Министерство юстиции Грузии. В одной общей папке были документы всех трех сестер и пятерых наших детей. Папку у нас взяли, но никакой бумажки о получении у нас этих документов нам не выдали. Только устно сказали:

– Ждите общего указа, ваши документы будут рассмотрены вместе со всеми, вы получите повестку.

Мы ждали с 1990 года до 1993 года. Повестки нам так и не прислали. Мы поняли, что ждать не имеет смысла и обратились с просьбой вернуть нам наши документы. Папка с документами не нашлась. Вместо восстановления утерянных фамилий, нам пришлось восстанавливать потерянные документы. Труднее всего было восстановить метрики.

Мы обратились к профессору Гураму Мамулия, который работал в службе репатриации по делам месхов. Рассказали ему нашу беду. Внимательно выслушав нас, он сделал все, что было в его силах. Он всем трем сестрам выдал справки о том, что наши документы находятся на рассмотрении в Министерстве юстиции. Это была страховка на всякий случай, пока мы смогли бы восстановить метрики. 12.11.93 года мы получили от "Комиссии по защите прав человека и по делам национальных меньшинств" эти справки.

Все наши дети с надеждой, но с большим сомнением ждали, чем все это кончится. Они очень хотели верить, что у нас получится восстановление фамилий и национальности. Сколько раз они были немymi свидетелями наших разговоров о восстановлении наших прав на возвращение, но ... каждый раз раз-

говоры так разговорами и заканчивались. И на этот раз они с самого начала не верили, что нам что-то удастся сделать, но, несмотря на это, терпеливо ждали. Когда мы вернулись с пустыми руками и с озабоченными лицами, они сразу все поняли.

– Мало вам было забот, теперь вы вообще никто, ходите, доказывайте. Прошое не восстановили, настоящее потеряли!

* * *

Папа мой был атеист, мама верующая. Вопрос веры в доме остро не ставился. Главный достоинством в семье считалась порядочность. Когда дети мои росли, вопрос веры даже не поднимался. Я даже знаю многие семьи, которые скрывали, что они крещенные – время было такое, ничего удивительного в этом не было. Но когда был снят запрет и вера превратилось в нечто само собой разумеющееся и даже обязательное внуки были уже совершеннолетние и сознательно приняли христианство. Они эту веру выбрали сами и каждый из них пришел к этому своим путем. Пока приняла христианство дочь старшей сестры. Потом мои две внучки, дети дочери в 1990 году попросили родителей крестить их. А в 1994 году приняли христианство дети сына.

В отличие от внуков, мои правнуки, а их у меня пятеро, с самого рождения крещенные. Хорошо, что хоть это мы можем сделать сами, без государства. У наших предков, месхов-христиан, сначала веру насильно поменяли, а потом национальность и фамилии поменяли. Если подходить к этому вопросу с точки зрения, что "все возвращается на круги своя", или, как говорила моя мама: "Приходит время, и высохшее русло реки снова заполняется водой", то недалек и тот день, когда наши надежды и мечты сбудутся.

В моей семье правнуки сделали первый шаг, Бог даст, он будет не последним; и за ним последует восстановление как национальности, так и фамилии. Я очень на это надеюсь.

Одним из тех, кто в суровые годы запретов и наказаний

бился в глухую стену, пытаюсь достучаться до правды, был Халил Гозалишвили. Первый раз он приехал к нам в Тбилиси с Латифшахом Бараташвили. Они были единомышленниками и друзьями. Каждый своей приезд в Тбилиси после того он останавливался у нас, потому что представителей месхов, по устному приказу "сверху", в гостиницы не принимали. Потом он познакомился с Зурабом Мамаладзе и когда ему предстояло надолго оставаться в Тбилиси, он жил у него. В основном, это было во время летних каникул. Он преподавал историю в школе и только на каникулах мог позволить себе поездки. Его сын говорил:

– Мой папа работает 24 часа, а зарплату его мы не видим.

На свою зарплату учителя он умудрялся ездить в "командировки", чтобы добиться полной реабилитации месхов. Он был одним из многих, которые приезжали к нам и дожидаясь, пока его примут в правительстве Грузии, жил у нас. К тому времени он был тяжело болен. Сознывая, что это борьба – долгий процесс, и он может не успеть за свою короткую жизнь довести начатое дело до конца, Халил Гозалишвили начал писать книгу (это были 90-е годы). К сожалению, он не смог ее издать, она так и осталась рукописью, слава Богу законченной. Я благодарна "Кавказскому дому" и Наире Гелашвили за то, что она взяла на себя ответственность издать книгу этого замечательного и самоотверженного человека, истинного патриота своего народа к 60-летию депортации месхов. Как бы он обрадовался, если бы жив был!.. Никому не удалось при жизни издать книгу. Только детям борца Латифшаха Бараташвили удалось опубликовать в журнале "Гантиади" мемуары своего отца под названием "Мы – месхи".

ПОЕЗДКА В МЕСХЕТИЮ

Мои друзья из "Кавказского дома" пришли первого августа 2004 года поздравить меня с днем рождения. В этот день мне исполнилось 78 лет.

Михо Берошвили, Тамрико Уджуху, Анико Абрамишвили пришли лично поздравить меня, остальные поздравления я в этот день принимала по телефону. Мне было очень приятно, что они меня помнят, и любят. Внимание друзей продлило мою жизнь еще на несколько лет. Я всем им очень благодарна.

Наутро была назначена поездка в Месхетию по поручению Наиры Гелашвили. Это был самый большой подарок, который можно было бы подарить мне в день рождения. После поздравлений и приятных воспоминаний, мы обсудили организационные вопросы этой поездки. На следующее утро Михо и Тамрико подъехали к моему дому и мы выехали в путь. Я очень волновалась, взяла с собой все свои лекарства, аппарат для давления. Всю дорогу Михо и Тамрико зорко следили, чтобы не прозевать начала приступа сердечного или поднятия давления. Они так опекали и заботились обо мне, что мне даже неудобно стало, что я так их обременяю. Со времени моей первой, но как оказалось не последней поездки в 1989 году Месхетия изменилась. Проезжая мимо Хашури я вспомнила, что в Цхрамуха жили месхи, дочери моей двоюродной тети, Цицина-биби. Дорогу к их дому я забыла. Машину остановили около магазина, где стояло несколько мужчин. Я спросила у них дорогу к дому Фадли Аревадзе.

– Ну как же не знаем, – и показали как проехать к дому.

Немного проехав, встретили женщину. Я, на всякий случай, хотела еще раз уточнить, правильно ли мы едем.

– Татареби? Да, правильно едете, – и показала рукой дом.

Я не утерпела и возразила:

– Месхеби!

Но она на это не обратила внимание, у нее в мозгу уже укоренилось татареби и менять это она не собиралась, впрочем, как многие. Когда подъехали к дому, ворота были закрыты. Я стала долго-долго стучать по воротам. Сквозь ветви деревьев я в окне дома заметила лицо выглянувшего мужчины и помахала ему рукой. Через некоторое время открылись ворота и на пороге появился Фадли. Ему 75 лет, но выглядит как глубокий старец. Он завел нас в дом. Огромный двухэтаж-

ный дом, аккуратный, чистый. Все на своих местах. Во дворе коровник для скота такой, что у некоторых людей дома такого нет. На балконе второго этажа аккуратно разложенные на фанерах сушатся сливы. Оказывается, он сам их сушит, жалко плоды, которые падают с дерева.

– Если сам не успею покушать, кому-нибудь Христа ради отдам, – сказал он.

Весь второй этаж – пустые, чистые отремонтированные комнаты. Все сделано своими руками. На первом этаже он устроился в одной комнате. Обнимая меня при встрече, он на мой вопрос, узнал ли он меня, ответил: "Как я могу тебя не узнать, ты как добрый ангел всегда в трудную минуту появляешься в моей жизни, приходишь на помощь. Вот и сейчас ты вовремя приехала. Вот и на этот раз, Бог даст, тоже поможешь. Я хотел сам приехать к тебе в Тбилиси, чтобы рассказать о своем положении". Тринадцать лет назад, когда заболела моя жена, мне сказали, что ей осталось жить 3-4 месяца. Я поверил врачам, и чтобы не было проблем с похоронами, отправил ее в Казахстан. Врачи ошиблись, она до сих пор там живет. Потом стали из Тбилиси приезжать какие-то люди и, угрожая, что детей убьют, дом подожгут, стали вымогать деньги. Опасаясь за жизнь детей, я их тоже отправил отсюда. С тех пор живу один в этом огромном пустом доме. Работы нет. Дом продать и уехать не могу, не продается. Раньше хоть пенсию давали, что-то из магазина покупал, теперь этого тоже не дают. Всем, кому давали вместе со мной, продолжают давать, а мою пенсию отменили. Сообщить детям не могу, да и не хочу их будоражить. Вот так и не умираю, и не живу. Чтобы хоть на что-то заработать, я согласился сколачивать ящики. Привозят во двор рейки, я их целый день набиваю и складываю во дворе. Вдруг стал замечать, что наутро ящиков становится меньше. Оказывается, мои соседи-осетины ночью ящики воруют. Не могу же я все это в дом заносить? Не знаю, что и делать!

Он стал доказывать Михо и Тамрико что месхи – грузины! Вытащил фотографии своих предков. Дед его стоит в чоха, на нем серебряный пояс с висюльками.

– Посмотрите, этому поясу триста лет. У кого найдется такой пояс. На их лица посмотрите, на мое лицо посмотрите, на мой нос, на профиль... – он плачет.

– Почему я должен доказывать, что грузин, хотя, если надо, я и доказать могу. Я приехал сюда не из-за того, что я там нуждался. – Он вытащил фотографию своего трехэтажного дома в Джамбуле, в Казахстане. – Я ехал на Родину, я столько лет мечтал о ней. Сюда меня ностальгия тянула, – снова плачет.

– Теперь я медленно умираю на Родине и молю бога, чтобы поскорее умер, потому что так жить невозможно. Я сижу даже не на той земле, к которой ехал. Смотрю в сторону Родины, один без родных, без семьи, без средств к существованию. За что? – он плакал, все путался, всем своим видом он хотел доказать, что он грузин... Он просил помочь ему восстановить пенсию, чтобы хотя бы на хлеб были деньги.

– Дом продать я не могу, не покупают. Надеются, что скоро умру и даром достанется, зачем тратить деньги. А оставить и уехать жалко. Я же все это с такой любовью делал своими руками, думал что этот дом останется моим детям на память от меня. Вот так и живу, если это жизнь.

Мы успокоили его: "Сейчас мы едем в Ахалцих, на обратном пути обязательно заедем к вам". Нам так жалко стало этого старика, все мы плакали вместе с ним. После Хашури направились в сторону Ахалцихе. Проехали Боржоми и едем в Аццури. От Боржоми дальше по дороге Зорети. Когда заехали в Зорети, на станции я увидела товарные вагоны. Сердце сжалось, в памяти проснулись воспоминания тех тяжелых дней. Та же станция, те же вагоны, только пустые и поновее. Я попросила остановить машину. Остановились, вышли из машины, прошли по путям, подошла к вагонам, даже потрогала. Сердце от боли сжалось, вспомнила как 60 лет назад нас на этой же станции по спискам впихивали в вагоны, вспомнились лица людей, которых уже нет в живых. Расстроилась. Расплакалась.

Снова сели в машину и дальше поехали. Жизнь сыграла

злую шутку, надо же было так случиться, что именно когда мы проезжали, на станции Зорети стояли эти вагоны, которые всколыхнули воспоминания, не очень приятные для меня. Я помнила, что дальше был шлагбаум, после которого первый двухэтажный дом отсюда слева был наш. От грозного шлагбаума остались только столбики. Проехав столбики, я стала внимательно вглядываться по всей левой стороне дороги. Память меня не подвела. Я нашла и узнала наш дом. Попросила остановить машину. Мы снова вышли. Подойти очень близко к дому я не осмелилась, чтобы не встревожить жителей. Издалека посмотрела на дом, а потом стала смотреть на крепость, оттуда она хорошо видна и, как будто невзначай, обращившись на наш дом. Не знаю, какой он сейчас изнутри, но снаружи он имел очень жалкий вид. Не таким я его запомнила. Тогда он был только что построенный. Проезжая мимо на грузовике, нам, сидящим в машине, он тогда очень понравился. Видимо, новый хозяин не очень-то заботился о нем, ему же это даром досталось и прошло с тех пор больше полувека. Стоит, и слава Богу!

Немного постояв, мы сели в машину и поехали к тем людям, к которым должны были зайти в Аццури. Их дома не застали, они уехали в Ахалцихе и мы тоже поехали туда. Недалеко от Ахалцихе в селе Мугарети живет семья Ладо Беридзе – они месхи-мусульмане. Мы заехали по дороге к ним. Дома были только пожилые родители Ладо. Немного с ними пообщались, и, не дождавись Ладо, решили не терять времени и на обратном пути еще раз заехать. Родители сказали, что они будут вечером дома, сейчас все на работе. Сам Ладо – бывший летчик, сейчас работает на железной дороге, другой работы не нашел. Жена его, Гюльнара, работает в больнице медсестрой. Это в Ахалцихе. Двадцать лет назад он оставил работу и взял участок в Мугарети, потому что родители захотели жить в древне, а одних их он не смог оставить там. Дочка Ладо заканчивает в Батуми медицинский институт. дома они разговаривают на грузинском. Наш язык знают только взрослые. Все это мы узнали от родителей. Они попросили, чтобы

ночевать мы к ним приехали, тогда сможем пообщаться со всей семьей. Дальше поехали в Ахалцих. Встреча опять не состоялась, люди по своим делам выехали – кто в Тбилиси, кто в деревню, и мы вернулись снова в Мугарети. На этот раз вся семья была дома. И нас ждали. Накрыли такой роскошный стол, что нам стало даже неудобно, что так побеспокоили хозяев. После ужина мы до полуночи сидели за столом в саду и разговаривали. Я разговаривала с родителями. У нас и интересы общие, и по возрасту подходим друг другу, и есть что вспомнить.

Мы вспоминали дни высылки. Мать Ладо Беридзе, Тасико, сама грузинка-католичка (пранги). Когда она вышла замуж за месха-мусульманина приняла мусульманство. Хотя по правилам высылки население, не принадлежащее к месхам-мусульманам могло остаться, она поехала вместе с мужем, который только что вернулся с фронта с ранениями, и двухгодичной дочкой Анико в ссылку. Женщине сейчас больше восьмидесяти лет, но то, что произошло тогда, до сих пор давит на сердце. По дороге, когда уже ехали в сторону Урала, начались морозы. Она разрывалась между раненым мужем и маленькой дочкой. Морозы были такие, что вода в посуде замерзала. Девочка начала болеть. А однажды она нашла ее замерзшую. Она старалась утаить ее от конвоя, но они нашли ее и выбросили на снег. Воспоминания так расстроили ее, что у нее поднялось давление. Ее уложили и на эту тему больше не говорили, во избежание печальных последствий. Когда я писала о ней, позвонил Михо Берошвили и сказал, что она умерла. Еще один свидетель ушел из жизни, царствие ей небесное, пусть земля ей пухом будет.

Я приобщилась к Тамрико и Михо, которые разговаривали с молодыми.

– Как я помню, Мугарети был высоко в горах, потому месхи-мусульмане только веру приняли, язык остался грузинский, потому что надзиратели-турки туда не поднимались. До последних дней они разговаривали по-грузински, будучи мусульманами, – сказала я, вступая в разговор.

– Да, это старое село, из него были высланы прежние жители. А когда привезли новых, из других районов, они со временем стали строиться поближе к дороге и постепенно все село спустилось вниз. Шесть сел, из которых были высланы месхи-мусульмане взяли себе новые жители нового Мугарети. Теперь у этих жителей столько земли, что они не успевают обрабатывать ее и земли гуляют, – ответили они.

– А как к вам, месхам-мусульманам, относятся соседи. Помогают ли вам?

– Я за столько лет ни разу ни к кому не обращался за помощью. Но наша помощь соседям часто бывает нужна. Ни я, ни моя жена никогда никому не отказываем. А так, с соседями живем дружно и то, что мы мусульмане, никаких препятствий нам не создает. В общении с соседями проблем нет – язык мы знаем и друг друга прекрасно понимаем.

Эти разговоры меня тоже разворошили и у меня поднялось давление 250/100. Тамрико очень испугалась, но жена Ладо, Гюльнара, успокоила ее: "У меня все под рукой, успокойтесь и не волнуйтесь".

Она уложила меня около себя и всю ночь держала мою руку, чтобы во время прихода на помощь. Но, слава Богу, помощь не понадобилась. В семь утра мы встали, чтобы не беспокоить гостеприимных хозяев, хотели тихо уехать, но не тут то было. Пока мы не позавтракали, нас не выпустили из дома. Гюльнара ехала на работу в Ахалцих, она была в этот день дежурная в больнице. Мы ее высадили около больницы, а сами поехали к месхам. Нашли Мамуку Хуцишвили. У него в Ахалцихе свой дом и небольшой магазин. Он хорошо устроен. Мы пришли к ним домой. У Мамуки "золотые руки". Несмотря на молодость, он так красиво и хорошо все в доме обустроил, мебель выглядит как импортная. На всю стену он сделал этажерку. Мы ходили, смотрели и восторгалась. У него две дочки школьного возраста и мальчик дошкольного возраста. Дочки ходят в грузинскую школу. Они дуэтом прочитали нам на грузинском поэму Ш. Руставели "Витязь в тигровой шкуре". Одна из них сыграла на пианино, другая – спела. Оказалось, что и

мальчик знает стишки, но постеснялся и не зашел в комнату. Сам Мамука очень коммуникабельный и общительный. У него там много друзей. За помощью к нему многие обращаются, знают, что в помощи никогда не откажет. Это касается не только месхов, он помогает абсолютно всем.

В Ахалцихе 12 семей месхов-мусульман, правда живут они не по соседству, но в одном городе. Все довольны своей жизнью. Мамука сказал, что все они хотели с нами встретиться и ждут нас, но мы не успевали посетить всех. О них мы спросили Мамуку.

– Дети могут получить образование на грузинском. Не выезжая из Ахалциха могут получить высшее образование. Даже самый большой вопрос месхов-мусульман – похороны – тоже улажен. Там для детей-месхов и детей неимущих открыта школа. Цира Месхишвили в своем доме обучает музыке, языкам, помогает детям делать после школы уроки, открыты разные кружки. Дети даже в субботу и в воскресенье приходят туда. Более 100 детей обучаются в этой школе.

Мы встретились с ней. Она среди населения проводит работу по вопросам месхов-мусульман. Выступает по телевизору, объясняет, доказывает, что месхи наши братья и мы их должны принять и признать.

Мы поехали в Ацкури, к сестре Михо. Нас там уже ждали. Накрыли стол, накормили. Вместе с ними живет тетя Тамариного (сестры Михо) мужа. Она свою семью не имеет и всю жизнь прожила с ними. Ей тоже за восемьдесят лет. Мы разговорились. Я рассказала кто я и почему здесь. Она рассказало свою историю.

Они здесь живут 60 лет. В 1944 году в начале декабря их привезли сюда из Самтредиа, через 15 дней после нас. По времени все совпало.

– Нас привезли на машинах и поселили в этом доме. Дом был такой большой, что его разделили на две семьи и сделали два входа. После вселения мы ничего не перedelывали, как вселились, так и живем. Разве что несколько раз легкий ремонт делали. Когда мы сюда ехали на открытых машинах, зи-

мой – многие заболели. В течение зимы 1944 года многие умерли от простуды и тифа. Народ не хотел оставаться, просились обратно. Чтобы тайком никто не смог уехать, около шлагбаума поставили милиционеров. Нас расселили так же, как мы жили в Самтредиа, соседи были те же, что и там.

Еще свежи были в памяти разговоры с Тасико и другими побывавшим в ссылке и я, слушая ее, думала: "Вас даже от соседей не разлучили и ты возмущаешься и жалуешься, что вам было очень плохо. Наши семьи по трем республикам разбрасывали, и я молчу".

– А эти дома тоже тогдашние?

– Да, эти дома стоят еще с тех пор.

Вокруг стояли красивые двухэтажные, одноэтажные, бельэтажные аккуратные дома по всей улице.

– Даже коровники тогдашние.

Хозяйка дома, Тамара, оказалась учителем истории. Я попросила ее помочь мне найти дом бабушки.

– Надо искать в районе джами и бани, – подсказала я.

Все вместе мы пошли туда. Джами был разрушен, от него остался только фундамент, огороженный проволокой. Внутри росла высокая трава. Я встала между рельсами на железнодорожное полотно и, оглядываясь вокруг, стала искать баню. Так я определила, что наш старый дом находится позади меня, значит, дом бабушки надо искать рядом с джами. Их дом под снос не попал. Дом я нашла, но опять-таки близко не подошла, издали посмотрела на него, как будто сфотографировала в памяти. Наверяд ли доведется мне еще раз увидеть его. В нескольких шагах от нас протекала Кура, недалеко был мост. Направляясь к мосту, мы встретили женщину, которая шла по путям с ведрами, полными воды. Увидев нас она остановилась, поставила ведра и заговорила с нами, думая, что мы из телевидения.

– Я ищу свой дом, я когда-то жила здесь, помню, что где-то рядом было джами, – сказала я.

– А вот джами, – ответила она и показала на то место, которое мы уже смотрели.

Она рассказала свою историю. Их переселили из Боржом-

ского района и вот уже 60 лет живет она здесь в доме, который находится сзади бани. Она рассказала, как разрушали джами. Когда крановщик ударил по стенам, раздался страшный гул и одновременно с этим гулом земля как будто затряслась. В душу закрался страх и она побежала домой. Закрывает окна и двери. В это время туча птиц налетела на ее дом и птицы клювами начали бить по стеклу. Крановщик, который произвел удар, вывалился из кабины и разбился насмерть. В то же время, сидя у себя дома, умер человек, распорядившийся разрушить джамии. Люди испугались, и после этого даже за ограду никто не переступает, потому и трава такая высокая.

– Мне 80 лет, зовут меня Жужуна. Один раз к моему дому приехали люди на четырех машинах и попросили разрешить им войти в дом и походить по комнатам, по двору. Я испугалась, что они приехали отнимать у меня дом и предложила им выкупить или в другом месте купить мне дом. Приезжие были из Ташкента. Они сказали, что им ничего не надо, объяснили, что просто приехали посмотреть на дом, где жили их родители, оставили подарки мне и уехали.

Я спросила у нее:

– Раз вы давно живете здесь, не подскажите ли вы, где мусульманское кладбище. Я хочу посетить могилу бабушки.

Она рассказала вот что:

– Кладбища уже нет. Когда вы уехали, через некоторое время его решили сравнять с землей и на этом месте посадить виноградник. Когда трактором развалили стену кладбища, которой оно было огорожено, чтобы скот туда не заходил, въехав внутрь он ударился о первые могильные плиты, которые в самом начале стояли.

В этом месте ее рассказа я подумала: "Это были могилы братьев Кэлмеджи-эфендилерин. Ведь рассказывали же старожилы, что дальше этих могил пришедшие с плохими намерениями не могли бы пройти. Вот, думаю, и подтверждение, а некоторые сомневались в правдивости этих рассказов". Я рассказала Жужуне легенду о братьях и то, что эти могилы считались святыми.

Она продолжила свой рассказ:

...

– Когда трактор ударил по могилам, он перевернулся, водитель вывалился из кабины и там же умер.

– Если бы вы знали, какой целительной силой обладали эти могилы. Если три раза обходили их с больным, этот больной на глазах выздоравливал, – сказала я ей.

Она согласилась со мной, что зря они это сделали. Сколько пользы могли принести эти могилы, если бы вновь поселившиеся знали про это. А так, когда распахали землю и жители увидели скелеты и черепа покойников, даже самые безбожные не притронулись к этому винограднику, который там посадили. Тогда решили делать из него вино. Построили завод. Выпустили вино под названием "Ацкури". Но и вино никто не покупал. Все затраты были напрасны, вместо прибыли были одни убытки.

– Решили выкорчевать виноградник, и на этом месте построить клуб, ресторан, кофейню. Вот такая история с вашим кладбищем произошла.

Конечно, я расстроилась, но виду не показала. Мы попрощались с ней и пошли к мосту. Я очень хотела подойти к крепости, потрогать ее, но посреди моста у меня закружилась голова и я вернулась обратно.

Начинался дождь. Мы сели в машину и поехали в Тбилиси. Доехав до Цхрамуха мы, как и обещали Фадли, заехали к нему. Он ждал нас сидя у ворот своего дома. Завел нас домой. В комнате мы увидели накрытый стол. Этот пожилой человек в ожидании нас кое-что прикупил и как бы извиняясь сказал: "В доме нет женщины, а у нас не принято отпускать гостей не накормив. Хлеб, сыр, огурцы и бутылка вина – не обессудьте и примите от меня".

Мы торопились домой, вежливо отказались от угощения. Он сказал: "Я собирался приехать к тебе в Тбилиси. Видимо, Бог меня пожалел, что ты сама приехала и все увидела своими глазами".

Мы обещали все передать Наире. "Она постарается тебе помочь", – успокоили мы его.

На этом мы закончили свое путешествие по Месхети. Третьего августа вечером мы были уже в Тбилиси.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЗИДЕНТУ ГРУЗИИ

Господину Михаилу Саакашвили

В своих выступлениях по телевизору наш новый, молодой, энергичный, демократичный, гуманный президент Михаил Саакашвили сказал: "Пришло время собирать камни". После его выступления, у услышавших его речь месхов появилась надежда, что, собирая камни, он и о месхах не забудет. Мы посчитали, что камни это – грузины, волею судьбы, попавшие далеко от Родины – Саингило, Ферейдан... – потому что он гостил в тех странах, где они живут, привозил им книги на грузинском языке, подарки. Месхам в этом плане не повезло. Они уже так разбросаны не только по стране, а уже и по планете, что чтобы их повидать и послушать, ему надо будет много путешествовать. Вот я и подумала, чтобы он не тратил свое драгоценное время на путешествия, пусть разрешит нам собраться в одном месте. Почему-то, когда мы просим собраться в одном месте, это очень пугает людей. Пока боялись, что мы захотим вернуться в свои дома, сопротивлялись нашему возвращению. Но и когда мы попросили пустые земли, опустевшие села, тоже стали сопротивляться. Что же в этом непонятного, что месхи хотят жить компактно?!

На нас проводили эксперименты. Все варианты на нас испробовали. Ни один не дал положительного результата. И не дал бы! Я сужу на примере своей семьи и семей тех месхов, о которых мне довелось услышать или увидеть.

У каждого народа свои веками установившиеся традиции. Вот уже 60 лет месхи разбрасываются и разбрасываются с одного места на другое. Наши покойники – кто где похоронены. Наша молодежь не может создать полноценную, крепкую семью.

В дни радости – праздники, свадьбы, обручения – это не так заметно, хотя признаюсь, очень больно. А вот когда беда заходит в дом, это никакими словами невозможно передать. Когда у меня умерли родители, я это на своей шкуре испыта-

ла. На пальцах одной руки можно было пересчитать оплакивающих. Месхи не знают, что им делать: оплакивать своих покойников или воевать за место на кладбище, заниматься организационными делами или принимать соборезнования.

Месхи даже народными медицинскими средствами, которые они знают немало, не могут воспользоваться, потому что нужные травы растут только в тех краях, откуда их выслали. Это будет большая потеря для народной медицины.

Уважаемый М. Саакашвили, прошу Вас помочь нам вернуться на Родину. Нас уже не так уж и много осталось. Часть умерла по дороге в ссылку, часть умерла по прибытии, часть погибла на фронте, оставшихся подожгли и убили в Фергане, часть забирает Америка, потому что Краснодарский край принял нас временно, пока Грузия разберется. Из оставшихся много обиженных и оскорбленных, которые не захотят вернуться.

Я Вас очень прошу, дайте возможность оставшимся взрослым передать молодежи наши традиции, передать им, как надо жить, как это в свое время сделали наши предки. Еще не поздно протянуть нам руку помощи. Пусть наши молитвы помогут всем, кто ждет помощи от Бога.

1 ноября 2004 года.

ИЗ УСТНОГО ТВОРЧЕСТВА МЕСХОВ-МУСУЛЬМАН

СОБРАЛА И ПЕРЕВЕЛА С ТУРЕЦКОГО
НА РУССКИЙ ЯЗЫК
НАЗИРА ВАЧНАДЗЕ

ДЕВУШКА, СОБАКА И ОСЛИХА

В одной деревне жили муж и жена, и была у них одна единственная дочь. Кто ни сватался, отец считал, что жених не достоин его дочери, и отказывал. Наконец он сказал себе:

– Все равно достойного я не найду, она же у меня единственная, я ее очень люблю и никогда не смогу найти ей достойного. С этим надо примириться. Выдам за первого, кто посватается.

Сказал и сделал. Первому, кто пришел свататься, он согласился отдать дочь. Назначили день свадьбы на начало следующего месяца.

Через несколько дней пришли свататься другие. Отец девушки посмотрел, что этот жених лучше предыдущего и ему тоже дал свое согласие. Назначил день свадьбы на начало следующего месяца.

Когда пришел третий, он пожалел что поторопился и дал согласие двум предыдущим, но отказаться и не подумал. Назначили свадьбу на начало следующего месяца этому тоже.

Жена молча наблюдала за ним, но ее терпение лопнуло. Когда ушел третий жених, она обратилась к мужу:

– Ты что с ума сошел? А если придет четвертый и будет лучше этих троих, ты и ему дашь согласие? Очнись, у тебя же одна дочь! Как ты можешь выдать ее за троих? По твоему согласию уже в трех домах идут приготовления к свадьбе. Как ты собираешься выходить из положения, мне тоже расскажи, чтобы я успокоилась.

Муж ничего не ответил. Он и сам думал, как будет выходить из положения. Ложась спать, он попросил бога, чтобы он помог ему, подсказал во сне выход. Заснул и слышит, как кто-то ему говорит:

– Запри на один день в комнате свою дочь, ослицу и собаку. Когда откроешь, увидишь выход из ситуации.

На следующий день он так и сделал. Через сутки, открыв дверь комнаты, он увидел трех, похожих, как близнецы друг на друга девушек.

– Вот так выход! – подумал он, но какая же настоящая? В назначенный день были сыграны три свадьбы.

Через некоторое время родители поехали навестить дочерей. Приехали к первой дочери. Новые родственники их тепло встретили. Свекровь говорит невестке:

– Дочка, принеси воду, полотенце. Гости с дороги устали, проголодались, накорми и их.

Невестка стоит, как будто не ей говорят. Пока свекровь не подошла и не подтолкнула ее, она с места не сдвинулась.

– Ну как вам наша дочка, довольны ли вы ею? – спрашивает отец после обеда.

– Все хорошо, но есть небольшой недостаток у вашей дочки – пока не подтолкнешь, не сдвинется с места. А так работающая, молчаливая, терпеливая.

– Ага, значит эта ослица, – подумал отец.

Поехали ко второй дочери. Еще не дошли до дома, слышат ворчание. Вошли во двор, видят – их дочь что-то делает и бубнит громко себе под нос. Вышли хозяйева, пригласили в дом, накрыли на стол, угостили. Невестка вместе со свекровью все делает, но постоянно ворчит и огрызается на замечания.

– Ну как вам наша дочь, нравится? Довольны ли вы ею? – спрашивает отец.

– Сами видите, – умелая, не ленивая, спокойно можно весь дом на нее оставить, справится, но постоянно огрызается, и кидается на всех.

– Ага, значит это собака, – догадался отец.

Приехали к третьей дочери. Смотрят – в доме порядок, чистота. Вышла на крыльцо невестка с улыбкой встретила гостей, провела в гостиную. Вместе с родителями мужа гости сели за стол. Беременная невестка, не зная усталости, накрыла на стол. С лица не сходит улыбка, вся светится от радости. После обеда свекр попросил принести с погреба арбуз. Невестка принесла арбуз. Свекр взял арбуз, похлопал по нему и говорит:

– Дочка, ты не тот принесла, этот еще должен доспеть. Принеси другой.

С арбузом в руках, по крутым лестницам, беременная невестка спустилась в погреб. Через некоторое время, запыхавшись, она вошла в комнату с арбузом в руке. Свекр взял арбуз:

– Опять не тот. Выбери сладкий.

В третий раз вошла невестка в комнату с арбузом в руках, еле дышит. Свекр взял в руки арбуз:

– Наконец-то, дочка, ты принесла сладкий арбуз. Садись, отдохни немного.

После обеда отец спрашивает у родителей жениха:

– Ну как моя дочь, не жалеете, что взяли ее?

– Сам посуди! В погребе был один единственный арбуз. Все три раза она приносила его и ни разу не возмутилась, чтобы не выдать меня и не выставить перед вами обманщиком.

ПРО МУРАВЬА

Во время прогулки по саду падишах и визирь обратили внимание на муравья, который тащил в муравейник семечку. Падишах с горечью заметил:

– Если бы у меня войско было как пчелы, а жители как муравьи, я был бы самым богатым и счастливым правителем на свете.

Согласившись с падишахом, визирь добавил:

– Муравей не только работающий, но еще и экономный. Одним зернышком из колоса пшеницы он может питаться семь лет.

– Не может этого быть, – не соглашался падишах, – кто это видел и может подтвердить?

– А что спрашивать? Муравей есть, зернышко тоже, давай вместе и проверим.

Посадили муравья в посуду, кинули ему туда одно зернышко и закрыли на семь лет. Прошло семь лет, за это время сменился падишах, умер визирь, а свидетели спора вспомнили

про муравья и пошли посмотреть – жив ли он. Открывают посуду, а там ползернышка и муравей бегаёт. Удивились.

– А что ты не съел все зернышко?

– А я не был уверен, что через семь лет люди вспомнят обо мне в суете своих дел, и я был прав. Поспоривших уже нет, да и вы случайно вспомнили. Семь лет я и так бы прожил, но я оставил половину, чтобы была уверенность прожить еще столько, если не больше. На человека не стоит надеяться, каждый о себе сам должен позаботиться.

ПРО ТО, ЧТО ВАЖНЕЕ: ВОСПИТАНИЕ ИЛИ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Однажды во время беседы падишах с визирем поспорили, что важнее – воспитание или происхождение. Падишах сказал, что воспитанием можно добиться всего, и в пример привел кота, который его гостям во время приема подает на подносе кофе. Он становится на две задние лапки, а передними держит на голове поднос. Чем не слуга, а ведь четырехногое животное.

– Да продлит аллах годы твои, мой падишах, но позволь не согласиться с тобой, и все-таки важнее всего происхождение – я это знаю.

– Докажи, и я с тобой соглашусь, но если не сможешь доказать, через три дня я прикажу палачу отрубить твою пустую голову.

Пришел домой визирь. Ни ест, ни пьет, все думает как доказать.

Дочь визиря, видя отца в таком состоянии спросила:

– В чем дело отец, не заболел ли ты?

– Если бы так, но моя беда не в болезни. Дернул меня черт за язык не согласиться с падишахом. Он утверждает, что воспитание важнее происхождения, а я возразил на это. Я считаю, что важнее происхождение, но не могу доказать этого. Если я через три дня не смогу на примере его переубедить, он

отрубит мне голову. Его пример кот, который подносит гостям кофе на подносе, стоящем на его голове.

– Не беспокойся, отец, ты прав и сможешь это доказать. Когда в зал войдет кот с подносом, ты выпустишь мышку, которую заранее припрядешь в кармане и большего доказательства не надо. Кот тут же забудет и о гостях, и о подносе – бросится ловить мышку, потому что это у него в крови сидит – охотиться за мышками – а значит, происхождение возьмет вверх над воспитанием.

В ДОМЕ, ГДЕ ГОСТЮ СМОТРЯТ В РОТ, ЕДА ВПРОК НЕ ПОЙДЕТ

В одну семью пришел гость. Пока гость с хозяином разговаривали, хозяйка приготовила обед, накрыла на стол и пригласила их к столу. Гость вместе с хозяином дома присел к столу. Ему подали горячий обед в тарелке. Поблагодарив хозяйку, он взял ложку, хлеб и начал кушать. На четвертой или пятой ложке хозяин вдруг остановил руку гостя, когда он нес ее ко рту и с ложки что-то взял, извиняясь: "Не обессуди, я в ложке твоей заметил волосок, случайно попавший туда".

Гость поблагодарил за внимание, встал из-за стола и со словами: "В доме, где гостю смотрят в рот, еда впрок не пойдет" – ушел из этого дома.

ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

У одного царя не было детей. Он очень переживал по этому поводу: "Наследников у меня нет, на мне и закончится мой род. Что станет с моим народом, с моей страной после моей смерти? Кто взойдет на престол? Как он будет править страной? Так же будет любить и заботиться о них как я?" Все эти мысли не давали ему покоя. Каждое утро он начинал с молитвы к богу, чтобы он дал ему детей. И вот, однажды, жена об-

радовала его известием, что ждет ребенка. Радости его не было границ, бог услышал его молитвы, слава Аллаху! Прошло время

Однажды, когда он купался в бане, прибежал банщик и сообщил, что у него родился сын. Но царь вместо того, чтобы обрадоваться, схватился за голову и застонал: "О, горе!" Изумленный банщик сказал: "Царь, ты, наверное, не услышал, у тебя родился наследник, о котором ты так мечтал и просил бога!"

– Бедный мой народ и страна. Жена родила – она голая, сын родился он голый, ты, сообщивший эту весть – голый, и я, несчастный, столько ждавший этой минуты, в момент когда узнал – голый. Ничего хорошего для моего народа здесь нет!"

ПУСТЫЕ РУКИ

Один очень трудолюбивый, хороший, добрый человек никак не мог жениться, потому что при всех его достоинствах был у него один небольшой недостаток – он был слеп на один глаз. Сколько не сватался в своей деревне – получал отказ. Наконец, с помощью свахи, он смог жениться на девушке из соседней деревни. Ни разу он не приходил домой с пустыми руками. Жена досталась под стать ему – хозяйственная, трудолюбивая, заботливая. Родили детей, вырастили. Женили сыновей. Выдали замуж дочерей. Все как положено в нормальной семье. За эти годы человек постарел, силы были уж не те, что в молодости. Он стал зарабатывать все меньше и меньше. А однажды пришел домой вообще с пустыми руками. Жена посмотрела на него и вдруг с тревогой спросила: "А что с твоим глазом? Почему он закрыт?"

– Женщина, столько лет живешь со мной, ты что в первый раз видишь, что у меня один глаз закрыт? – в сердцах сказал он, и вдруг понял – она посмотрела на его лицо, потому что руки пустые были!

РОДИНА

Заяц бегал на опушке леса, резвился. Захотелось ему пить. Подбежал он к луже напиться и увидел там лягушонка, который, высунув голову из лужи, громко самозабвенно квакал.

– Что ты сидишь в этой луже, пойдём, я покажу тебе такие места, тебе и не снилось такое!

Лягушонок согласился. Немного погуляли по лесу, и лягушонок заторопился домой.

– Оставайся со мной, видишь как здесь хорошо, красота какая, простор необъятный, еды много...

– Нет, я домой пойду.

– Что ты нашел в этой луже, которая мелеет с каждым днем под палящими лучами солнца?

– Каждому свое место под солнцем дорого, потому что там его Родина! – ответил лягушонок.

Заяц задумчиво посмотрел на лягушонка и согласился. Ведь и ему нравилось свое место, хотя какое сравнение.

Они подружились. Заяц часто прибежал к лягушонку, они играли, резвились до вечера, потом заяц убежал в свой лес, а лягушонок нырял в свою лужу. Каждый раз при прощании заяц говорил лягушонку:

– Пойдем со мной, дружок! Твоя лужа совсем обмелела, пора тебе искать новое место. Разве ты сам этого не видишь?

– Нет, не могу. Мне нигде не будет так хорошо, как здесь, ведь это моя Родина, а ее не выбирают!

– Ну, как знаешь, – с грустью сказал заяц и убежал в свой лес.

Прошло время. За заботами заяц на некоторое время забыл об играх и прогулках, надо было готовиться к зиме, но лягушонок не выходил из головы.

Однажды прибежал заяц к луже и видит – лужа так давно высохла, что даже потрескалось дно, а его друг, лягушонок, сохраняя верность Родине, лежит умерший посреди трещин.

– Вот тебе и Родина! И что ей, что ты ради нее лишился жизни?!

КАК СЛЕПЫЕ МОСТ ПЕРЕХОДЯТ?!

У одного человека многодетная семья. Работает день и ночь, чтобы прокормить семью. Работа тяжелая, денег платят мало, живут впроголодь, постоянно от чего-то надо отказываться, чтобы хватало на еду, концы с концами еле сводят. Каждый день, выходя из дома на заработки, он просит бога помочь ему: "Всем ты помогаешь, господи, помоги и мне как-то. Неужели я всю жизнь должен таким трудом тяжелым зарабатывать на жизнь. Один получает дом, другой наследство, третий что-нибудь находит, а я, как проклятый, имею только то, что за день заработаю. Неужели тебе меня не жалко? Ведь я не лежебока, не бездельник, но сил моих уже больше не осталось, господи, обрати на меня внимание, пошли мне тоже хоть что-нибудь, чтобы я поверил, что ты существуешь". Он столько жаловался на свою судьбу, столько просил бога, что однажды бог услышал его и решил ему помочь. Он подбросил ему на дорогу узелок с золотом. На дороге никого не было, и он был уверен, что кроме этого человека никто не подберет узелок. Но несчастный работяга, решив укоротить дорогу на работу, пошел другой дорогой, через огороды.

На следующий день, сетуя на свою горькую долю, этот человек снова идет на работу. Бог подбрасывает ему кошелек с деньгами. А этот бедолага увидел, что сосед запрягает телегу и попросил его подвезти. Всю дорогу он жаловался соседу на свою судьбу и сетовал на бога, что он помогает всем, кроме него. "Посмотри на мои мозоли", – показывал ему свои ладони, и говорил он в то время, когда проезжали место, где лежал кошелек. Богу стало обидно: "Он зря обижается на меня. Сколько раз я на его дорогу подкидываю узелок, кошелек с золотом – он или дорогу укоротит, или за разговором не заметит, или вообще не в эту сторону пойдет. Что же мне делать, как ему помочь?"

Однажды этого человека пригласили в другую деревню на работу. Деревня на другом берегу речки, а через нее перекинут узкий висячий мостик. Бог думает: "Хорошее место, вот

здесь я подкину ему узелок с золотом, мостик настолько узкий, что при всем желании он не сможет пройти мимо, не заметив узелка, ведь чтобы не провалиться он должен смотреть прямо под ноги. Наконец-то я отдохну от его постоянных жалоб. И дороги другой туда нет!" Все же подождал, пока он шагнет на мостик, чтобы убедиться, что он не передумал идти и на середину мостика подбросил узелок полный золотыми монетами, чтобы ему хватило на всю оставшуюся жизнь. А наш бедный работяга, пройдя несколько шагов, вдруг подумал: "Интересно, а как слепые переходят мостик?" Закрыв глаза и прошел весь мостик с закрытыми глазами.

УШЛО – СКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ!
ПРИШЛО – СКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ!

Один человек делал седла. Со всех близлежащих сел приходили к нему или починить старое седло, или купить новое. Весь свой заработок он отдавал жене, но сколько бы не приносил она так тратила, что на другой день ничего не оставалось. Тогда он решил часть отдавать жене, а часть откладывать на старость. У себя в мастерской он в углу держал старые, развалившиеся седла. В одно такое седло он и стал откладывать деньги. Завел себе ученика, и они вдвоем успевали за день обслужить всех, кому нужна была их помощь. Ученик оказался способным мальчиком, не лентяем. Он так хорошо освоил ремесло, что уже самостоятельно мог изготовить седло не хуже мастера. Однажды мастер заболел, его не было два-три дня, но на работе мастерской это никак не отразилось, он все успевал сделать во время. Как-то, когда он уже собирался закрывать мастерскую, вошел человек с разломанным седлом. Осмотрев седло, ученик предложил человеку оставить его и придти завтра. Оказалось, что пришедший живет в другой деревне, и ему надо сегодня быть дома. Подмастерье осмотрелся вокруг и вдруг увидел старое седло, которое лежало в углу. Он предложил путнику взять это: "До дома это седло тебя

выручит, а тем временем я попытаюсь восстановить твое; если не получится, сделаю новое. Заезжай через неделю". Так и договорились.

На следующий день старый мастер вышел на работу. Как только вошел в мастерскую, обнаружил пропажу.

– А где седло, которое валялось в углу?

– Не переживай, я его поменял на неделю на это поломанное. То все равно долго не прослужит... – и рассказал старому мастеру как было дело.

Старый мастер схватившись за голову, только и смог выговорить:

– Ай, вахай! Ушло – сказать нельзя!

И даже ученику своему не сказал в чем дело, решил понадеяться на бога и подождать неделю.

Прошло больше недели, но старик только время от времени повторял фразу: "Ай, вахай, ушло – сказать нельзя!" потому что все больше и больше терял надежду. Ведь седло было таким старым, что могло развалиться или по дороге туда, или обратно. А кто скажет, что нашел деньги в седле?

Однажды, когда он уже совсем потерял надежду, вдруг на пороге мастерской появился человек, а в руках его... старое седло.

Он безразлично взял седло, осмотрел его, убедился что "копилка" его цела и положив седло на прежнее место, сказал с облегчением: "Пришло – сказать нельзя"

ПРО ГОРБУНОВ

В одно селе жили два горбуна. Каждый раз, встречаясь, они сетовали на судьбу, которая наградила их горбами. Однажды они встретились, разговорились. Один из них вдруг обратил внимание, что у другого нет горба.

– Скажи, ради бога, как тебе удалось избавиться от горба? Я бы тоже хотел потерять его где-нибудь.

– Я-то скажу, но у тебя не получится, потому что ты упря-

мый, всегда делаешь так, как считаешь нужным. Ты же самый умный!

– Вот потому-то я и сделаю, как ты мне скажешь. При чем здесь мое упрямство, когда речь идет о горбе, я перешагну через свое упрямство. Говори скорее.

– Ладно, – согласился бывший горбун. – В субботу или в воскресенье ты пойдешь на вот тот мост, потому что только в эти дни из-под моста появляются люди, которые избавили меня от горба. Они накинут тебе на голову мешок, поведут тебя в лес. Пройдет два-три дня и там начнется свадьба. Все, кто будут там, начнут танцевать и приговаривать какой-то наговор. Ты в точности будешь делать все то, что они делают, и повторять за ними слова наговора. Все что они будут говорить, даже если это не будет соответствовать действительности, повторяй, это очень важно. Когда закончится свадьба, они тебя приведут на то же место, откуда взяли, и ты увидишь, что горба нет.

– И это все? Неужели я хуже тебя, я в точности все это сделаю. А ты все правильно сказал, ничего не забыл?

– Все как было, – сказал бывший горбун.

Дождлся горбун субботы и пошел на мост. Немного постоял и вдруг увидел людей. Они подошли к нему и накинули на голову мешок.

– Горбун не соврал, пока все случается как он говорил, – думает он.

Пришли в лес, содрали с его головы мешок и привязали его к дереву.

– Не обманул горбун, бог даст и дальше будет так, как он сказал.

Через несколько дней началась свадьба. Его развязали и впустили в круг танцующих. Люди танцуют и приговаривают, он тоже вместе с ними танцует и проговаривает. Вдруг он прислушался в смысл того, что они наговаривают и слышит: "Сегодня среда, а завтра четверг". Он задумался, посчитал в уме и говорит им:

– Вы не правильно говорите, сегодня вторник, а завтра среда.

Но его никто не стал слушать, они повторяли снова и снова: "Сегодня среда, а завтра четверг".

Горбун решил про себя: наверное, они ошиблись, но я же точно знаю, что сегодня вторник, значит завтра среда. Их убедить я не смог, пусть они так приговаривают, а я буду говорить как на самом деле, и начал приговаривать:

– Сегодня вторник, завтра среда!

Никто не остановил, не поправил – как будто так и надо было. На рассвете они подошли к дереву, взяли что-то круглое, один из них подошел к горбуну и со словами:

– Твой товарищ оставил здесь это, раз ты, такой умный, вот возьми и пусть это тоже будет твоим! – взвалили "это" на его спину. Опять накинули на его голову мешок и возвратили туда, откуда взяли. Там сняли мешок с головы и исчезли так же, как появились.

Он потрогал спину и обнаружил, что вместо одного горба у него появился второй. Встретив бывшего горбуна он набросился на него со словами:

– Ты мне что-то не так сказал. Я понял, ты не хотел, чтобы я тоже смог избавиться от горба, ты знал, что если твой горб кому-нибудь не взвалит, он может к тебе вернуться, потому такой добрый был, меня соблазнил тем, что я избавлюсь от горба, а получилось наоборот. Теперь у меня, кроме своего, еще и твой, второй горб.

– Я рассказал тебе все как было, а теперь ты расскажи мне, что произошло с тобой.

Двугорбый горбун начал рассказывать. Когда дошел до слов: "Сегодня вторник, завтра среда", бывший горбун спросил:

– А они что говорили?

– Сегодня среда, завтра четверг.

– Ну вот, видишь, ты сам виноват. А зачем ты не повторял то, что они говорили?

– Да, потому что тот день был вторник, а завтрашний день – среда!

ХАНУМ И РОСТОВЩИК

В одном городе жил богатый ростовщик. Все знали, что у него можно взять под залог любую сумму. Дом его стоял в таком месте, что был у всех на виду. Однажды жена другого богатого человека выехала погулять на фэтоне. Когда проезжала мимо дома ростовщика, увидела красивого мужчину, который сидел прямо на пороге этого дома. На глазах его были слезы, и сразу можно было понять, что у него большое горе. Ханум остановила фэтон, подошла к человеку и спросила: "Что за горе у тебя, не могу ли я тебе чем-нибудь помочь?"

– Моему горю никто помочь не сможет!

– Но что же все-таки случилось, расскажи, может, помогу.

Видит человек, что не отстанет она от него, и рассказал о своей беде:

– Мне нужна была большая сумма денег. В долг ее мне никто из знакомых и близких не смог одолжить. Тогда собрал я золото и драгоценности, какие были у меня дома, принес ростовщику и под залог отдал их ему. Взял деньги, использовал на что было нужно. Теперь пришел к нему вернуть деньги и забрать залог. Деньги он взял, а залог возвращать не хочет, отказывается. Приказал своим слугам вышвырнуть меня вон, обвиняя меня во лжи. Дескать, какое у тебя могло быть золото и драгоценности. Я просто одолжил тебе деньги из жалости. А у меня нет свидетелей. Так что видишь сама теперь, что помочь мне невозможно!

– Я тебе помогу, но ты должен сделать все так, как я тебе скажу. В такой-то день ты придешь к ростовщику в таком-то часу. Остальное сделаю я сама.

В назначенный день собирает ханум свои драгоценности и идет к ростовщику.

– Уважаемый, у меня большие затруднения, довериться никому не могу, речь идет об очень крупной сумме денег. Мой муж уехал в другой город за товаром. Вчера с посыльным он известил меня, что с ним случилось несчастье, и простит меня

приехать. Вот тебе все мои драгоценности, дай мне под них денег, а когда мой муж вернется, мы с тобой рассчитаемся. Я часто слышала от мужа, что ты порядочный человек, и потому, не задумываясь, пришла прямо к тебе.

Увидев кучу драгоценностей, ростовщик потерял дар речи, и повторяя только: "Ну, конечно же, сейчас...", стал отсчитывать нужную сумму денег. В это время кто-то постучал в дверь. Входит уже знакомый нам человек, которому ростовщик не хотел возвращать его золото и драгоценности. "Как некстати пришел этот человек, — подумал ростовщик. — Если я начну сейчас с ним тягаться, могу спугнуть эту ханум. Взвесив все, поняв, что он теряет и что получает, ростовщик решил без разговоров тут же отдать человеку его золото и поскорее от него отделаться.

Ростовщик даже рта не дал раскрыть несчастному. Красноречие рекой полилось:

— Слава богу, что ты пришел, я себе места не могу найти. Вот уже несколько дней прошло от назначенного дня, а тебя все нет и нет. Я уже думал, не случилось ли с тобой чего. Вот, дорогой, твои вещи, забирай их с богом, мне чужого не нужно. Деньги можешь пока не отдавать, по лицу вижу, что у тебя трудности. Отдашь когда сможешь.

С этими словами он провожает человека до дверей.

В это время дверь с шумом распахивается и вбегает слуга ханумы с восклицаниями:

— Ханум, ханум, что ты дашь мне за радостную весть?!

— Куплю тебе красные башмаки!

Танцуня от радости, что заработал себе башмаки, слуга говорит:

— Мой господин приехал. Все обошлось, он ждет тебя дома. Деньги больше не нужны.

Ханум собирает со стола в узелок все драгоценности, кланяется за пазуху, танцуня от радости, благодарит ростовщика за внимание.

Поддавшись общему веселью, начинает танцевать и тот человек, который нежданно-негаданно получил свое безнадежно

потерянные драгоценности. Понял ростовщик, что это было подстроено, но не рассердился, не растерялся, а стал танцевать вместе с ними, восхищенно глядя на ханум. Удивленная танцующая тройца остановилась и смотрит на танцующего ростовщика. Тот танцует и хохочет. Ханум обращается к нему:

— Я танцую и смеюсь, потому что вернулся благополучно мой муж, которого я уже не надеялась увидеть. Слуга танцует и радуется тому, что заработал красные башмаки. Этот человек танцует и смеется оттого, что вернул свои безнадежно пропавшие драгоценности. А вот почему танцуешь и смеешься ты, я не пойму. Ведь ты потерял возможность заработать.

— А я танцую от восхищения! Много встречал я на своем веку пройдох и проныр, но такую пройдоху встретил впервые!

КРЕСТЬЯНИН И ТОРГОВЕЦ

В одном городе жил торговец мелким товаром. Торговля шла неплохо и жил он себе, не зная печали. К нему даже приезжали из близлежащих деревень. Глядя, как хорошо идут у него дела, и другие стали открывать такие лавки. Он не выдержал конкуренции, дела стали идти из рук вон плохо. Как выйти из этого положения, что предпринять? — такие мысли одолевали его. Сидит в лавке, а мысли не дают покоя.

Зашел как-то в его лавку старый покупатель из соседней деревни. Увидел его опечаленного, кое-что купил, постоял немного, видит, не очень-то бойко идет торговля, пожалел его и говорит:

— Что ты так мучаешься? Приезжай ко мне в деревню, я помогу тебе продать твой товар, а на обратном пути купишь в деревне яиц, кур, сметану, сыр, да мало ли что можно привезти из деревни, вот тебе еще одна выгода. Раза два-три поездишь, смотришь — дела и поправятся.

— А на чем я буду возить товар?

— Лавку продай, купи осла, нагрузи на него хурджин и прямо к нам в село!

– А если за день не успею продать, где я в деревне заночую?

– О чем речь? Заночуешь у меня.

Задумался торговец, а ведь и правда стоит заняться этим. Распрощались они, крестьянин назвал ему свою деревню, объяснил, как найти его дом, и ушел. Не откладывая в долгий ящик, наутро торговец продал свою лавку, купил осла, наполнил оба кармана хурджина товаром и отправился в названную деревню. Ему не пришлось долго искать дом крестьянина, все знали этого хорошего человека. Встретил он гостя со всеми почестями, накормил, напоил, уложил его в комнате для гостей. Наутро помог ему продать товар, купил вместе с ним продукты и проводил домой.

Довольный торговец не заставил себя долго ждать и на следующей неделе снова приехал. Крестьянин снова так же радушно встретил его.

Торговцу так же, как и в прежние времена, улыбнулось счастье, дела его пошли в гору. Что ни неделя, он на осле едет в деревню с товаром, обратно везет продукты и продает их в городе. Каждый раз, уезжая и прощаясь, приглашал крестьянина погостить у него. "Не к спеху, – отвечает крестьянин, – вот посажу все и приеду, вот соберу урожай и приеду, вот закончу дела и обязательно приеду. И жену привезу".

И вот как-то по своим делам отправляется он в город. Попросил жену собрать гостинцев для торговца. "Может, не уложусь в один день, не ночевать же мне на улице. Пойду к нему и не с пустыми руками" С этими словами отправился он в дорогу. Как он и предположил, за день он не управился с делами и пошел к лавочнику. Стучится в дверь, а изнутри спрашивают:

– Кто ты?

– Я твой друг из деревни, – говорит крестьянин, узнав по голосу лавочника.

А тот опять:

– Кто ты?

– Да друг твой, из деревни, не узнаешь?

– Какой друг? Не знаю!

– Ну как не знаешь? Ты ко мне в деревню приезжал.

– Кто ты? – опять спросил лавочник, и понял крестьянин, что его просто не хотят пускать в дом, вот и не признают. Оставаться ночью в чужом городе опасно, и несмотря на ночь, отправился он к себе в деревню. "Ничего, – думает, – приедешь ты ко мне".

Прошло время, лавочник, как ни в чем не бывало, приезжает к нему со своим товаром. Крестьянин и виду не подал, что он обижен. Так же радушно встретил его, так же устроил на ночь в комнате для гостей. Оставляя его на ночь, он как бы невзначай сказал:

– В нашей деревне завелись воры. Вот я даже ружье завел себе, чтобы ты знал, оно заряжено. Пойду, обойду двор и тоже лягу.

Вышел, отвязал осла лавочника и пустил его под окно комнаты, где спал лавочник. А под окном росла кукуруза. Осел как дорвался до кукурузы, принялся ее жадно есть. Ходит осел среди кукурузы, она шуршит, а лавочнику кажется, но это воры крадутся к окну. "Они узнали, где я сплю, и хотят украсть мои деньги", – подумал лавочник. Снял со стены ружье и выпустил всю дробь в ту сторону, где слышался шорох. Шорох смолк. Довольный лавочник повесил ружье на место и только собрался лечь, как вошел крестьянин.

– Что за стрельба была, кто-нибудь залез к тебе в комнату?

– Да нет, только хотел зайти, но я его убил.

Открыл крестьянин окно и, показывая дохлого осла лавочнику, говорит:

– Что ты за человек, в городе ты своего друга не узнаешь, а в деревне – своего осла. Вот смотри, кого ты убил!

Мораль этой сказки такова: деньги заработать куда легче, чем занять друга.

КАК ЯНЫЧАР СТАЛ НАВОЗОМ

В одном государстве вместе с местным населением проживала малая народность – янычары. О них шла плохая слава. Где бы что ни случилось, все сваливали на них. Порой они даже не были виновны, но поскольку были "пришлыми", "другими", "не своими", значит, только они могли совершать плохие поступки. Наконец, дело дошло до того, что местные жители написали на них жалобу правителю, с просьбой избавить их от янычар. В ответ на просьбу своего народа правитель издал указ:

"Всем янычарам в течение суток покинуть страну. По истечении этого срока будет казнен каждый обнаруженный янычар".

Все янычары собрали свой скарб и покинули страну.

В этой стране жил одинокий янычар – ювелир. Хотя он и знал об указе правителя, но подумал, все взвесил и решил остаться. "Я одинок, – подумал он. – Если я сам не скажу, что я янычар, никого у меня нет, кто бы мог проговориться. Доживу до старости, здесь же и умру. А тогда, если даже и узнают, не страшно! А к одиночеству я привык".

Так подумал он и остался.

Прошли, упомянутые в указе, сутки, в течение которых можно было спокойно и беспрепятственно покинуть страну.

Со следующего дня начались обыски и проверки. Круг вокруг янычара постепенно сужался. Почувствовал он, что при такой строгой проверке его могут вскоре обнаружить. Как-то ночью вышел он из дому и спрятался на окраине города. Ему оставалось как-нибудь выбраться незамеченным из города, а потом легче скрыться от властей. Видит, идет крестьянин, а за спиной у него корзина. Эти корзины плелись из веток фундука. У них были длинные ручки, за которые было удобно нести их, взвалив себе на спину. Даже самый тяжелый груз было удобно переносить в такой корзине. Обычно в них носили траву, сено для скотины.

Как только янычар увидел этого крестьянина, вышел из

своего укрытия и стал просить выслушать его. Остановился крестьянин, опустил свою корзину.

– Куда ты идешь и что несешь в корзине?

– Иду в сад, который у меня за городом, несу навоз в корзину.

Янычар попросил крестьянина, чтобы он в корзине вместе с навозом вынес его из города. За услугу обещал заплатить золотом.

Было немного страшновато, но магическая сила золота сыграла свою роль.

Высыпал крестьянин навоз, посадил в корзину янычара, присыпал его сверху навозом, взвали себе на плечи и пошел к выходу из города.

А в это время в город входили два жандарма. Остановили крестьянина, спросили, что несет, заглянули в корзину, поморщили носы и отпустили его. Немного пройдя, один жандарм еще раз оглянулся и, что-то заподозрив, говорит другому:

– Слушай, навоз ведь легкий, а ты посмотри, как согнулся этот крестьянин, будто камни несет.

– И вправду, – согласился второй.

И они окликнули крестьянина. Тот остановился, опустил корзину. Жандармы подошли и стали протыкать корзину штыками. Как только штык кольнул янычара, он выпрямился и высунулся из-под навоза.

– Кто ты?

– Навоз.

Какой же ты навоз? Ты что над нами смеешься? Скажи правду, ведь ты янычар!

– Упаси меня бог смеяться над вами. Я был янычаром, пока, назвавшись навозом, не полез в корзину. Теперь же я навоз!

ПАСТУХ И ЗМЕЯ

В одной деревне жил бедный пастух, он зарабатывал на жизнь тем, что собирал коров со всех дворов и от зари до захо-

да солнца пас их в окрестностях деревни. С самого утра надаивал он себе миску молока от одной из коров. Затем подвешивал свою котомку с хлебом на дерево, а под дерево, в тень, клал миску с надоенным молоком. Скотину пускал пастись, сам же устраивался неподалеку и издали следил, чтобы коровы не разбрелись и не потерялись. Время от времени он менял место выпаса и постепенно подошел к подножию горы. Там он облюбовал себе раскидистое дерево, подвесил к ветке котомку, поставил в тень молоко, улегся отдохнуть и задремал. Когда проснулся, миска молока была пуста, а на дне лежала золотая монета. Удивился пастух, обрадовался неожиданной находке и на завтра снова под то же дерево положил миску с молоком. Отогнал скотину на новое место, вернувшись, снова нашел золотую монету на дне пустой миски. "Ведь не солнце же высушивает молоко и превращается в монету? – подумал про себя пастух. – Давай прослежу я, кто же все это делает". На завтра положил он надоенное молоко под дерево, а сам устроился так, чтобы видеть того, кто подходит к миске. Вдруг видит, как из горы выползает большая змея, подползает к миске, бросает в нее монету и выпивает все молоко до капельки. Радости пастуха не было предела. Ведь это было большим подспорьем к его небольшому заработку. Не стал он больше менять место выпаса и старался не показаться змее, чтобы не спугнуть ее. Изо дня в день приносила ему змея за молоко золотую монету. Скоро он так разбогател, что смог построить себе новый дом, обставить нужной утварью, купил всем детям обновки. За то, что он стал жить не нуждаясь, решил он посетить Мекку, воздать должен Богу, раздать там милостыню бедным и поблагодарить Бога за безбедную жизнь.

Перед тем, как отправиться в Мекку, позвал он к себе сына и говорит ему:

– Пока меня не будет, будешь пасти скот у подножья горы за деревней. Там есть раскидистое дерево. Под него ты будешь каждый день класть миску с молоком. Вечером, возвращаясь домой, ты найдешь на дне миски золотую монету, возьмешь ее и не пытайся ничего разузнать или изменить.

Пастух уехал, а сын наутро, следуя его наставлениям, погнал скотину к подножью горы. Надоил молока, положил в тень, на ветку подвесил котомку с хлебом, распустил коров и улегся отдохнуть. Не заметил, как задремал, а, проснувшись, нашел в пустой миске золотую монету. Стало ему интересно, кто мог это сделать. На следующий день повторил он все в точности, а сам спрятался и стал подглядывать, чтобы увидеть, кто подойдет к дереву. Вдруг видит он: выползает из горы большая змея, подползает к миске, бросает в нее золотой, пьет молоко и уползает в свою нору. "Какой же дурак мой отец, – думает юноша, – сидит и ждет, пока змея ему в день по золотому принесет. Завтра я разворочу эту гору и возьму все разом". Сказал и сделал. Разворотил он всю гору, но не нашел ничего, только взрывной волной оторвало змее хвост. Пожалел юноша о том, что сделал, и решил до возвращения отца наладить со змеей отношения. На другой день положил ей на прежнее место миску с молоком и устроился недалеко. Не заметил, как заснул. Змея осторожно выползла из горы, ужалила спящего юношу, не притронулась к молоку и снова уползла к себе. Односельчане, не дождавшись коров, пошли искать их и нашли мертвого юношу. Вскоро вернулся из Мекки пастух. Послушал он рассказ жены о том, что нашли сына мертвым, видно, когда он пас коров, заснул и во сне ужалила его змея. Жене ничего не сказал. Наутро пошел он к подножью горы пасти стадо, и когда увидел развороченную нору змеи, догадался, в чем дело. Стало ему досадно и стыдно за сына перед змеей. По старой традиции надоил молока, налил в миску, поставил под дерево, сам разогнав стадо, прилег и стал ожидать змею. На этот раз ему недолго пришлось ждать. На запах молока змея быстро выползла, но не дотронулась до молока, подняв голову, стала озираться по сторонам. Когда пастух заметил, что у нее оторван хвост, он подошел к ней и стал просить прощения за поступок сына.

– Давай забудем обиды, что было – было, будем по-прежнему друзьями. Ты – мудрая. Прости сына, он молод, горяч, нетерпелив, тем более, что ты его уже наказала. Выпей, пожа-

луйста, молока и никакой отдачи мне не надо, кроме дружбы.

– Напрасны твои старания, пастух. Ты никогда не простишь мне боли, которую я причинила тебе, ужалив смертельно твоего сына. Я же никогда не прощу тебе боли, причиненной мне твоим сыном и потери хвоста, так что дружбе нашей пришел конец.

КАК ИСКАЛИ ФЭС

Раньше, в старину, когда в деревне плохо жилось, бедность гнала людей в город, на заработки. Люди месяцами, а иногда и годами, работали в городе, зарабатывали деньги и отправляли их с односельчанами семье, если сами пока не могли вернуться. Так поехали в город на заработки два соседа, Омар и Джемал. У каждого в деревне оставались жена, дети. У Джемала были мальчики-близнецы. Каждый, уезжая, обещал привезти всем подарки. Джемал обещал близнецам привезти по "фэсу" (мужская шапка с украшениями).

Мало ли, много ли времени прошло, в работе за временем не уследишь. И Омар, и Джемал заработали достаточно денег, чтобы можно было вернуться, да и подарки были куплены почти для всех. В это время, через одного из односельчан, едущего в город, узнает Омар, что один из близнецов Джемала умер и надо под каким-нибудь предлогом ехать домой, чтобы успеть на похороны. Задача не из легких. Начал Омар издаleка, что, мол, давно мы уехали из деревни, как там, интересно, дома без нас? Все ли в порядке? Не поехать ли хоть на неделю, очень мол, соскучился по жене, по детям. Давай отпросимся на неделю у хозяина и поедем. Джемал согласился, потому что сам тоже очень соскучился по семье.

– Можно ехать хоть сейчас, вот только загвоздка в том, что "фэс" всего один. Надо купить для второго тоже и тогда тут же выезжаем, – обещал он Омару.

Пришлось Омару согласиться с этим, и они тут же, не мешкая, пошли искать "фэс", чтобы ни одному из детей не было

обидно. То это была очень красивая и дорогая шапка, то очень уж убогая и невзрачная. Долго ходили они в поисках фэса, солнце стало клониться к закату, оба устали. Омар знает, что вторая шапка ни к чему и что зря они убивают время на поиски, и из-за этого не успеют на похороны, но не может этого сказать ему. Там, в деревне, когда он увидит сам, вместе со всеми легче перенести горе, а здесь как скажешь отцу, что тот, для кого ты ищешь, может быть похоронен и без фэса – язык не поворачивается сказать такое. А Джемал неумолим. Омар и так и эдак, никак не уговорить соседа.

– Эх, сосед, если бы ты знал то, что знаю я, одного фэса на двоих хватит с лихвой.

КАК БЫЛ НАКАЗАН ГРАБИТЕЛЬ

Один человек возвращался домой верхом на лошади из дальних мест, куда он ездил на заработки. По дороге он познакомился с человеком, который шел в том же направлении. Дальнюю дорогу легче одолеть, когда есть собеседник. По простоте душевной он рассказал, что несет домой деньги. Настала ночь. Лошадь привязали к дереву, они легли спать на траве. Слышит он, как незнакомец шарит в его вещах, нетрудно было догадаться, что его решили ограбить.

– Что ты делаешь? Я несколько лет не был дома и обрек себя на это ради того, чтобы вернуться однажды богатым!

Незнакомец, достав оружие, стал угрожать ему:

– Ничего, переживешь! А теперь снимай одежду!

– Ради бога, пожалей, хоть одежду мне оставь. Как я покажусь в деревне голым?

– Каждый зарабатывает как может, – отвечает грабитель.

– Побойся Бога, такой заработок выйдет боком, не испытывай терпения Бога.

– А каково его терпение?

– От сорока дней до сорока лет!

– Ну, тогда у меня еще есть время, – сказал грабитель и с этими словами ушел в ночь.

Бедный человек в одно мгновение остался среди ночи без лошади, без денег, а, главное, совершенно голый. Решил, пока темно, быстрыми шагами дойти до деревни. В темноте, когда он шел над оврагом, вдруг послышался ему стон человека. Остановился и спросил: "Кто ты, не вижу, откуда идет стон". Снизу отвечают: "Я ехал верхом, лошадь поскользнулась и покатила в овраг, а теперь не могу выбраться из-под лошади, кинь, пожалуйста, мне ремень, ухватюсь за него и выйду".

– У меня ничего нет. Не то, что ремня, меня ограбили и раздели догола.

– Ах ты, бессовестный обманщик! Вот тебя-то я и прокливаю. Ты ведь мне сказал, что терпение Бога от сорока дней до сорока лет, а я вот угодил сюда через сорок минут.

– У тебя еще хватает совести обвинять меня! Это наказание тебе пока за прежние грехи, а за меня ты еще получишь от Бога.

УМНАЯ ЖЕНА

В одном городе жил кузнец. Перед домом у него была маленькая кузница, весь город знал его дом. Кому лошадь подковать, кому лопату сделать, кому что починить железное – все к нему. Никогда никому не отказывал, всегда всем все в срок делал, и все его очень любили. К каждому он относился дружелюбно, каждого пришедшего встречал как старого друга, и все его уважали. Один из друзей нашел ему невесту из хорошей семьи и женил его. Жена-красавица пришлась ему по сердцу, и кузнец был очень доволен своей судьбой.

Однажды мимо кузни проходил сам правитель города. В это время жена кузнца несла мужу в кузню холодную воду. Увидел правитель ее, и зависть застлала ему глаза. "У какого-то кузнца должна быть такая красавица жена, а я должен прожить свой век с уродиной". Решил он отнять у кузнца жену.

Однако, визирь не советовал ему так поступать: "Народ тебя осуждать будет. Сделай по-умному. Дай ему поручение, с которым он наверняка не справится. Затем казни его, а потом женись на его вдове. Тогда тебе никто ничего не посмеет сказать".

Правителю не терпится достичь цели, красота ее пред глазами. Как только вернулся во дворец, вызывает кузнеца и заказывает ему к завтрашнему дню изготовить шестнадцать килограммов мелких гвоздей. "Если изготовишь столько – получишь золото, а не изготовишь, не обижайся, велю казнить".

Пришел кузнец домой и, не поужинав, переделся в рабочую одежду и стал делать гвозди.

Жена зашла к нему в кузню, видит, что он очень встревожен и не покладая рук работает.

– Что с тобой случилось? Почему ты не закрываешь кузню? Почему у тебя такое плохое настроение? Я жду тебя ужинать, а ты, на ночь глядя, начал работать.

Не хотел расстраивать кузнец жену, но потом решил, что утром она все равно все узнает. Так пусть она хотя бы видит, что я, ни минуты не теряя, пытаюсь выполнить заказ. Ну, а если не успею, значит, моей вины в этом нет.

Его жена была так же умна, как и красива. Смекнула она, в чем тут дело, и говорит мужу:

– Ты ведь знаешь, что тебе все равно не успеть до завтра сделать 16 килограмм мелких гвоздей. Давай бросай работу, переодевайся, пойдем ужинать. Помолимся Богу, тут только он может помочь. А мы в надежде на его справедливое решение можем спать. Если бы даже у тебя было 16 рук, ты бы все равно не успел к завтрашнему дню сделать 16 килограмм мелких гвоздей. Если же Бог пошлет тебе смерть, то хоть последнюю ночь проведем вместе, и ты на казнь пойдешь отдохнувший, а не измученный работой.

Кузнец послушал ее и думает: "Какую умную жену послал мне Бог. А раз он дал мне такую умную жену, то ее умом меня спасет от смерти". Послушался совета жены. Переоделся и вышел к ужину. Поужинали, легли спать, а наутро ни свет,

ни заря в дверь стучатся. Испортилось у кузнеца настроение. Хоть и ждал, что за ним утром придут от правителя, но действительность оказалась гораздо тяжелей.

Встал, он, чтобы выйти к пришельцу, а жена его не пускает.

– Полежи, я сама узнаю, в чем дело.

Подошла к дверям и спрашивает:

– Кто там, ни свет ни заря, не спится вам, что ли?

Видно, стоящий по ту сторону двери знал суть дела, потому что ответил:

– Для вас весть хорошая. Сегодня ночью правитель скончался, и кузнеца просят до заката солнца изготовить 16 крупных гвоздей для заколачивания гроба.

Сказав это, посланец ушел, не заходя в дом. Жена же, вернувшись к мужу, сказала:

– Вставай, жизнь моя, слава и хвала Всевышнему. Он гвозди мелкие превратил в гвозди крупные. Так что тебе к закату солнца вместо 16 килограммов мелких гвоздей надо приготовить всего лишь 16 крупных гвоздей на гроб правителя.

КАДЫР И ЧЕРТ

В одной деревне жил очень добрый, честный тихий человек. Жил он в ветхой избушке, никого из близких у него не было. Из-за своей бедности не осмеливался он посвататься к кому-нибудь, так и жил один. Немного трудно бывало, когда хворь оделевала, но тогда добрые соседи не оставляли его. Так шло время. Соседки между собой решили ему найти кого-нибудь и женить. Узнали они, что в соседней деревне умер кто-то, после смерти его вдове из дому стали выгонять. Вот они и решили женить его на этой вдове.

Кадыр согласился. Согласилась и вдова, ведь ей все равно куда было идти. Прошло немного времени, жена Кадыра Эмина начала проявлять недовольство, ворчать, ругаться с ним.

Дальше больше... Кадыр не рад, что женился. Зачем,

думает, мне это надо было?! Жил себе спокойно, безмятежно и вот тебе. Стал он подумывать, как ему от нее избавиться. Вспомнилось ему, что однажды в лесу, далеко в чаще, набрел он как-то на колодец, прикрытый камнем. Но как довести ее до того места. Силой ему ее не одолеть. Разве что хитростью.

Проснулся однажды утром Кадыр и просит у Эмины длинную веревку.

– Для чего тебе веревка, потеряешь или порвешь, где я еще такую достану?

– Не бойся. Для хорошего дела она мне нужна. Видел я сегодня во сне, что есть в лесу колодец, полный золота. Кто найдет этот колодец, тому до конца дней хватит этих денег, и ему и его потомкам. Видно, это моя судьба, иначе бы ангелы мне об этом во сне не сказали бы. Мне этот колодец и искать не надо, я знаю, где он. Вот только дай мне веревку.

Не успел Кадыр закончить свои слова, видит Эмина одевается.

– А ты куда?

– Ну да, так я тебе нерасторопному доверю это дело. Давай, идем скорей, показывай, где это место! Наверное, и место-то толком не помнишь!

С этими словами отправились они в лес. Чтобы она ничего не заподозрила, Кадыр несколько раз будто вспоминал и не мог вспомнить, останавливался в раздумье. Любопытство Эмины достигло предела. И когда Кадыр, наконец, подвел ее к колодцу, забыв о всякой осторожности, она обвязалась веревкой и со словами: "Тебе такое дело я не доверю", – бросилась в открывшееся под камнем пространство. Недолго думая, Кадыр захлопнул камнем колодец. "Слава тебе господи, кажется, я от нее освободился", – сказал про себя Кадыр и пустился бежать от этого места домой. На одном дыхании достиг он своей избушки. Зашел домой и крепко изнутри закрылся. До утра он все ждал со страхом, что Эмина вот-вот вернется. Рассвело, а Эмины нет! И успокоился Кадыр. Легко стало ему жить. Но вот прошло немного времени, и холостяцкая жизнь

снова стала ему в тягость. Забыл он о ворчливом характере жены, вспоминались домашний уют, запах обеда, чистое белье. Дай, думает, пойду, может, еще не умерла она там, приведу снова домой, может, теперь она буде поговорчивее. Ведь как-никак я ее от смерти спасаю.

Пошел он в лес, нашел камень, чуточку приподнял его и только хотел заглянуть внутрь, как кто-то, цепко вцепившись в него дрожащими руками, стал умолять:

– Закрой скорей, умоляю тебя, закрывай!

Камень выскользнул у него из рук и захлопнул отверстие колодца. Тут только рассмотрел Кадыр существо, прыгнувшее ему на шею. Это был черт.

– Добрый человек, за то, что ты освободил меня от женщины в колодце, Эмины, проси у меня все, что хочешь, я тебя очастливлю.

Остолбенелый Кадыр потерял дар речи.

– Ничего мне от тебя не надо, отпусти меня домой.

– Ладно, – говорит черт, – не хочешь сейчас, захочешь потом. Вот тебе три волоска с моих усов. Сохрани их. У одного царя есть единственная дочь. Вскоре ты узнаешь, что она задыхается и никто из докторов не может ей помочь. Это я буду ее душить. Придешь ты и пообещаешь ее спасти. В награду проси все, что захочешь. Царь согласится. Войдешь в комнату, где лежит принцесса, и сожжешь один ус. Я увижу, что это ты, и тут же оставлю ее. Возьми, что просил, и уходи домой.

Пройдет время, я стану душить дочь другого царя. Начнут искать тебя. Ты приходи опять, проси все, что хочешь, сожги волосок, и я исчезну. Но вот когда я в третий раз начну душить царскую дочь, чтобы ты не появлялся. Тогда я отпущу ее и возьмусь за тебя. Ты понял? Богатство, которое ты возьмешь за первых двух принцесс, хватит до конца твоих дней.

Такой оборот дела Кадыру даже понравился, и он, взяв у черта три волоска, ушел к себе домой.

Прошло время, глашатаи разнесли весть, что у одного царя дочь задыхается и всякого, кто может ей помочь избавиться

от недуга, просят придти во дворец, вылечившему принцессу царь обещает большое вознаграждение. Отправился Кадыр туда, вошел в покои принцессы, зажег волосок, черт тут же отпустил принцессу и исчез. Взял Кадыр свое вознаграждение и вернулся домой. Прошло время, глашатаи снова разнесли весть, что дочь другого царя занемогла той же болезнью и всем, кто знает о местонахождении Кадыра, просят сообщить во дворец.

Отправился Кадыр во второй раз, спас принцессу, взял вознаграждение и вернулся к себе домой.

Недолго заставила себя ждать третья весть. На этот раз принцесса Индии заболела той же болезнью, и царь послал за Кадыром, чтобы его привели к дочери. Кадыр не соглашался идти, тогда ему поставили условие, если вылечит ее – вознаградят, а не пойдет – казнят.

Делать нечего, пошел Кадыр к третьей принцессе.

Как только он зажег волосок, черт оставил принцессу и вцепился ему в горло.

– Я же тебе говорил, не смей приходить в третий раз! Зачем ослушался?

– Послушай, что я тебе скажу! Сколько времени я ждал, чтобы ты где-нибудь объявился. Я должен тебя предупредить. Эмина вышла из колодца и ищет тебя по всему свету. Не поздоровится, говорит, ему, если я его найду. Вот за этим только я и пришел сюда. А теперь мое горло в твоих руках, что хочешь делай со мной. Только помни, что она тебя ищет. Ты сделал меня богатым, разве могу я забыть это. Не хочется мне быть неблагодарным.

Услышав имя Эмины, черт задрожал, глаза беспокойно забегали, ужас охватил его.

– Что ты говоришь? Не думал я, что ты ради меня пришел сюда. Я думал, золото и богатство затмили твой разум. Спасибо тебе, – сказал черт, отпуская его горло. – Больше тебя никто не позовет лечить кого-нибудь от удущья. Я навсегда покидаю эти края.

С этими словами черт выскочил из покоев принцессы и был таков.

Кадыр же, взяв вознаграждение, вернулся домой и безмятежно прожил до глубокой старости.

"КЕМ БЫЛ? КЕМ СТАЛ, КЕМ БУДУ?"

У одного падишаха не было детей. Годы шли, он переживал, что у него нет наследника. Все советовали ему жениться на другой. Когда уже ждать не было смысла он дал согласие на женитьбу. Молодая жена родила ему дочь. Довольный правитель на долгое время отправился обозревать свои владения. В его отсутствие первая жена с визирем договорилась, чтобы он помог ей избавиться от ребенка. За большие деньги они уговорили няню помочь им в этом. Однажды няня вернулась с проулки с окровавленной одеждой ребенка и рассказала, что собаки разорвали девочку и вот, все что от нее осталось. Мать поплакала, но делать нечего, примирилась с горем. Когда приехал падишах, ему сообщили ужасную новость. Он долго горевал, но тоже примирился, решив, что ему не суждено иметь наследников.

А няня, пожалев ребенка, подкинула девочку мельнику. В корзине она оставила ее около дверей мельницы. У мельника было четверо сыновей, и он мечтал иметь дочь. Когда он нашел в корзине девочку с радостью вбежал в дом:

– Жена, бог услышал наши мольбы и послал нам дочь!

Так девочка попала в дом мельника. Когда она немного подросла, приемные родители решили, что такую смышленную, красивую девочку не отдадут никому и одного из сыновей женят на ней. Они рассказали ей историю ее появления в их семье, чтобы она с детства знала, что она "найденный". Девочка выросла, пришло время старшему сыну жениться. Как и задумал мельник, они их поженили. Когда у них родился сын, невестка попросила разрешения назвать ребенка именем "Кем был". Объяснила это так:

– Я хочу знать, кто я и откуда меня принесли в ваш дом. Со временем, когда услышат его имя, заинтересуются необыч-

ным именем и может это поможет мне найти моих истинных родителей. Вы не обижайтесь, я вас очень люблю и благодарна вам за все, что вы мне сделали, но я хочу знать свои корни.

Приемные родители согласились с ее доводами и не стали препятствовать ей.

Второго ребенка она назвала "Кем стал", а третьего "Кем буду".

Однажды падишах со своей свитой объезжал свои владения. Ночь застала его около мельницы. Они попросились на ночлег. Мельник предоставил им ночлег и угостил ужином. Поужинав, гость сказал:

– С удовольствием выпил бы холодной воды из колодца.

Мельник позвал внука:

– "Кем был" принеси гостю воды из колодца.

Гость удивился этому имени:

– Что за странное имя, я обошел немало мест, но такое имя не слышал. Или какой-то смысл в это имени?

В это время подбежал второй внук.

– Дедушка, я тоже хочу гостю что-нибудь принести.

– "Кто стал", принеси и ты воду.

Гость заинтересовался и попросил мельника объяснить, откуда такие странные имена. Мельник рассказал всю историю с самого начал и со словами:

– А третьего невестка назвала "Кем буду?" – закончил свой рассказ.

Гость попросил позвать невестку.

– что ты хотела сказать своими странными именами своих детей.

– Давая детям эти имена я надеялась, что когда-то кто-нибудь, испытавший то же что и я обратит внимание на их странность и спросит меня об этом. Таким образом, всплывет мое прошлое. Может хоть так я узнаю кто я и откуда.

Гость задумался. Он задал несколько вопросов мельнику, сопоставил время появления девочки в доме мельника с гибелью своей дочери. Все совпадало. Он убедился, что перед ним стоит его пропавшая в детстве дочь. Он обнял ее и сказал, что не верил никогда, что она могла погибнуть.

Во дворец они вернулись все вместе. Первую жену и визи-
ря падишах приказал бросить в темницу. Зять сделал своим
наследником и все свободное время проводил с внуками: "Кем
был?", "Кем стал", "Кем буду?".

ПОСЛОВИЦЫ

Поспешность – дерево, плод которого раскаяние.
Торопясь, не пройдешь большего расстояния.
В поспешном деле дьявол бывает замешан.
Не изведавший горечи не познает сладости.
Убитый горем человек не в состоянии мыслить.
Голодный пес может разрушить пекарню.
Сытый голодного не разумеет, а здоровый – больного.
Желудок у голодного насытится, а глаза – нет.
Голодная собака волка не боится.
Голодный волк и на льва может броситься.
Голодного сон не берет.
Раскрытый рот голодным не останется.
На открытую рану соль не насыпают.
При голоде просяной хлеб вкуснее халвы.
Его прорвало, его понесло.
Не заставляй открыть ларец, не вынуждай говорить дурного.
Один раз украл, а на век вором стал.
С глаз черта сурму крадет.
Привычка – вторая натура.
Червь точит дерево изнутри.
Пусть будет поздно, но не трудно.
В позднем деле есть добро.
Головы не растут на огороде.
Будь ишачьей головой, но будь головой.
По-настоящему плачет только мать, а другие – притворно.
Дитя не плачет – мать не разумеет.
Не горюй об умершем, лучше позаботься о живом.
Слезам любимого не удержишь.

Что легко приходит, то легко уходит.
Кто делает зло, тот злом и бывает наказан.
Домашние подсчеты на рынке не оправдываются.
У домовладельца – один дом, у квартиросъемщика – тысячи
домов.
Не имеет даже зернышка для приманки, а становится в оче-
редь на мельнице.
Хлеб бедняка – рожь, а коза – его корова.
Утешение бедняка – смерть.
Судьба кому мать родная, а кому – мачеха.
Судьба заставляет кого-то играть на большом барабане, а кого-
то на маленьком.
Не познав плохого, не оценишь хорошего.
Плохие вести быстро доходят.
Сын говорит: "Отец, ты в рай попадешь", а отец говорит: "Не
верю, сынок, зная, какие грехи совершил".
Слепой не видит, но чувствует.
Слепой палку один раз теряет.
Нет худа без добра.
Только смерть освобождает
Здоровой голове подушка не нужна.
И у белой овцы бывают черные ягнята.
И честно заработанного черт берет половину, а незаконно при-
обретенного забирает вместе с хозяином.
Лучшая защита – нападение.
Дурная собака может мечтать о яичнице.
С глаз долой, из сердца вон.
В чужой монастырь со своим уставом не ходят.
Чему быть – того не миновать.
Когда вожаком журавлей становится ворона, то клюв журав-
лей будет вечно в дерьме.
Все новое хорошо, а друг хорош старый.
Не доверяй свои тайны другу, у друга есть тоже свой друг.
Не доверяй свою тайну не испытанному другу, он может на-
бить соломой твою шкуру (т.е. сделать из тебя чучело).
Если имеешь хорошего соседа, даже дочка-калека может удач-

но выйти замуж.
Вытягивай ноги соответственно длине одеяла (живи по своим возможностям).
Прятались от дождя, а попали под град.
Хотели бровь подправить, да глаз выкололи.
Дома не умет себя причесать, на свадьбах берется причесывать невест.
Полежавший с собакой, с блохами встанет.
Тот, кто любит розы, потерпит и шипы.
Человек – подлая натура, не поймешь его проделок, береги себя от того, кому сделаешь добро.
У каждого вечера есть свое утро.
Добро плачущего не принесет пользы смеющемуся.
Живым кажется, что мертвые на том свете халвой питаются (сытый голодного не разумеет).
Смерть – это черный клубок, в каждый дом катится.
Смерть – это навьюченный верблюд, перед каждым опускается на колени.
Рыба думает: если бы мой рот не был полон воды, то я бы многое сказала.
Была бы у меня спина, не посмели бы бить меня по животу.
Береги свои вещи так, чтобы не пришлось заподозрить соседа в воровстве.
Укравший совершает один грех, потерявший – тысячу грехов.
Хотелось бы в рай, да грехи не пускают.
Кто работает, того и погоняют.
Головы двух свиней в одной кастрюле не сварятся.
Отец не пожалел для сына целый виноградник, а сын пожалел для отца кисточку винограда.
Поторопился – я догнал беду, медленно пошел – беда меня догнала.
Смирная лошадь больно лягается.
Что накрошишь в миску, то и черпнешь ложкой (что посеешь – то и пожнешь).
Если даже у барана большой курдюк, то он прикрывает только его задницу.

Чем просить сорок пророков, лучше попросить одного Бога.
Лишь бы был мед, муха даже из Багдада может прилететь.
Для сумасшедшего все равно – хоть здесь, хоть в Багдаде.
Один сумасшедший бросил в колодец камень, сорок умных не смогли достать.

ФЕРГАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Это что за ужас был
Такого никто еще не видал,
Никто не мог понять
Скрытый смысл этого погрома.
Без какого-либо заявления
Со стороны правительства
В течение двух дней
Начался конец света.
Месхи попали в непредсказуемое положение.
О том я плачу!
Месхи сбились в районном клубе
Но враги окружили и облепили его
Со стороны властей
Нам помощь не пришла
И в клубе начался конец света.
О том я плачу!
Более чем в тысячи домов ворвались они
Ломали окна, двери
Поджигали дома, имущество, скот
Все вокруг начало гореть
О том я плачу
Эти кафиры обернулись врагами
Сколько душ безвинных сожгли
Ограбили и разорили дома
В сердцах сил не осталось, чтобы пережить все это
О том я плачу!
В каждую махалю по пятьсот взбесившихся вошли

Разграбив дома, повернули обратно
Кто попадался к ним в руки – поджигали,
Люди начали гореть.
О том я плачу!
Дома сожгли, что только не сделали
Все наше имущество разграбили.
Эти кафиры воплотили в жизнь задуманное
Наши страдания для них так просто не пройдут.
О том я плачу!
Ударом ноги выбивали двери.
Кого резали, кого вешали
Облив бензином, поджигали дома
Кому я смогу рассказать о горе и оплакать
Сломав двери в дома вошли,
Выбегающих из дома, по одному расстреливали
Дома и дворы наши подожгли
Сгорели машины, стоящие во дворе
Бензином обливали всех, кто это видел,
Чтобы бог обделил их счастливыми днями
Тех, кто нас истреблял
Из ружей стреляли в выбегающих из домов
Стали тела израненные плакать
Великолепные здания остались без хозяев.
Потому что на свое имущество мы стали бесправными
Ни один дом не избежал грабежа
Заброшенные, пустые дома остались
О том я плачу!
От оханья сердца превратились в пепел.
Еще одно насилие перетерпели месхи
Наше богатство, добро досталось врагам
Еще раз по миру пошли
Горюю и плачу!
Чтобы черные тучи обволокли Фергану
Чтобы дождь пошел, чтобы воды сели
Собирали всех в кучу, смывали и сбрасывали в

Сырдарью

Вот о чем я бога прошу

И о чем я плачу!
Чтобы на них холера нашла
И мучала их любимые (сладкие) души
Чтобы они в алую кровь окрасились
Чтобы души их в страданиях мучались.
О том плачу я!
До последнего, чтобы все погибли
Чтобы землетрясение расколело горы и ущелья
Я прошу, чтобы у них ни остался никто
Кто смог бы сказать: "Мама".
День и ночь буду просить бога и плакать
Чтобы над Ферганой такой гром раздался,
Такая молния ударила,
Чтобы небо и земля содрогнулись бы,
Чтобы враги наши в беде оказались
Самолет в воздух взлетел.
К кому могут обратиться высланные месхи
В поисках справедливости?
Соловей улетел, больше в гнездо не вернется
Без кола и двора остались,
О том я плачу!
Сейчас нам родиной стал Белгород
Оторванные от близких, мы попали в чужие места (края)
Ни в житье, ни в еде нету вкуса,
Чтобы бог счастливый конец дал нам,
Говорю и плачу!
По три семьи нас разделили
В России мы кочевали с места на место
Безвинные рабы божьи стали дастаном на языках
Пусть все узнают о моем горе
О том я плачу.
Вокруг, куда ни глянь, деревья бука
Кто-то потерял брата, не найдет сестру
Еще одну боль нанесли месхам
Эту боль тоже мы должны вынести
О том я плачу

На полигоне началась раздача пайков
Черные глаза залились кровью и прослезились
Мы, месхи, от гнева загорелись, значит судьба
наша такая

О том я плачу!
Кого не встретишь, слышишь "здрасьте"
У кого из нас здесь есть родственники, друзья?
Начались снегопады, вьюги, метели.
И попали мы в вьюги, метели
О том я плачу!
Отчуждились друг от друга, братья, родственники
В большой России остались беззащитными
От правительства нам помощь не пришла
Помощи от бога прошу и плачу
Кто держит гусей, а кто уток
Как быстро пролетели весна и лето
Сколько дастанов проиграл этот перламутровый саз
Струна моего саза лопнула.
О том я плачу!

*ашуг Осман Учинадзе
перевод с турецкого*

*Цинубани, Ахалцхский район
20 июля 1989 год*

СОХРАНИВШИЕСЯ ДОКУМЕНТЫ И ФОТОГРАФИИ, КОТОРЫЕ Я ЗАХОТЕЛА ПРИЛОЖИТЬ К КНИГЕ

საქართველოს მთავრობის დადგენილება

თბილისის საქართველოს
ისტორიის, არქეოლოგიის
და ეთნოგრაფიის ინსტიტუტი

380007, თბილისი 9, უკ. მელიქიანიძის, 19
ტელ. 99-06-82

АКАДЕМИИ НАУК ГССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ
И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

380009, Тбилиси 9, ул. Меликяншвили, 19
тел. 99-06-82

19.07 90 № 00-01 667

ფურც. № _____

Министерству юстиции грузинской ССР
Председателю Исполкома Совета народных депутатов
Орджоникидзевского района г. Тбилиси
Г. Кекелидзе

Эмма Моадиновна Шахпандарова, проживающая в 6 корпусе Цхнетской улицы обратилась к нам с заявлением о выяснении истории ее фамилии, происхождения и национальности.

Сообщаем следующее: Шахпандарова происходит из селения Хертвиси в Месхети. Ее фамилия произведена посредством русского суффикса и ее носители отнесены к азербайджанской национальности. Но как выясняется по историческим документам и этнографическим данным, Шахпандаровы по происхождению грузины и их предшествующая грузинская фамилия Вачнадзе. Запись Вачнадзе Шахпандаровыми и азербайджанцами произведена по их конфессиональной принадлежности. Известно, что в ряде провинций Грузии (Самцхе-Джавахети, Саингило, Аджария) распространилась мусульманская религия завоевателей. Неправославных грузин не считали грузинами, так как в те времена национальность и вера отождествлялись друг с другом. Грузин-мусульман называли татарами. В XIX веке, при царизме, грузинам-мусульман татарскую (с XX века – азербайджанскую) национальность узаконили официальными юридическими документами и грузинские фамилии им заменили негрузинскими. В конце XIX века татарами, а затем азербайджанцами записали и грузин-мусульман, коренное население Месхети. Мусульманами стали и представители грузинской фамилии Вачнадзе, коренные жители села Хертвиси в Месхети. Ставших мусульманами Вачнадзе записали с новой фамилией, произведенной по имени отца. Ран-

няя, грузинская фамилия Шахпандаровых (Вачнадзе) и их грузинская национальность зафиксирована в посемейных списках 1886 года (ЦАИД Грузии, фонд 254, АЦЗ, дел.№1771).

Таким образом, по происхождению Шахпандаровы – грузины, их ранней грузинской фамилией была Вачнадзе. Запись Вачнадзе Шахпандаровыми и азербайджанцами произошла из-за того, что они приняли мусульманство.

Восстановление Шахпандаровым их изначальной фамилии (Вачнадзе) и грузинской национальности научно оправдано и желательно.

Директор Института акад. Г. Меликишвили
Ученый секретарь Т. Тодрия
Ведущий научный сотрудник,
канд. историч. наук Р. Топчишвили

საპარლამენტო აპარატი
ადამიანის უფლებათა დაცვის და პირველ
შეხირობათა სამსახურის კომისია

ПАРЛАМЕНТ ГРУЗИИ
КОМИССИЯ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПО ДЕЛАМ
НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
PARLIAMENT OF GEORGIA
COMMISSION ON HUMAN RIGHTS AND NATIONAL MINORITIES

№ 22/933

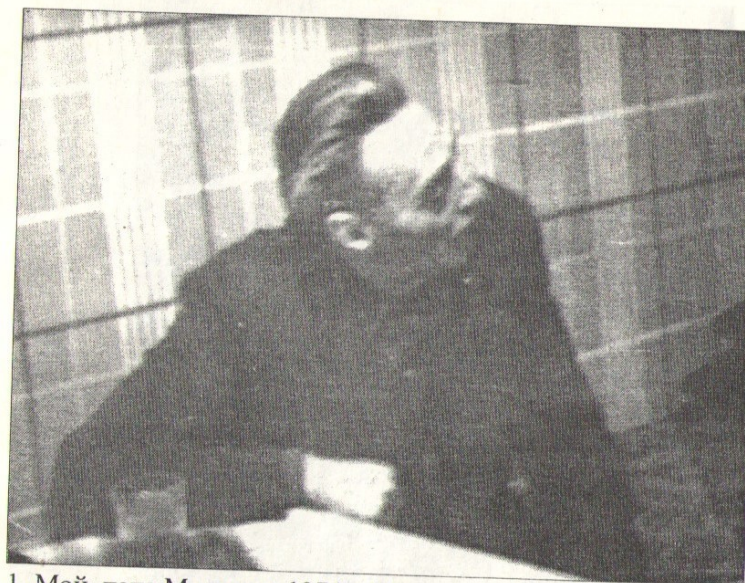
СПРАВКА

12/27-93.

Дана Назире Гасановой, в том что ее истинная фамилия Вачнадзе. Соответствующие документы находятся в Министерстве юстиции республики Грузия. В ближайшее время будет решено восстановление истинных фамилий грузин-мусульман (месхов).

Справка дана для представления по надобности.

С уважением,
Председатель комиссии Г. Лорткипанидзе

1. Мой папа Муаддин, 1974 г. Тбилиси

2. Мама, совхоз "Булунгур",
1950 год, в ссылке

3. Мой папа с друзьями, совхоз "Булунгур", 1950 г. в ссылке

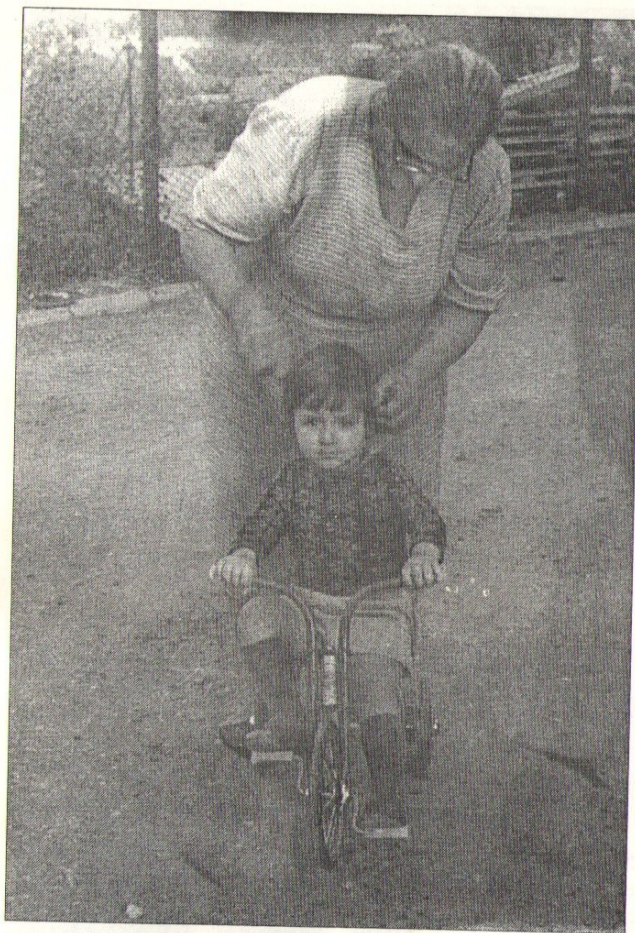
4. Мама, папа, Пикрия, дети – Лариса, племянница, сестренка Эмма и я. 1944 год

5. Мама, Эмма, дети Майи Венера и Рауф, 1950 г. в ссылке

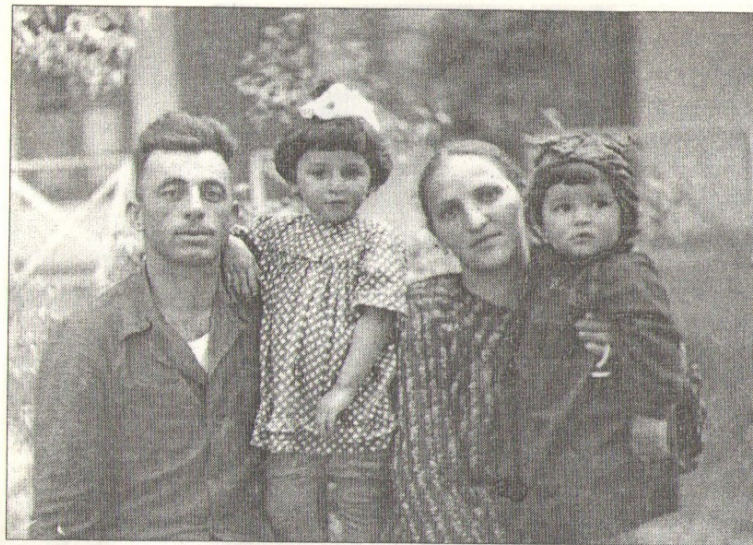
6. Моя мама и сестренка Эмма, совхоз "Булунгур", 1950 г. в ссылке

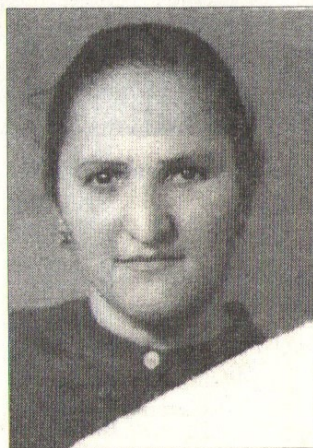
7. Моя мама с внуком Эльдари, 1971г.

8. Моя однокурсница Исаф Нанишвили, 1943 год, Адигени до ссылки

10. Моя семья. Муж и наши дети, 1950 год в ссылке

9. Бука, Ташкентская область, 1945 год, в ссылке

11. Мои дети Венера и Рауф, 1950 год в ссылке

12. Я у нас во дворе, 1957 год. Тбилиси, три года как вернулись из ссылки

13. Я с дочкой.
Дманиси, 1956
год

14. Моя мама, моя невестка Лена, сестра Эмма. Я и дети – племянник Эльдар и внук Демури. 1975 год, Тбилиси

15. Посередине: Цицина, папина двоюродная сестра, приехала из Ташкента в гости, старшая сестра Пикрия, младшая сестра Эмма, у нее на руках ее первенец Эльдар, моя мама и я. 1971 год, Тбилиси

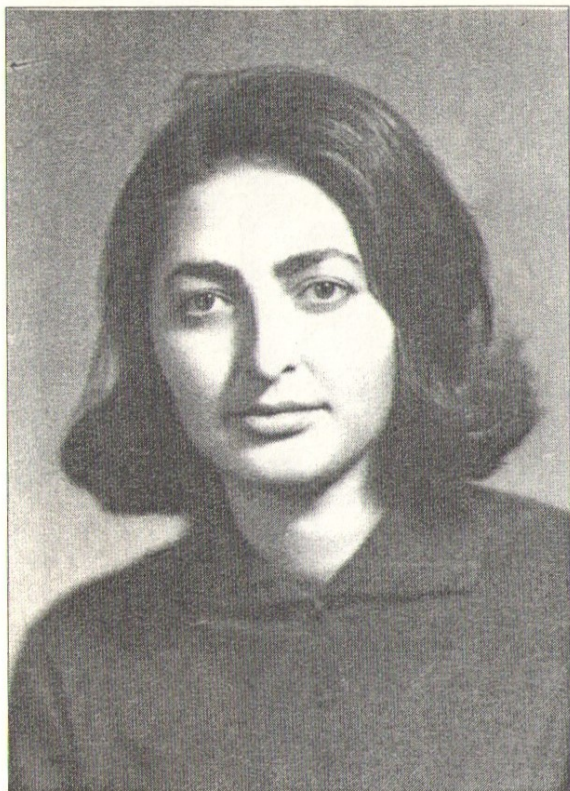
16. Сестра Эмма, весна 1944 год. Адигени (осенью 44 года выслали)

17. Сестра Эмма, 1949 год, совхоз "Булунгур", Самаркандской области, Булунгурский район в ссылке

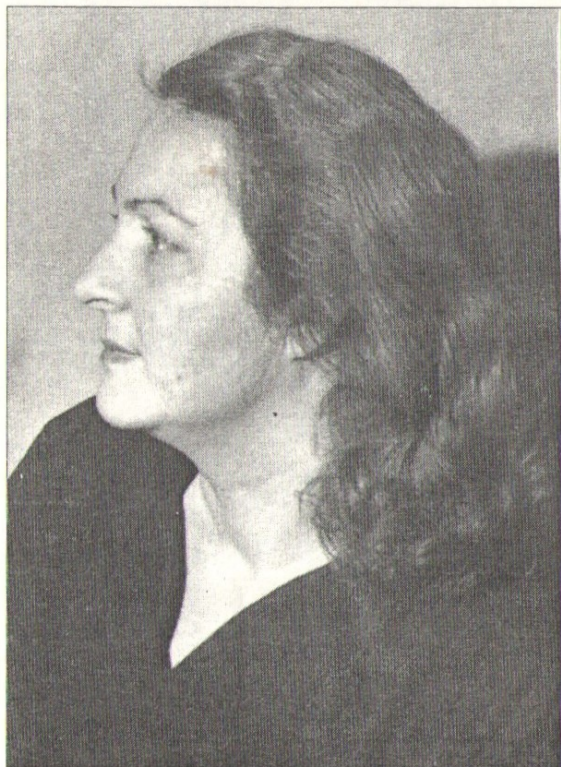
18. Эмма с одноклассницами, высланными крымскими татарками, совхоз "Булунгур", 1954 год, в ссылке

19. Эмма, сестра, 1966 год, Тбилиси

20. Муж Эммы, Валерий с детьми Эльдаром и Гейдаром, 1977 год, Тбилиси

21. Старшая сестра Пикрия, 1964 год, Тбилиси

22. Лариса, дочь старшей сестры Пикрии, 1965 год, Тбилиси

23. Мой сын Рауф, внук Демури, внучка Мадина, племянник Гейдар, 1980 год, Тбилиси

24. Мои дети Венера и Рауф,
1955 год, Дманиси

25. Моя дочь Венера,
1965 год, Тбилиси

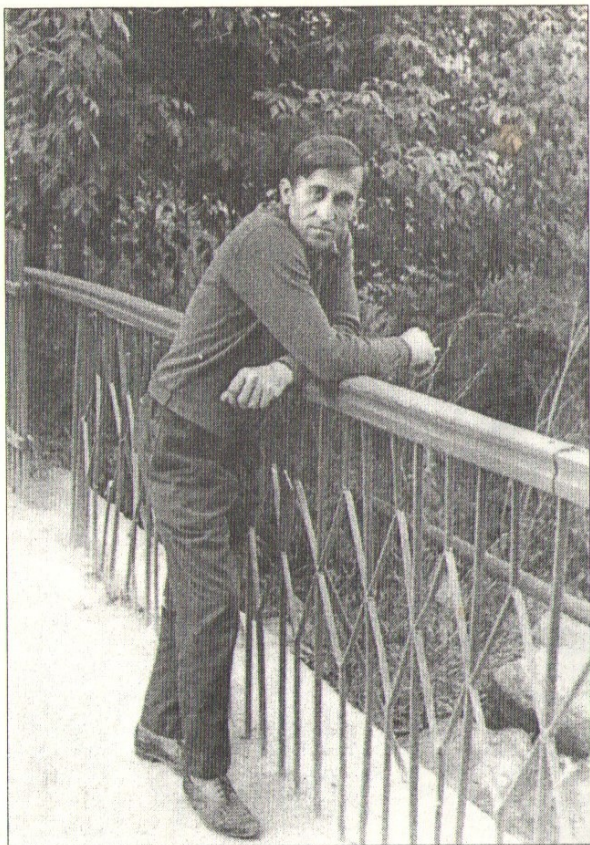
26. Дочь Венера, правнучка Тинико, правнук Алеша, 2003 год, Ташкент

27. Муж моей внучки Ирины, Гия Элизбарашвили, в коляске Тинико, Тбилиси

28. Мои внучки Ирина и Белла, племянник Эльдар, 1988 год, Тбилиси

29. Это самый младший брат папы, Тофик, 1970 г., Казахстан, дом отдыха

30. Брат папы Нусрадин и (Балаш) Белла. Она дочь папиного брата Аладдина, которого в 37 году арестовали. 1956 год, они приехали в Тбилиси из Казахстана.

31. Старшая сестра Пикрия с дочкой Ларисой из Тбилиси приехали к нам в Булунгур, Самаркандская область, 1949 год, лето, в ссылке

32. Я в Дманиси на работа среди своих воспитанников, 1958

33. Эмма, ее сын Гейдар и я в Хашури с папиными племянниками, 1993 год.

34. Все наши вместе собрались у дочки, проводы внучки Ирины, в Украину, 1995 год, Тбилиси

35. Я, ноябрь 2004 года. 60 лет после депортации.

Г С С Р

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Шахназаровой
(Фамилия, имя и отчество)
Назире М. Родившейся в 1926 году, в том, что она
 в 1943 году окончила полный курс школьного отделения
Анженского, педагогического училища и при этом
 поведением обнаружил следующие успехи:

по грузинскому языку <u>Отлично</u>	по педагогике <u>Отлично</u>
грузинской литературе <u>Отлично</u>	конституции СССР <u>Отлично</u>
русскому языку <u>Отлично</u>	школьной гигиене <u>Отлично</u>
русской литературе <u>Отлично</u>	методике грузинского языка <u>Отлично</u>
родному (Аба) языку <u>Отлично</u>	методике русского языка <u>Отлично</u>
(Аба) литературе <u>Отлично</u>	методике арифметики <u>Отлично</u>
иностранному (Аба) языку <u>Отлично</u>	методике естествознания <u>Отлично</u>
алгебре <u>Отлично</u>	методике истории <u>Отлично</u>
геометрии <u>Отлично</u>	методике географии <u>Отлично</u>
тригонометрии <u>Отлично</u>	рисованию <u>Отлично</u>
естествознанию <u>Отлично</u>	чистописанию <u>Отлично</u>
физике <u>Отлично</u>	физкультуре <u>Отлично</u>
химии <u>Отлично</u>	военному делу <u>Отлично</u>
истории <u>Отлично</u>	пеню и музыке <u>Отлично</u>
географии <u>Отлично</u>	педагогической практике <u>Отлично</u>

№ 135

НА ОСНОВЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) И СНК СССР ОТ 28 НОЯБРЯ 1939 ГОДА „О ПРИСВОЕНИИ
 ЗВАНИЯ УЧИТЕЛЯ НАСТАВНИКАм, ОКОНЧИВАЮЩИМ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ“ Шахназарова Назире М.
Шахназарова Назире М. присваивается персональное звание УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.

НА ОСНОВАНИИ ПРАВИЛ, УТВЕРЖДЕННЫХ ВЕСОЮЗНЫМ КОМИТЕТОМ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР, ОТ 10 МАРТА 1939 ГОДА Шахназарова Назире М.
 пользуется правом поступления в высшее учебное заведение по своей
 специальности без вступительных экзаменов.

10.11.1943 г. (и. п.) Директор педагогического училища Шахназарова Назире М.
 г. Анжени Вед. учебной частью
 Учитель: А. Арини

Книга НАЗИРЫ —
депортированной
мечетинки

Компьютерная верстка – НИКА ГЕЛАШВИЛИ
Оператор – ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКА

Центр культурных взаимосвязей Грузии
“Кавказский дом”.
Тбилиси, ул. Галактиона №20